

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский горный университет»

На правах рукописи

Бурмистрова Татьяна Александровна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКО-
СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ *ГОРОД/ДЕРЕВНЯ*:
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Г.М. Васильева

**Санкт-Петербург
2017**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Теоретические основы исследования лингвокультурологического потенциала оппозиции <i>город/деревня</i> в российской лексикографической традиции	12
1.1. Лингвокультурологический подход к слову в современной лингвистике	12
1.1.1. Основные задачи лингвокультурологического направления современных исследований	12
1.1.2. Интегративный подход к слову в лингвокультурологии	18
1.1.3. Лингвокультурологический потенциал слова как основа реконструкции лингвокультурного концепта	23
1.2. Лингвокультурологический потенциал слова в лексикографической традиции	29
1.2.1. Основные типологии словарей в русской лексикографии	29
1.2.2. Основные характеристики системной лексикографии	35
1.2.3. Антропоцентрическое направление в современной русской лексикографии	38
1.3. Культурологические и лингвистические предпосылки выделения оппозиции <i>город/деревня</i>	43
1.3.1. Исследование феноменов <i>города</i> и <i>деревни</i> в междисциплинарном пространстве	43
1.3.2. Соотношение лексем <i>город</i> и <i>деревня</i> в лексико-семантической системе языка	54
1.3.3. Оппозиция <i>город/деревня</i> по данным этимологических и толковых словарей	61

1.3.4. Авторская интерпретация наименований населенных пунктов (по данным словарей языка писателей)	76
Выводы	93
ГЛАВА II. «Лексикографический портрет» оппозиции <i>город/деревня</i> в системной лексикографии и в словарях лингвокогнитивного направления: динамические процессы и лингвокультурологический потенциал	99
2.1. Лингвокультурологический потенциал оппозиции <i>город/деревня</i> в системной лексикографии	99
2.1.1. Словообразовательные характеристики лексем <i>город</i> и <i>деревня</i> как расширение коннотативной зоны оппозиции	99
2.1.2. Парадигматические и синтагматические характеристики лексем <i>город</i> и <i>деревня</i> (по данным словарей антонимов и словарей сочетаемости)	107
2.2. Оппозиция <i>город/деревня</i> в словарях лингвокогнитивного направления	120
2.2.1. Динамические процессы в содержании оппозиции <i>город/деревня</i> (по данным словарей ассоциативных норм)	120
2.2.2. Концепты <i>город</i> и <i>деревня</i> как объект когнитивной лексикографии	130
2.3. Метафорический потенциал лексем <i>город</i> и <i>деревня</i> (по данным лексикографических источников)	137
Выводы	141
Заключение	145
Список литературы	152
Список литературы на иностранных языках	175
Интернет-ресурсы	176
Список словарей и справочников	176
Приложение	182

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертация посвящена описанию динамических процессов в содержании и структуре лексико-семантической оппозиции *город/деревня* (на основе данных комплекса лексикографических источников).

Как известно, место и среда обитания человека составляют не только один из важнейших аспектов его биологического существования, но и определяют особенности мировосприятия и мировоззрения личности. Локальный аспект конкретизации бытия проявляется как чрезвычайно разветвленный и частотный в русском языке. Так, лексико-семантическая группа наименований населенных пунктов насчитывает более 30 единиц, а лексемы *город* и *деревня*, согласно «Системе лексических минимумов современного русского языка» под ред. В.В. Морковкина, принадлежат к 500 самым важным словам современного русского языка.

Представляется, что соотношение феноменов *города* и *деревни* можно рассматривать в контексте бинарных оппозиций, позволяющих структурировать представления о мире. Оппозиция *город/деревня* попадает в сферу широкого круга гуманитарных и естественных дисциплин (культурологии, экономики, социологии, истории, литературоведения и т.д.), выявляющих исторические, экономические, демографические, философские, концептуальные, этические, символические и другие критерии противопоставления города и деревни. Вполне закономерно, что представления о данной оппозиции находят отражение в значительном фрагменте языковой картины мира и зафиксированы в различных лексикографических источниках (толковые, этимологические, идеографические, синонимические словари, словообразовательные словари, словарь сочетаемости, словари ассоциативных норм, словари языка писателя, словарь русской ментальности, частотный словарь; лексикографические источники энциклопедического характера (энциклопедии и словари различных лет). Ввиду этого в работе ставится задача проследить характер фиксации данной оппозиции в русской лексикографии. Принцип антропоцентризма, став основополагающим на

современном этапе развития лингвистических исследований, привел к становлению и развитию интегративного подхода к слову в современной русской лексикографии, для которого актуальна связь когнитивистики не только с лингвокультурологией, но и с системно-структурной парадигмой научного знания, связь концептуального и семасиологического анализа слова. Проникновение в глубинные структуры семантики позволяет на основе семантико-когнитивного анализа соединить принципы, содержащиеся в традиционном лингвистическом подходе, и описания семантики лексических единиц, зафиксированные в словарях, с когнитивными методами исследования. Именно опора на совокупные комплексные данные лексикографии дает широкие возможности для интегративного анализа слова, поскольку позволяет не только выявить динамику лексикографической фиксации лексемы, но и проследить «путь» слова в культуре, проникнуть в содержание концепта, стоящего за ним.

Актуальность исследования обусловлена усилением тенденции антропоцентричности в изучении языка, которая находит выражение в концепции языковой картины мира. В рамках данного подхода актуальным предметом исследования становятся различные культурно маркированные группировки лексики, отражающие особенности русской языковой картины мира, к которым относится и обширная лексико-семантическая группа наименований населенных пунктов. Данная группа лексики, вербализующая представления о месте и среде обитания человека, отражает очень важный и многогранный фрагмент русской культуры, а базовые лексемы группы *город* и *деревня* маркируют существенные различия в бытии и сознании человека на экономическом, социальном, идеологическом, мировоззренческом и других уровнях, достигающие масштаба оппозиции. Интегративный подход к слову позволяет объединить системный и лингвокультурологический потенциал лексики, зафиксированный многочисленными лексикографическими источниками, и объективно представить характер, содержание и структуру оппозиции *город/деревня*. Ввиду экономических и политических изменений в обществе оппозиция *город/деревня*

является одним из самых мобильных фрагментов языковой картины мира и потому требует пристального исследовательского внимания.

Объект исследования – лингвокультурологический потенциал, а также содержание и структура оппозиции *город/деревня* в словарях различного типа.

Предмет исследования – динамические процессы в содержании оппозиции *город/деревня* в русской лексикографии.

Цель работы – выявить лингвокультурологический потенциал оппозиции *город/деревня* по данным русской лексикографии.

Поставленной цели соответствуют следующие **задачи**:

- определить основные содержательные признаки оппозиции *город/деревня* по данным гуманитарных дисциплин;
- уточнить содержание и структуру лексико-семантической группы наименований населенных пунктов по данным идеографических словарей и источников энциклопедического характера;
- установить место лексем *город* и *деревня* в составе лексико-семантической группы наименований населенных пунктов на базе системных словарей русского языка, тем самым выявить степень семантического «отталкивания» лексем *город* и *деревня*, а также возможность их включения в отношения оппозиции;
- определить содержание и структуру оппозиции *город/деревня* и проследить их динамику по данным различных словарей;
- охарактеризовать оппозиционные отношения в составе ассоциативно-вербальных полей «город» и «деревня» в словарях ассоциативных норм разного периода;
- выявить характер и динамику оппозиции *город/деревня*, интегрируя данные системных словарей и словарей когнитивного типа.

Материалом диссертации послужили лингвистические словари различных типов (толковые, этимологические, идеографические, синонимические, словообразовательные словари, словарь сочетаемости, словари ассоциативных норм, словари языка писателя, словарь русской ментальности, частотный словарь),

лексикографические источники энциклопедического характера (энциклопедии и словари различных лет).

Гипотеза исследования: интегративный подход к слову, базирующийся на комплексных данных словарей системного и когнитивного характера, позволяет выявить лингвокультурологический потенциал оппозиции *город/деревня*, а также характер изменений в ее содержании и структуре.

Для реализации поставленных задач в диссертации использовались следующие **методы и приемы исследования:** лексикографический, этимологический, ассоциативный, компонентный, контекстуальный, концептуальный, лингвокогнитивный, экспериментальный анализ лексики. Ведущим в исследовании является интегративный метод.

Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составляют научные труды, посвященные проблемам соизучения языка и культуры (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Г.М. Васильева, В.В. Воробьев, Е.И. Зиновьева, В.А. Маслова, В.Н. Телия и др.), когнитивные исследования (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.В. Рахилина и др.), исследования по теории лексикографии (Ю.Д. Апресян, П.Н. Денисов, Ю.Н. Караулов, В.А. Козырев, В.Д. Черняк, Н.Ю. Шведова и др.), исследования, посвященные различным аспектам описания концепта (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Л.В. Миллер, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др.), интегративному подходу к слову (Н.В. Акованцева, З.Д. Попова, Н.Е. Сулименко и др.), понятию коннотации (Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко, Г.Н. Складеревская, В.Н. Телия, Г.В. Токарев и др.), психолингвистические исследования языкового сознания (А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев и др.).

Положения, выносимые на защиту:

- данные различных направлений гуманитарного знания позволяют говорить о существовании выраженной междисциплинарной оппозиции *город/деревня*, включающей экономические, социальные, идеологические, философские и другие составляющие, проявляющиеся на эмпирическом и

экзистенциальном уровнях, что актуализирует вопрос о способах и механизмах ее фиксации на уровне слова;

- интегративный подход к слову в современном словаре позволяет рассматривать лексикографическую фиксацию явлений лексико-семантического порядка как наиболее объективное отражение не только собственно языкового (системного), но и лингвокультурологического (когнитивного) содержания и таким образом определить характер противопоставления и масштаб «отталкивания» между единицами лексической системы, в том числе в оппозиции *город/деревня*;

- структуру и содержание оппозиции *город/деревня* можно представить методом поля, иерархичность компонентов которого может определяться на основании критериев денотативности/коннотативности, регулярности/нерегулярности, симметричности/несимметричности; при этом осевой, ядерной частью оппозиции становятся денотативные, регулярные, симметричные оппозиционные признаки, околядерную зону составят регулярные несимметричные признаки, а периферию – нерегулярные несимметричные признаки;

- толковые, этимологические и идеографические словари конституируют наличие устойчивой оппозиции *город/деревня* в лексической системе русского языка: посредством отнесения денотатов *город* и *деревня* к однородным явлениям (на основании базовой интегральной семы «населенный пункт»), а также ввиду последовательной констатации симметричных регулярных оппозиционных признаков параметрического (большой/маленький) и социального (индустриальный, производственный труд/сельскохозяйственный труд) порядка, которые транслируются практически во всех лексикографических источниках и тем самым становятся осью оппозиции *город/деревня* в русском языке; околядерная зона оппозиции включает регулярные, несимметричные семантические признаки (город – огороженное, укрепленное пространство); к периферии семантического противопоставления можно отнести нерегулярные, несимметричные признаки (наличие связи с природой/отсутствие связи с

природой; наличие оценочного переосмысления /отсутствие оценочного переосмысления);

- когнитивный потенциал лексикографически зафиксированных семантических, синтагматических и парадигматических связей позволяет выделить и оценочную маркированность оппозиции, а именно: амбивалентность общей оценки членов оппозиции (по шкале хорошо/плохо), а также наличие антропоморфного негативно-оценочного компонента оппозиции (ср.: деревня (в значении *о простоватом, глупом человеке*), деревенщина (в значении *о грубом, простоватом человеке, жителе деревни*)), создающего несимметричную оценочную зону соответствующих концептов;

- при сопоставлении данных трех ассоциативных словарей различного периода обнаружилась очевидная динамика в структуре оппозиции, которая проявилась в следующих изменениях: ослабление социального признака, включенного в ядерную зону оппозиции в системных словарях, привело к утрате ее четкости в сознании носителей современного русского языка; оппозиция утратила историко-этимологический и оценочный (обусловленной патриархальностью, отсталостью жителей деревни) признаки; в ядро ассоциативно-вербального поля оппозиции перемещаются признаки, связанные с удаленностью деревни от центра, со старшим поколением, а также природно-экологический признак;

- динамика оценочной зоны оппозиции проявилась в ее расширении и усилении ряда негативных характеристик города (шум, разъединенность, плохая экология), а также в значительной редукции позитивных представлений о деревне и возникновении новых негативно оценочных мотивов: появление и усиление мотива разрухи; появление мотива деревенского пьянства; утрата лирических настроений, связанных с красотой деревенской природы; ослабление и утрата мотива любви к деревне; утрата связи с Россией и родиной; замена модели *приехать в деревню* на *уехать из деревни* и др.; постоянной для современных носителей русского языка остается ассоциация деревни с природой и семьей.

Научная новизна работы состоит в выявлении по данным различных лексикографических источников общего корпуса наименований видов населенных пунктов в русском языке, а также в определении структуры данной лексико-семантической группы; в попытке аргументировать наличие оппозиции *город/деревня* по данным различных дисциплин; в представлении структуры данной оппозиции методом поля; в фиксации динамических процессов в содержании данной оппозиции по словарям различного типа.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем осуществлен комплексный анализ, а также выявлены содержание и структура оппозиции *город/деревня* по данным лексикографических источников с использованием лингвокультурологического подхода, который позволяет объединить семантические и лингвокультурологические свойства слова. В диссертации прослеживается динамика содержания данной оппозиции, обусловленная изменениями социально-экономических, политических, экологических и др. условий существования лингвокультурного сообщества, а также изменениями в языковой картине мира носителей русского языка. Результаты данной работы могут быть использованы при описании тематически близких семантических и концептуальных явлений.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при проведении практических занятий и семинаров по лексикологии, русскому языку и культуре речи, методике преподавания русского языка как иностранного, при чтении культуроведческих и лингвокультурологических дисциплин; подготовке учебно-методических пособий, сборников практических заданий и упражнений по функциональной стилистике, а также при создании учебников и словарей.

Апробация работы. Основные положения данного исследования излагались в виде научных докладов на международных научных, научно-методических и научно-практических конференциях «Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе» (Горный университет, 2013), «Проблемы модульного обучения русскому языку как иностранному в высшей

школе» (Горный университет, 2015), «Международное сотрудничество в образовании и науке. Социальные вопросы обучения иностранных студентов в российских вузах. 50 лет подготовительному факультету» (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015), «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры» (МАПРЯЛ, 2015), «Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе» (Горный университет, 2015). По теме диссертации опубликовано 11 статей, в том числе 4 статьи в научных журналах, включенных в перечень ВАК.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ГЛАВА I. Теоретические основы исследования лингвокультурологического потенциала оппозиции *город/деревня* в российской лексикографической традиции

1.1. Лингвокультурологический подход к слову в современной лингвистике

1.1.1. Основные задачи лингвокультурологического направления современных исследований

В течение нескольких десятилетий в лингвистической науке происходит переориентация исследований на антропоцентрическую парадигму. По мнению ученых, поиск новых стратегий и формирование новой научной парадигмы привели к преобразованию сформировавшейся системы воззрений на язык и принципов лингвистических исследований [Дорофеев 2008: 302]. Антропоцентризм становится вовлеченным в изучение научных объектов по их роли для человека, в его жизнедеятельности, для развития и усовершенствования человеческой личности. В лингвистике антропоцентрический принцип позволяет рассматривать языковые явления в связи «язык и человек» [Кубрякова 1995: 213]. Язык, принадлежащий определенному народу с его культурой и традициями, является посредником между человеком и картиной мира, с помощью языковых средств человек отражает свое восприятие мира. Данная концепция уходит своими корнями к известным идеям Вильгельма фон Гумбольдта, который, отмечая очевидную связь между языком и культурой, констатировал, что язык тесно связан с духовным развитием человечества и отражает в себе каждую стадию культуры [Гумбольдт 1984: 48]. Такое понимание взаимосвязи языка и культуры нашло в дальнейшем воплощение в рамках гипотезы Сепира-Уорфа, согласно которой язык определяется как «продукт социального и культурного развития» [Сепир 1993: 265]. Данное направление послужило формированию целого ряда дисциплин, которые рассматривают проблемы взаимоотношения языка и культуры, таких как: лингвострановедение (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Г.Д. Томахин, Л.И. Харченкова и др.), социолингвистика (А.Н.

Леонтьев, Н.Б. Мечковская, Р.М. Фрумкина и др.), этнолингвистика (Е. Бартминьски, А.С. Герд, В.Н. Телия, Н.И. Толстой, О.Н. Трубачев и др.), психолингвистика (А.Н. Леонтьев, Ю.Н. Караулов, Р.М. Фрумкина, и др.), лингвокультурология (Г.М. Васильева, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.В. Красных, И.П. Лысакова, В.А. Маслова, К.А. Рогова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова и др.).

По мнению исследователей, немаловажную роль в формировании лингвокультурологии сыграло лингвострановедение, которое отражает, фиксирует и сохраняет в языковых единицах информацию о постигнутой человеком действительности [Верещагин, Костомаров 1980: 7]. Непосредственно предшествующей лингвокультурологии является и этнолингвистика, о чем свидетельствуют определения, в которых лингвокультурология предстает как неотъемлемая часть этнокультуры. Так, В.Н. Телия считает лингвокультурологию частью этнолингвистики, которая изучает и описывает язык и культуру в их синхронном взаимодействии [Телия 1996: 217]. Такой же позиции придерживается и Н.Ф. Алефиренко, утверждая, что «лингвокультура – неотъемлемая часть любой этнокультуры, представляющая собой синергетически возникшую амальгаму (слияние, сплав, совокупность) взаимосвязанных явлений культуры и языка, зафиксированную и освоенную определенным этноязыковым сознанием» [Алефиренко 2010: 66].

Совершенно очевидной является связь лингвокультурологии с культурологией. Так, В.И. Тхорик и Н.Ю. Фанян рассматривают лингвокультурологию как практическую реализацию культурологии [Тхорик, Фанян 2006: 35]. Подобную точку зрения разделяет и В.А. Маслова, считая, что лингвокультурология как наука возникла на стыке лингвистики и культурологии и исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке [Маслова 2001: 28].

При такой интерпретации можно говорить о том, что лингвокультурология представляет собой комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, которая рассматривает связь языка и культуры и отражает этот процесс как

целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления [Воробьев 2008: 37].

Будучи комплексной научной дисциплиной, лингвокультурология использует различные методы анализа: метод лингвистической реконструкции культуры, метод концептуального анализа, компонентный анализ, свободный ассоциативный эксперимент и др.

Постоянно уточняется понятийный аппарат лингвокультурологии, включающий в себя понятия: «лингвокультурологическая парадигма», «лингвокультурема», «культурный фон», «культурная коннотация», «культурная традиция» и др. Базовым понятием для лингвокультурологии является лингвокультурный концепт. Поскольку взаимодействие языка и культуры осуществляется в сознании, то любое лингвокультурологическое исследование можно рассматривать и как когнитивное. Поэтому другим направлением, позволяющим исследовать проблему «язык и человек», является когнитивная лингвистика. Ученые считают, что лингвокультурология и когнитивная лингвистика имеют разные научные парадигмы и разные предметы исследования, однако обе науки имеют базовое понятие – концепт. Отсюда встает вопрос о разграничении лингвокультурного и когнитивного концептов, которые, с одной стороны, дополняют друг друга, поскольку это две стороны одного и того же явления, включающие два уровня одного психоментального процесса: соединение слова и его значений, включение слова в культурный контекст, когда оно становится ключом к пониманию культуры. С другой стороны, данные подходы имеют разные векторы по отношению к индивиду: для лингвокогнитивного концепта характерно направление от индивидуального сознания к культуре, а для лингвокультурного концепта – направление от культуры к индивидуальному сознанию [Жаркынбекова 2004: 17]. Лингвокультурный концепт имеет ряд специфических отличий от когнитивного, среди которых ведущее место принадлежит актуализации ценностного компонента, благодаря чему лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц

(когнитивный концепт, сценарий, фрейм и т.д.), которые используются в различных областях науки. Лингвокультурный концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный компонент [см. Карасик 2004].

Чаще всего лингвокультурные концепты относят к числу единиц ментальности, при этом в лингвокультурологии под ментальностью понимается «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке» [Колесов 2006: 13].

Вопрос о выделении единиц, исследуемых в рамках лингвокультурологии, является не до конца решенным. Так, В.В. Воробьев считает основной единицей лингвокультуремы, которая предполагает единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания [Воробьев 1997: 44-45]. По мнению В.И. Карасика, культурный концепт является основной единицей лингвокультурологии, а в качестве единиц изучения выступают реалии и фоновые значения, то есть содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующиеся для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа [Карасик 2004: 127-129]. С.Г. Воркачев к базовым единицам лингвокультурологии относит лингвокультурную парадигму, культурную коннотацию и концепт. Согласно мнению В.Н. Телия, единицы, исследуемые в рамках лингвокультурологии, можно разделить на два типа: одни воплощают информацию в денотативном аспекте значения (к ним относятся концепты духовной и социальной культуры), другие выражают культурно значимую информацию в коннотативном аспекте [см. Телия 1996]. Некоторые исследователи считают, что к базовым единицам лингвокультурологии следует относить понятия, которые способствуют отражению национальной специфики, зафиксированной в любых знаках языка. По такому принципу к единицам лингвокультурологии можно отнести следующие понятия: языковая картина мира, лингвокультура, лингвокультурная

область, лингвокультурный концепт, менталитет/ментальность, культурный смысл [Бутенко 2014: 9].

Современная отечественная наука занимается разработкой научно-методических оснований лингвокультурологии, а также постановкой целей и задач. В самом обобщенном виде В.А. Маслова определяет задачи лингвокультурологии следующим образом:

1. Выявить место культуры в процессе образования языковых концептов.
2. Уточнить, в какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы».
3. Выяснить, осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии.
4. Выявить существование в реальности культурно-языковой компетенции носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы.
5. Определить концептосферу, а также дискурсы культуры, ориентированные на репрезентацию носителями одной культуры, множества культур.
6. Создать понятийный аппарат данной науки и систематизировать ее основные понятия для анализа взаимодействия языка и культуры, а также для обеспечения понимания в рамках антропоцентрической парадигмы [Маслова 2001: 30-31].

Одной из задач лингвокультурологии исследователи считают выявление и описание базовых оппозиций культуры, находящих отражение в языке. Так, В.В. Красных определяет задачу лингвокультурологии как стремление «выявить с помощью и на основе языковых данных базовые оппозиции культуры, закрепленные в языке и проявляющиеся в дискурсе; отраженные в зеркале языка и в нем зафиксированные представления об окультуренных человеком сферах: пространственной, временной, деятельностной и т.д., проступающие сквозь призму языка древнейшие представления, соотносимые с культурными архетипами» [Красных 2002: 12-13]. Изучение оппозиций в

лингвокультурологическом аспекте, по мнению исследователей, происходит с учетом концептуальных признаков, связанных с этнокультурной традицией [Кулешова 2014: 5] и потому представляется им весьма перспективным способом для выявления языковых изменений под влиянием различных социальных факторов [Там же]. Именно выход в контекст культуры позволяет оценить важность знаний, стоящих за языковым знаком и являющихся культурно обусловленными.

Согласно В.А. Масловой, в лингвокультурологии к сегодняшнему дню оформилось несколько направлений:

1. Лингвокультурология отдельной социальной группы, которая исследует конкретную лингвокультурную ситуацию.
2. Диахроническая лингвокультурология, изучающая изменения лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени.
3. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.
4. Сопоставительная лингвокультурология, находящаяся на стадии развития.
5. Лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей [Маслова 2001: 28-29].

В настоящее время в рамках лингвокультурологии развивается лексикографическая традиция, которая постепенно оформляется в новую отрасль лексикографии. Некоторые исследователи определяют ее как лингвокультурологию [см. Лукьянова 2004], как культурологическую, либо лингвокультурологическую лексикографию, в рамках которых систематизируются культурные ценности, зафиксированные в понятиях, являющиеся культурными концептами [Орешкина 2001: 181]. Основная задача лингвокультурологических словарей состоит в описании национально-культурных особенностей на глубинном семантическом уровне, учитывая системный и интегративный подходы к явлениям языка и культуры. В таких словарях сочетаются лингвистические сведения о языковой единице с культурной

информацией о соответствующих культурных реалиях, фиксируются образы, ассоциативные связи, представления, которые характерны для языкового сознания носителей русского языка [Галлямова 2015: 84]. Лингвокультурологические словари составляются исходя из двух принципов, таких как: 1) культурная специфичность самой лексемы или каких-либо компонентов значения слова; 2) общеизвестность словарной информации для всех носителей данного языка и культуры [Чернобровов 2014: 40].

Таким образом, лингвокультурологическая направленность исследований обнаруживает новые перспективы исследования языка «на стыке» нескольких направлений с привлечением как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Поэтому значимой в современной науке является проблема выявления соответствующих подходов и определения стратегии интегративного исследования.

1.1.2. Интегративный подход к слову в лингвокультурологии

В современной лингвистике получил распространение интегративный подход к слову, который объединяет не только собственно лингвистическую информацию о слове, но и информацию, выходящую за пределы языка, которая и намечает путь к реконструкции концепта, стоящего за словом. Интегративный подход к слову стал развиваться в связи с антропоцентрической направленностью современного гуманитарного знания. Определяя особенности данного направления, исследователи обращают внимание на то, что только привлечение интегративных методов позволяет проникать в более глубокие слои семантического устройства слова и целостно отражать объект исследования.

В последнее время в лингвистике принцип интегративности получил ряд трактовок:

1) Интегративность как стремление представить язык в вертикальной проекции. В данном случае интегративность выступает как принцип, обеспечивающий системное описание языка.

2) Интегративность позволяет синтезировать несколько наиболее значимых концепций с целью представления нового знания о языке.

3) Интегративность как междисциплинарность позволяет превращать лингвистическое описание в целостный, многомерный, комплексный, голографический процесс-сценарий, осуществление которого практически невозможно без привлечения данных смежных наук. Таким образом, в рамках современного языкознания зарождаются и плодотворно развиваются лингвокультурологическая, лингвокогнитивная, когнитивно-семиотическая и др. парадигмы лингвистического знания [Иванова, Самигуллина 2009: 1181].

В работах многих исследователей (Н.В. Акованцева, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Н.Е. Сулименко, В.Д. Черняк и др.) под интегративным подходом понимается совокупность «системно-структурных характеристик, обусловленных и когнитивно, и лингвокультурологически» [Сулименко 2010: 47].

Как известно, определяющим в научной мысли XX века было представление о системности языка, согласно которому система в языке – это связь ярусов языковой структуры: фонетического, морфологического, синтаксического и даже лексического. Структура – представляет собой ту «ось», на которой «крепятся» различные ее ярусы, образуя единство разнородных элементов в целом [Реформатский 1957: 28-29].

Системный подход проявляется в лексике: 1) в семантической структуре слова, отражающей его отношение к действительности; 2) в словопроизводственных отношениях, связях слов с другими словами по своей форме, отношению слова к той или иной общей или частной лексико-грамматической категории (части речи, гнездо слов); 3) в семантических связях и отношениях слова с другими словами: синонимия, антонимия; объединений слов в лексико-тематические группы, отдельные терминологические ряды, семантические микросистемы; 4) в контекстуальных, семантико-фразеологических связях слов: наличии устойчивой сочетаемости слов в речи, определенных единообразных типов этой сочетаемости; 5) в объединении, группировке слов по стилистическим свойствам [Сорокин 1965: 13].

Однако с развитием научной мысли оформилась популярность идеи рассматривать язык не просто как систему, а «как когнитивную способность, специфическую для нашего биологического вида и физически представленную в мозге» [Chomsky 2002: 1]. В дальнейшем данная идея привела к формированию когнитивного подхода и выделению когнитологии – науки «о различных типах человеческого знания, в частности языкового и внеязыкового, и способах его репрезентации» [Васильев 2007]. Показательно, что возникновение когнитивной лингвистики продиктовано стремлением к поиску способов интеграции знания в рамках различных научных направлений [Залевская 2002: 9-21]. При когнитивном подходе язык понимается как средство формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями [Беседина 2010: 32]. Именно когнитивный подход обеспечивает глубинный многоуровневый анализ семантики с привлечением как языковых, так и экстралингвистических знаний.

Поскольку в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, то очевидной является связь когнитивистики с лингвокультурологией. Становление лингвокультурологии как науки привело к переосмыслению различных принципов в исследовании языка, и расширило понимание его функций [Белозерова, Локтионова 2013: 3]. Также следует отметить, что в самом наименовании дисциплины заложен принцип интеграции языкознания и культурологии, который обеспечивает взаимную интегрированность обеих наук, и способствует порождению нового знания. Из этого следует, что лингвокультурология затрагивает глубинные уровни семантики, привлекая системный и интегративный подходы к явлениям языка и культуры [Алефиренко 2010: 92]. Соответственно, это позволяет говорить о близости лингвокультурологического и когнитивного подходов, поскольку сама культурная интерпретация языковых сущностей является когнитивной по своему характеру [Телия 1999: 23].

Лингвокультурологический подход в лексике связан прежде всего с выявлением в лексических единицах культурно маркированных семантических

компонентов. Как известно, семантика слов определенным образом зависит от особенностей национального менталитета, ценностных установок языковой личности, создающей языковую картину мира.

В связи языка и культуры рождается коннотация слова, многомерность и многоплановость содержания которой обуславливает разработку ее как в зарубежной (Р. Барт, Л. Блумфилд, А. Мартине, Ж. Молино и др.), так и в отечественной лингвистике (Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, Г.Н. Складневская, В.И. Шаховский и др.).

Исследователи говорят о различных подходах к коннотации: «С одной стороны, коннотациями назывались «добавочные» (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) элементы лексических значений, включаемые непосредственно в толкование слова. <...> С другой стороны, о коннотациях говорили тогда, когда имели в виду узаконенную в данной среде оценку вещи или иного объекта действительности, обозначенного данным словом, не входящую непосредственно в лексическое значение слова» [Апресян 1995: 158].

О двоякой трактовке понятия «коннотация» говорят и другие исследователи. Так, А.Т. Хроленко подчеркивает, что коннотация – это несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта, отражающие связанные со словом культурные представления и традиции. Коннотации обнаруживают себя в языке и не входят непосредственно в лексическое значение, не являются следствиями из него. А.Т. Хроленко относит к языковым проявлениям коннотации переносные значения, метафорические сравнения, производные слова, фразеологические единицы, поговорки, пословицы. Таким образом, с одной стороны, коннотации представляют собой добавочные (модельные, эмоционально-экспрессивные, оценочные) элементы лексических значений, которые входят в толкование слова; с другой стороны, дают оценку тому или иному объекту действительности и не включаются в лексическое значение слова [Хроленко 2009: 84].

В связи с этим В.Н. Телия вводит понятие «культурной коннотации», которое является «базовым для лингвокультурологии – научной дисциплины, исследующей воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преемственности с языком и культурой этноса» [Телия 1996: 216]. Под культурной коннотацией В.Н. Телия понимает интерпретацию «денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры. Под категориями культуры понимаются стереотипы, символы, эталоны, мифологемы и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом-носителем того или иного языка» [Там же: 214]. Таким образом, можно рассматривать культурную коннотацию как «звено», соединяющее знаки языка со знаками национальной культуры (концептами, стереотипами, эталонами и т.д.) [Там же: 214]. Коннотация включает в себя ассоциативно-образный компонент, который проявляется в оценочной квалификации и стилистической маркированности и связывает денотативное и коннотативное содержание языковых единиц [Бойко 2014: 84].

Таким образом, интегративный подход к слову соответствует задачам лингвокультурологии и позволяет по-новому взглянуть на взаимодействие языка и культуры, языка и сознания с учетом национального менталитета и языковой репрезентации, а также выводит описание семантики на другой уровень, включая системно структурные, когнитивные и лингвокультурологические характеристики, которые отражают два уровня одного психо-ментального процесса: с одной стороны, сложение слова и его значения, с другой стороны, включение слова в культурный контекст [Нуртазина 2003: 56].

1.1.3. Лингвокультурологический потенциал слова как основа реконструкции лингвокультурного концепта

Именно интегративный подход к слову, понимаемый как совокупность системно-структурных характеристик, обусловленных и когнитивно, и лингвокультурологически, объединяет не только собственно лингвистическую информацию, но и информацию, выходящую за пределы языка, которая и намечает выход к концепту, стоящему за словом.

Включение слова в культурный контекст и выявление его лингвокультурологического потенциала прокладывает путь к реконструкции содержания лингвокультурного концепта, обладающего «сложной, многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им» [Маслова 2007: 46].

В настоящий момент термин *концепт* активно исследуется в двух основных направлениях современного языкознания: когнитивной лингвистике (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.) и лингвокультурологии (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.). Оба эти направления взаимообусловлены и связаны друг с другом. Однако, по мнению исследователей, лингвокультурологический концепт в отличие от других ментальных единиц (фрейм, скрипт, образ, архетип, мнема, стереотип) имеет ценностный компонент. По их мнению, те мыслительные единицы, которые не имеют ценностного компонента и не обладают культурной значимостью, не могут являться объектом рассмотрения в лингвокультурологии [Карасик, Слышкин 2001: 77].

При когнитивном подходе концепт рассматривается как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию

об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 24].

С точки зрения лингвокультурологического подхода, концепт определяется как «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев 2001: 72]. В.А. Маслова считает, что «концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по М. Хайдегеру). Но в то же время – это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека (по Д.С. Лихачеву). Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [Маслова 2004: 36].

Исследователи подчеркивают сложность и многомерность концепта. Так, например, Г.Г. Слышкин рассматривает концепт в различных проявлениях:

- 1) как системный потенциал, то есть совокупность средств апелляции к концепту, предлагаемых носителю языка культурой, как накопленное культурой лингвистическое достояние, зафиксированное в лексикографии;
- 2) как субъектный потенциал, то есть арсенал языковых средств, хранящихся в сознании индивида. Данный уровень более узок, чем предыдущий, в том смысле, что ограниченность памяти и различия в образовательном уровне не позволяют каждому индивидууму овладеть всей совокупностью языковых средств, апеллирующих к тому или иному концепту. Однако он более обширен в том смысле, что в нем появляются новые единицы и связи между ними, которые еще не получили фиксации на первом уровне. Уровень системного потенциала всегда

является вторичным и запаздывающим по отношению к уровню субъективного потенциала;

3) как текстовые реализации, то есть апелляции к концепту в конкретных коммуникативных целях [Слышкин 2004: 32-33].

Многие исследователи говорят о сложной структуре концепта. Так, Ю.С. Степанов выделяет три «слоя» в содержании концепта:

1) основной признак, актуальный слой концепта, который актуально существует для всех пользующихся данным языком как средство их взаимопонимания и общения;

2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими», актуализирующимися при общении людей лишь некоторых социальных групп;

3) буквальный смысл, или «внутреннюю форму, обычно вовсе неосознаваемую, запечатленную во внешней словесной форме, или этимологический, наиболее удаленный в историю, признак концепта» [Степанов 2001: 46-47].

По мнению В.В. Колесова, смысловое единство концепта обеспечивается последовательностью его «проявления в виде образа, понятия и символа» [Колесов 2002: 107], где образ представляет собой психологическую основу знака, понятие отражает логические функции сознания, а символ – общекультурный компонент словесного знака [Там же: 42].

С.Г. Воркачев выделяет в составе лингвокультурного концепта три составляющие: 1) понятийную (отражающую его признаковую и дефиниционную структуру); 2) образную (фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании); 3) значимостную, (определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда входят его этимологические и ассоциативные характеристики [Воркачев 1997: 115-124]. По мнению В.И. Карасика, концепт состоит из трех компонентов: понятийного, образного и ценностного [Карасик 2001: 3-16]. Различные подходы к содержанию концепта не представляются взаимоисключающими, а лишь высвечивают многослойность и

многоаспектность его структуры, которые необходимо учитывать в процессе реконструкции.

В качестве методов описания концепта В.И. Карасик выделяет семантический и этимологический анализ слов, являющихся именами концептов; семантический анализ переносных, ассоциативных значений слов, воплощающих концепты; интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых употребляются слова и словосочетания, обозначающие и выражающие концепты; интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определенным концептом; интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний (поговорок, афоризмов, цитат); анализ коротких сочинений, написанных информантами, и их ассоциативных реакций на вербальные обозначения концепта [Карасик 2009: 32].

Таким образом, концепты рассматриваются на основании целого ряда критериев: образного, ассоциативного, понятийного, ценностного, этимологического и исторического, поэтому исследование концепта предполагает использование различных методик концептуального анализа, под которыми понимают совокупность исследовательских приемов, используемых для описания концепта. З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают следующие приемы: анализ семемы ключевого слова, выявление ее семного состава; психолингвистический эксперимент; анализ лексической сочетаемости и синонимического ряда ключевого слова, построение лексико-фразеологического, деривационного, лексико-грамматического поля ключевого слова; анализ паремий, объективирующих концепт; анализ художественных и публицистических текстов; анализ устного, разговорного словоупотребления [Попова, Стернин 2009: 41-42].

Е.И. Зиновьева предлагает следующую методику концептуального анализа, включающую: «1. Исследование этимологии ключевого слова (слова-концепта) для выявления «свернутого смысла», синкретично представленного в корне, «этимона, зародыша смысла». 2. Анализ лексикографических источников, которые позволяют выделить содержание понятия на основе словарных дефиниций, т.е. ту семантическую доминанту, которая не меняется со временем.

Выделяются семы, формирующие ядро концепта. 3. Выведение дополнительных концептуальных признаков слова посредством дистрибутивного анализа типичной сочетаемости слова-концепта. 4. Анализ метафорических употреблений. 5. Анализ словообразовательных производных ключевого слова, поскольку концепт заложен не в слове, а в корне слова и реализуется во всей словообразовательной парадигме. 6. Выявление парадигматических связей концепта в концептосфере языка предоставляет исследователю возможность частичного толкования интересующего его концепта. 7. Обращение к ассоциативным словарям и (или) проведение ассоциативного эксперимента для определения ассоциативного поля слова-концепта. Однако следует учитывать, что концепт репрезентирует ассоциативное поле, но не равен ему» [Зиновьева 2016: 88-89].

М.В. Пименова предлагает придерживаться методики описания концептов, включающей в себя: «сбор фактического материала, в который входят компонентные словообразовательные гнезда, свободные и устойчивые сочетания с ключевым словом – репрезентантом концепта; исследование этимологии слова-репрезентанта концепта – выявление мотивирующих признаков (это происходит на основе анализа этимологических и историко-этимологических словарей); анализ фактического материала на предмет определения образных концептуальных признаков; выявление понятийных признаков на основе анализа словарных дефиниций (анализу подвергаются все возможные толковые словари). Именно сравнение толкований репрезентантов эквивалентных концептов позволяет определить «пропущенные» семы и семемы; определение категориальных признаков, которые позволяют определить место исследуемого концепта в ценностной национальной картине мира и отнести его к определенной области бытования; описание символических признаков; в некоторых случаях исследуются сценарии; описание стереотипов, свойственных той или иной лингвокультуре» [Пименова 2013: 130-131].

При описании концепта следует учитывать, что концепт динамичен и под влиянием экстралингвистических факторов могут происходить изменения в

семантике, в оценке того или иного события, обозначенного концептом [Крюкова 2008: 132].

Таким образом, концепт имеет сложную структуру, выраженную разными признаками, которые реализуются языковыми средствами и являются функционально значимыми для соответствующей культуры. Описание концепта достигается путем наиболее полного сбора средств его представления в языке при помощи различных методов описания (этимологического анализа, семантического анализа переносных, ассоциативных значений слов, анализа лексической сочетаемости, деривационного потенциала и т.д.).

Анализ концепта позволяет выстроить базисную систему ценностей языковой картины мира, а также определить содержание национальной ментальности. Во многих исследованиях обращается внимание на то, что концепты являются основными категориями воплощения ментальности и выступают связующим звеном сознания и культуры [Малова 2011: 4].

Существуют разные подходы к пониманию ментальности. В работах лингвокультурного характера *ментальность* – это совокупность типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества [Алефиренко 2006: 61-62]. Ментальность гораздо шире понятия «культура» и глубже сознания, так как в ней зарождаются и развиваются феномены культуры, которые определяют менталитет народа и человека [Алефиренко 2010: 109]. Таким образом, ментальность связана, прежде всего, с мыслительными процессами, с сознанием, с образом мышления. Ментальность, по мнению исследователей, образуется совокупностью лингвоконцептов и концентрирует в себе образно-оценочные и ценностно-ориентированные представления [Бастриков, Бастрикова 2012: 16]. Лингвокультурные концепты представляют собой конституирующие единицы этнического менталитета, его «опорные точки», совокупность которых образует лингвоконцептосферу как языковую картину мира, фрагментами которой они

являются. Ввиду того, что концепт отражает особенности менталитета, при анализе содержания необходимо учитывать его сложную структуру, «рост» слова, его постоянно приближающийся смысл [Словарь русской ментальности 2014: 542]. Ментальность выражается посредством коннотативной семантики, которая объективирует различные когнитивные образования, мифические образования и другие смысловые пласты культурного концепта. Таким образом, разные методики реконструкции концепта имеют общность в обращении к этимологии и семантике имени концепта, анализу лексической сочетаемости слов и т.д. путем обобщения данных лексикографических источников, так как любой словарь современного языка представляет собой синхронный «вырез» и выступает потенциальным источником лингвоконцептологии [Кушнир 2010: 121].

1.2. Лингвокультурологический потенциал слова в лексикографической традиции

1.2.1. Основные типологии словарей в русской лексикографии

Как уже было отмечено выше, лексикографическая кодификация является одним из приоритетных методов описания лексики, так как именно лексикографическая интерпретация словарного состава обеспечивает характеристику слова с позиций всех уровней языка, полноту (универсальность, всеохватность структуры словарной статьи) и доказательность исследования [Дубичинский 2008: 13-14]. Необходимость использования словарей в лингвистическом исследовании объясняется и тем, что они отражают все изменения в жизни и в обществе и демонстрируют картину динамических языковых процессов [Козырев, Черняк 2014а: 5]. Однако следует учесть, что «словарь всегда чуть отстаёт от реальной языковой ситуации, и это вполне естественно, ведь язык – динамичная, постоянно меняющаяся, отвечающая на изменения окружающей среды система» [Козырев, Черняк 2011: 42].

Отечественная лексикография «может гордиться широким спектром разнообразных, нередко не имеющих аналогов в мировой науке словарей»

[Козырев, Черняк 2000: 10] и описана во многих фундаментальных исследованиях, дающих представление об истории, традициях и основных направлениях развития современной лексикографической теории и практики: «Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии» (П.Н. Денисов, 1974г.), «Общая и русская идеография» (Ю.Н. Караулов, 1976г.), «Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка» (Ю.Н. Караулов, 1981г.), «История русской лексикографии» под редакцией Ф.П. Сороколетова (1998г.), «Русская лексикография» (Э.Г. Шимчук, 2009г.), В.А. Козырев, В.Д. Черняк «Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший» (2014г.) и др. Общие принципы теоретической лексикографии, на которые так или иначе опирается современная лексикография, были намечены Л.В. Щербой в «Опыте общей теории лексикографии»:

1) каждый словарь, являющийся сложным объектом и предметом теории, характеризуется набором типологических признаков, выявляющих специфику содержащейся в нем информации;

2) лексическое значение слова есть основания рассматривать как такую сущность, которая представляет собой закрепленное в сознании носителей языка «наивное», «обывательское» понятие о некоторой вещи или явлении. При этом следует иметь в виду, что оно «наивно» лишь в том смысле, что существенно отличается от научного понятия. Наивные понятия не примитивные и во многих отношениях не менее сложны, чем научные. Языковые понятия могут сопровождаться добавочными смысловыми и эмоциональными ассоциациями;

3) лексическая система, описываемая в синхронном словаре, предполагает единое языковое сознание определенного человеческого общества в определенный момент времени.

В дальнейшем основные проблемы русской теоретической лексикографии, ее тенденции развития предложены в исследованиях известных лексикографов И.А. Стернина, В.В. Морковкина (1986г.); Ю.Н. Караулова, Ю.Д. Апресяна (1994г.); В.М. Лейчика (1999г.); В.А. Козырева, В.Д. Черняк (2000г., 2014г.); Е.И. Таганова (2003г.); В.В. Дубичинского (2008г.) и др.

По мнению лексикографов, одной из важнейших теоретических проблем «словарного дела» является создание непротиворечивой типологии словарей. В отечественной науке первой и самой известной классификацией является типология, разработанная академиком Л.В. Щербой, который предложил лексикографам опираться на шесть противопоставлений: 1) словарь академического типа – словарь-справочник; 2) энциклопедический словарь – общий словарь; 3) тезаурус – обычный словарь: толковый, переводной; 4) обычный словарь – идеологический словарь; 5) толковый словарь – переводной словарь; 6) неисторический словарь – исторический словарь. В этих противопоставлениях названы основные типы словарей, которые являются основополагающими и прослеживающимися в последующих классификациях.

В современной лексикографической науке известны разные типологии словарей: А.М. Цывина (1978г.), П.Н. Денисова (1980г.), Р.Ю. Кобрина (1985г.), В.Г. Гака (1988г.), М.Л. Апажева (1992г.), В.В. Дубичинского (1994г.), В.В. Морковкина (1994г.), Ю.А. Бельчикова и Г.Я. Солганика (1997г.) и др. Эти и другие классификации имеют определенные основания, однако, по общему мнению лингвистов, любая классификация не является универсальной [Табанакова 2001: 58] и «может пополняться в ходе развития лексикографической теории и практики» [Каламбет 2007: 12].

Классификация, которая была разработана лексикографами и выпущена в издательстве «Русский язык», по мнению исследователей, носит чисто практический характер, включает в себя:

I. Словари, описывающие лексическую систему русского языка. 1. Толковые словари различного объема для различных категорий читателей. 2. Словари новых слов. 3. Словари иноязычных слов. 4. Словари, отражающие системность связей между словами (аспектные словари): словари синонимов, антонимов, омонимов, паронимов. 5. Словари по фразеологии и паремии. 6. Словари по ономастике и топонимике.

II. Словари, описывающие грамматическую систему русского языка. III. Словари сочетаемости. IV. Словари по словообразованию. V. Словари по орфоэпии. VI.

Словари по орфографии. VII. Словари трудностей. VIII. Словари по этимологии. IX. Исторические словари. X. Словари языка писателей. XI. Справочники по словарной литературе. XII. Словари терминов по языкознанию. XIII. Памятники русской лексикографии. XIV. Словари по лингвостатистике [Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии 1988: 214-218].

До сих пор в теории лексикографии спорным остается вопрос о разграничении лингвистических и энциклопедических словарей, так как в энциклопедических словарях описываются понятия, а в лингвистических (прежде всего в толковых словарях) – лексические значения. Впервые теоретические основы различия между энциклопедической и лингвистической информацией были сформулированы в первом томе «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, а затем Л.В. Щерба в статье «Опыт общей теории лексикографии» подчеркнул противопоставленность энциклопедического толкования филологическому, которое и в настоящее время является предметом споров и обсуждения в лексикографической теории и практике.

Проблему разграничения лингвистического и энциклопедического в слове можно рассматривать и в плоскости сопоставления объемов понятия и значения, когда только «донаучное», «популярное» понятие ассоциируется с лексическим значением, а понятие в его полном, «научном» объеме считается энциклопедическим (дальнейшим) значением, которым лингвист не должен заниматься [Лапшина 1998: 20]. Концепция разделения энциклопедических и филологических словарей нашла поддержку и в работах Л.А. Введенской, которая пишет, что лингвистические словари описывают языковые единицы – слова, морфемы, сочетания слов, фразеологизмы, а энциклопедические словари – научные, а иногда и обиходные понятия, исторические события, географические реалии, биографии знаменитых людей (ученых, писателей, деятелей искусства, вождей, политиков и др.) и т.п. [Введенская 2007: 12]. В.А. Козырев и В.Д. Черняк также указывают на данное различие: «в энциклопедических словарях описываются понятия (в зависимости от объема и адресата словаря дается более и менее развернутая научная информация), в толковых – лексические значения»

[Козырев, Черняк 2004: 31]. Наиболее полно выделил различия энциклопедических и филологических словарей В.В. Дубичинский:

1. В словнике языкового словаря определенную часть составляют местоимения, предлоги, союзы, междометия и другие, которые энциклопедии, как правило, не рассматривают; энциклопедии описывают имена собственные, явления, процессы.
2. В филологическом словаре зафиксирована грамматическая, акцентологическая, этимологическая и другая языковая информация о слове, которая в энциклопедии как правило не учитывается.
3. В лингвистическом словаре приводятся стилистические, социальные (жаргон и т.п.), географические (диалект и т.п.) характеристики. Энциклопедии, как правило, такой информации не предоставляют.
4. В лингвистическом словаре иногда используются графические иллюстрации или рисунки намекающего характера. Энциклопедии содержат другие иллюстрации: диаграммы, схемы, карты, фотографии и т.п. [Дубичинский 2008: 72-73].

Однако в последнее время наметилась тенденция к сближению этих различий. Так, Ф.П. Сороколетов отмечает, что «связь слов с объективным миром «вещей» настолько тесна, что толковый (филологический) словарь не может обойтись без передачи неязыковой информации. Поэтому, не снимая полностью щербовское противопоставление энциклопедического толкования понятий филологическому объяснению значений слов, сейчас более начинают говорить о сближении и взаимопроникновении этих различных подходов к разработке смыслового содержания слов» [Сороколетов 1983: 14]. Границы между энциклопедическими и лингвистическими словарями становятся все более расплывчатыми и неопределенными, что привело к появлению и такой точки зрения: в принципе словарь – это и есть энциклопедия [Haiman 1980: 329]. Согласно другому мнению, под словарем понимается любое издание, для которого характерно алфавитно-систематизированное расположение материала – от энциклопедий, до небольших списков слов, форм, синтаксических конструкций и т.п. [Сороколетов 2001: 343]. По мнению И.А. Зайковской, традиционная

оппозиция *словарь/энциклопедия* практически нерелевантна в рамках наивной картины мира, а граница между собственно лингвистической и иной (энциклопедической, лингвокультурологической) информацией в словаре постепенно стирается вследствие устойчивой тенденции последних десятилетий к универсализации словаря [Зайковская 2011: 5].

Как отмечают лексикографы, экстралингвистическая информация в толковом словаре только увеличивает информационный потенциал словарной статьи, тем самым показывает разные аспекты содержания слова [Козырев, Черняк 2000: 41]. Убедительной представляется концепция, согласно которой современная лексикография осуществляет попытку в словаре представить широкий спектр энциклопедических знаний и сведений, обуславливающих языковую семантику и погружающих ее в более широкий семиотический контекст культуры [Юрина 2013: 63].

В настоящее время остается спорным вопрос о типе словарей, которые отражают индивидуальную, авторскую речь. В настоящее время используются разные формулировки: «словарь языка писателя», «авторский словарь», «словарь писателя», «идиолектный словарь» и т.д.

Ярким проявлением антропоцентрической тенденции в словарном деле является то обстоятельство, что в современной лексикографии сложились различные направления, которые во многом снимают классическое противопоставление лингвистического и энциклопедического в словаре: ассоциативная лексикография (Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев, В.Е. Гольдин и др.); когнитивно ориентированная объяснительная лексикография, идеографическая лексикография, «концептография» (Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко и др.); собственно лингвокультурологическая лексикография (Ю.С. Степанов, Д.Б. Гудков, В.В. Красных и др.); лингвострановедческая лексикография (Д.Г. Мальцева, В.М. Мокиенко, В.В. Морковкин, Г.В. Чернов и др.); лингвокультурологическая фразеология (Н.Ф. Алефиренко, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и др.); лексикография образных средств языка (О.И. Блинова, Е.А. Юрина и др.) и поэтической речи (Н.Н. Иванова, Н.В. Павлович и др.) и др.

1.2.2. Основные характеристики системной лексикографии

Принцип системности языка был описан в работах многих отечественных лингвистов: Ю.Д. Апресяна, Л.М. Васильева, В.Г. Гака, П.Н. Денисова, С.В. Кезина и др. В своих работах исследователи ставили задачу выделения и классификации единиц языка, а также установления между ними общих типов отношений: парадигматических, синтагматических, деривационных (словообразовательных). Проблемы, рассматриваемые системной лингвистикой, тесно соотносятся с лексикографией, которая старается систематизировать словарное описание и сделать его максимально приближенным к языковой системе языка: словарь описывает лексическую систему языка [Дубичинский 2008: 13]. По мнению исследователей, лексика, зафиксированная в словаре, представляет собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц одного уровня [Зиновьева 2003: 28]. Реализация системного подхода обусловила появление понятия *системная лексикография* – «теория и практика составления словарей, трактующих лексику языка как достаточно хорошо организованную систему» [Там же: 122]. Основные положения системной лексикографии были разработаны и описаны Ю.Д. Апресяном [см. Апресян 1995]. Центральным понятием системного описания языка является толкование, которое определяет значение и место лексической единицы в семантической системе языка.

Основным типом системных словарей русского языка являются толковые словари, которые носят комплексный характер, представляя слово в трех важнейших аспектах: парадигматическом, синтагматическом и деривационном [Козырев, Черняк 2000: 55]. Системные отношения находят отражение в важнейшей структурной единице словаря – словарной статье, которая имеет комплексный характер. Н.Ю. Шведова считает, что «словарная статья берет на себя сразу очень много различных задач. Она должна дать всесторонние характеристики самого слова, вынесенного в заглавную часть; удовлетворительно информировать о разных видах его окружений, о контекстных, парадигматических, синтагматических связях слов, о силе и слабости этих связей;

сообщить о тех стилистических и функциональных сферах, к которым принадлежит слово, показать его деривационные возможности, словообразовательное гнездо; вместить слово в его «фразеологическое поле». <...> Естественно, что перегруженность задачами делает словарную статью очень сложным лингвистическим жанром» [Шведова 1988: 6]. Некоторые исследователи рассматривают словарную статью как особый вид текста, поскольку она отражает основные признаки текстуальности. Системные виды отношений описываются в аспектных словарях. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э.Розенталя, М.А. Теленковой парадигматические отношения определяются как «системные отношения, в группах слов, объединяемых общностью признаков и лежащие в основе лексической системы любого языка» [Словарь-справочник лингвистических терминов 1985: 284]. Особое место в русской лексикографии принадлежит словарям синонимов, так как синонимические отношения пронизывают лексическую систему, сопрягаясь и пересекаясь с иными видами отношений лексических единиц [Козырев, Черняк 2000: 114]. Все это ставит лексикографов перед серьезными теоретическими и практическими трудностями в создании словарей указанного вида. В современной лексикографии известны «Краткий словарь синонимов русского языка» В.Н. Ключева, «Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, «Словарь синонимов русского языка» З.Е. Александровой, «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», созданный коллективом авторов под руководством Ю.Д. Апресяна и др.

Словари антонимов систематизируют лексические единицы с противоположными значениями, раскрывают семантику антонимических пар или парадигмы. В отечественной лексикографии фиксация антонимов осуществлялась толковыми и синонимическими словарями, поэтому специальные антонимические словари стали появляться во второй половине XX века. Это «Словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова, «Словарь антонимов русского языка» Л.А. Введенской, «Словарь антонимов русского языка» Н.П. Колесникова и др.

Разновидностью системных отношений являются синтагматические отношения, то есть лексическая сочетаемость слов выступает как свойство

языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня [Гак 1990: 483]. Синтагматические отношения реализуются на разных уровнях языковой системы и зависят от контекста, поэтому синтагматические связи больше подвержены изменениям, чем парадигматические [Зиновьева 2003: 29-30]. Обращение к сочетаемости слов позволяет выявить динамику развития лексического значения, «способствует варьированию семантических компонентов значения, порождению новых актуальных смыслов и формированию новых лексических значений» [Влавацкая 2011: 71]. В лексикографии сложилась определенная традиция, которая касается выявления, во-первых, синтаксической, семантической и лексической сочетаемости, во-вторых, методов описания этих типов сочетаемости, и, в-третьих, определенных словарных функций отражения сочетаемости [Влавацкая 2009а: 206]. Наиболее полным словарем сочетаемости признан «Словарь сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. Однако проблема сочетаемости остается актуальной в современной лексикографии, что ставит перед ней задачи создания новых словарей, которые отображали бы динамику сочетаемостного потенциала слова.

Другим проявлением системных отношений в языке являются деривационные (словообразовательные) отношения, которые фиксируются в словообразовательных словарях. Обращение к словообразовательным словарям способствует более точно охарактеризовать семантику каждой лексической единицы, своеобразие отношений между словами одного корня, пути возникновения новых слов [Козырев, Черняк 2000: 177]. Продуктивным способом членения слова является словообразовательное гнездо – «одна из самых сложных комплексных единиц словообразовательной подсистемы; двусторонняя единица словообразования, имеющая формальную и смысловую структуру; одна из высших форм организации и обобщения производной лексики; классификационная единица, наиболее приближающаяся к естественным классификациям; микросистема, концентрированно отражающая все основные виды языковых отношений» [Казак 2004: 14]. Наиболее полным гнездовым

словарем в лексикографии является «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова. На современном этапе развития лингвистики все сильнее в словообразовательные процессы внедряется когнитивный подход, который предполагает «выявление корреляций, соотношений, пропозиций между производным словом и «структурами сознания или структурами знания» [Кубрякова 2004: 59]. Такой подход позволяет рассматривать деривационные отношения как результат влияния социокультурных условий, индивидуального и культурного опыта, определять области его референции и изучать изменения в его семантике на разных этапах развития общества [Абросимова 2014: 14].

Таким образом, сложившийся в лингвистике системный подход нашел свое отражение и в лексикографии, описывающей системные характеристики слов. На современном этапе развития лингвистической науки исследователи говорят о когнитивном и лингвокультурологическом потенциале системных отношений (ср.: понятия: «когнитивное словообразование», «синтагматика как «выход» на содержание концепта» и др.).

1.2.3. Антропоцентрическое направление в современной русской лексикографии

Развитие когнитивного направления в современной лингвистике (Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, А. Зализняк, И.Б. Левонтина, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.) связано с преобладанием мощной тенденции антропоцентризма, оказывающей влияние на различные области знаний, изучающих взаимодействие человека, языка и культуры. Однако с внедрением антропоцентризма системно-структурные принципы организации языка получили новые перспективы развития [см. Омельченко 2007: 57-59] в рамках интегративного подхода. Принцип антропоцентризма оказал влияние на современную лексикографию, в которой отмечаются тенденции «к созданию системно-ориентированных словарей и антропо-ориентированных словарей» [Караулов 1988: 16]. Исследуя проявление принципа антропоцентризма в

современной отечественной лексикографии, Е.В. Каламбет пишет, что каждый исследователь вкладывает в это понятие свое содержание, в котором проявляется личность автора словаря; словарь испытывает влияние господствующей идеологической/религиозной системы; лексикографирование культурологической составляющей лексико-семантической системы; лексикографирование концептосферы человека, создание словаря, описывающего язык как объект усвоения, отражающего взаимодействие языка и человека, то есть лексикографирование, ориентированное на адресата [Каламбет 2007: 3-4].

Принцип антропоцентризма выдвинул новые требования к словарю как источнику не только собственно лингвистической информации, связанной с отражением семантического, функционального и нормативного аспектов толкуемых языковых единиц, но также информации социологического, культурологического, психологического характера [Юрина 2013: 63]. Таким образом, можно говорить о том, что словарь «представляет собой социокультурный, когнитивный и языковой феномен, воплощающий в лексикографической форме фрагменты языковой картины мира и фиксирующий результаты познания человеком окружающей действительности» [Плотникова 2013: 47]. Исследователи подчеркивают, что современные словари играют важную роль в решении проблемы «язык и культура». Так, Ю.Д. Апресян определяет отличительную черту современной лексикографии как «синтез филологии и культуры в широком смысле слова. Значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всем его богатстве закрепляется прежде всего в словаре» [Апресян 1993: 6]. С одной стороны, словарь – это «моментальный снимок» обновляющегося и находящегося в движении языка [Там же: 8], с другой – словарь отражает современную культуру, и ее предшествующие состояния [Дубичинский 2008: 14].

В рамках антропоцентрической тенденции лингвистики развивается культурноконцептологическое направление лексикографии, рассматривающее культуру как «совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах» [Степанов 1997: 40]. В настоящее время концепт является

востребованным лингвокогнитивным и лингвокультурологическим понятием, возникшим первоначально в логике и философии. Соответственно, концепт становится объектом антропоцентрической лексикографии, в рамках которой формируется тенденция развития лингвокультурологических словарей, описывающих ключевые концепты национального языка [Петроченко 2013: 109]. Как отмечают исследователи, проблемы современного лексикографирования в том числе связываются с понятиями «художественный концепт» (С.А. Аскольдов, Л.В. Миллер), «концептосфера» (Д.С. Лихачев) и «концептуарий» (словарь терминов – Ю.С. Степанов). Первым опытом систематизации концептов является словарь Ю.С. Степанова «Словарь русской культуры: Опыт исследования» (1997г.).

Принцип антропоцентризма и интегрирование различных областей гуманитарного знания «определили особую актуальность лингвокультурологических словарей, представляющих в лексикографической форме содержание культурных феноменов, особенности языкового сознания, ментально-лингвального комплекса. Большинство словарей этого типа отличаются междисциплинарным характером, однако не менее важно и выявление семантического потенциала слова, аккумулирующего культурную память народа» [Козырев, Черняк 2015: 353]. К лингвокультурологическим словарям относятся «Словарь русской ментальности» В.В. Колесова, Д.В. Колесовой, А.А. Харитоновой, вышедший в 2014 году, который содержит описание русских концептов в их содержательных формах, отражающих происхождение и развитие народного мировосприятия, этики и культуры; культурологический словарь И.В. Андреевой и Н.В. Баско «Русская деревня – XX век», который включает лексические единицы, содержащие названия предметов крестьянского быта, обычаев и культурных традиций русской деревни; «Энциклопедический словарь культуры XX века» В.П. Руднева, который содержит словарные статьи, посвященные специфическим явлениям культуры XX века, тем понятиям, которые в силу разных причин приобрели особую актуальность и др.

Отражением антропоцентрической тенденции в современной лексикографии являются также ассоциативные и идеографические словари.

Ассоциативные словари являются результатом свободного ассоциативного эксперимента и содержат богатейший материал для исследования лексикона и тезауруса современника [Козырев, Черняк 2014а: 11]. Эти словари фиксируют не значения слов, а их употребление носителями языка в речевом общении, воссоздавая «образ сознания, стоящий за этим словом» [Ощепкова 2013: 52]. Первым ассоциативным словарем стал «Словарь ассоциативных норм русского языка» под редакцией А.А. Леонтьева. В словарь вошли ассоциативно-вербальные поля 200 стимулов, отобранные по частотному принципу. Проводимые эксперименты по выявлению ассоциаций носили как индивидуальный, так и массовый характер. Этот словарь составлялся и обрабатывался в течение 1969-1972гг., которые принято считать временем расцвета социалистического строя в стране и соответствующего мировоззрения. Основным словарем ассоциативных норм русского языка стал «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю.Н. Караулова, сформированный на основе материалов, полученных в ходе массового эксперимента, который проводился в период с 1986г. по 1996г. Это время характеризуется перестроечными процессами и угасанием социалистического строя. Среди последних словарей этого типа заметным явлением стал «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I-XI классов» В.А. Гольдина, А.П. Сдобновой, А.О. Мартыанова. Словарь содержит результаты свободных ассоциативных экспериментов, которые с 1998г. по 2008г. проводились в 130 городских и сельских российских школах и в которых на анонимной основе приняли участие более 30 тысяч учащихся I-XI классов.

В настоящее время бурно развивается идеографическая лексикография, активно создаются идеографические, или понятийные словари, в которых «представлены логико-понятийные поля, основанные на сходстве более или менее общих семантических признаков» [Козырев, Черняк 2000: 143]. В основе идеографических словарей находится «разработанная составителем логически упорядоченная схема иерархической организации понятий, «идей», которая

должна, по замыслу авторов, охватить всю лексику» [Караулов 2004: 245]. В идеографических словарях отражаются «как общие достижения лингвистов в области когнитивистики, так и конкретные результаты работы по систематизации лексики на логико-понятийной основе. Когнитивный подход к идеографическому описанию лексики в последние годы связывается с принципом антропоцентризма...» [Там же]. В отечественной лексикографии известны «Русский семантический словарь» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой – шеститомное издание (издано четыре тома, 1998-2007гг.), «Большой толковый словарь русских существительных» под общей редакцией Л.Г. Бабенко (2008г.), «Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова (2007г.) и др.

Таким образом, принцип антропоцентризма, став основополагающим на современном этапе развития лингвистических исследований, привел к становлению и развитию интегративного подхода к слову в современной русской лексикографии, для которого характерна связь когнитивистики и лингвокультурологии, и с системно-структурной парадигмой научного знания, связь концептуального и семасиологического анализа слова [Сулименко 2010: 40]. Проникновение в глубинные структуры семантики позволяет на основе семантико-когнитивного анализа (З.Д. Попова, И.А. Стернин) соединить принципы, содержащиеся в традиционном лингвистическом подходе, и описания семантики лексических единиц, зафиксированных в словарях, с когнитивными методами исследования. Именно опора на совокупные комплексные данные лексикографии (в ее системно-структурном и антропоцентрическом вариантах) дает широкие возможности для интегративного анализа слова, поскольку позволяет не только выявить динамику лексикографической фиксации лексемы (что является принципиально важным для лексиколога), но и проследить «путь» слова в культуре и проникнуть в содержание концепта, стоящего за ним. Интегративный подход к слову в современном словаре позволяет рассматривать лексикографическую фиксацию явлений лексико-семантического порядка как наиболее объективное отражение не только собственно языкового (системного), но и лингвокультурологического (когнитивного) содержания и таким образом

определить характер противопоставления и масштаб «отталкивания» между единицами лексической системы, в том числе в оппозиции *город/деревня*.

1.3. Культурологические и лингвистические предпосылки выделения оппозиции *город/деревня*

1.3.1. Исследование феноменов *города и деревни* в междисциплинарном пространстве

Как уже отмечалось выше, одной из задач исследования является описание содержания и динамики базовых оппозиций культуры, находящих выражение в языке. Так, в последние годы появились исследования, посвященные описанию важнейших оппозиций *левый/правый, женский/мужской, жизнь/смерть, белое/черное, правда/ложь, свой/чужой, добро/зло* и т.д. Так, например, Т.В. Цивьян в монографии «Модель мира и ее лингвистические основы» пишет о том, что модель мира определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте (причинных, пространственно-временных, этических, количественных, семантических, персонажных). Для рассмотрения этого обширного, сложного, разнообразного комплекса представлений выработан особый способ описания: система бинарных оппозиций [Цивьян 2006: 5]. Эти оппозиции связаны: со структурой пространства (*восток/запад, правый/левый* и др.); со структурой времени (*день/ночь, лето/зима*); с категориями меры и количества (*большой/маленький*); с социальными категориями (*мужской/женский, свой/чужой*) и др. Созвучны и данные «Энциклопедического словаря русской культуры XX века» В.П. Руднева, в котором бинарная оппозиция определяется как универсальное средство познания мира, которое особенно активно использовалось и, главное, было осознано как таковое в XX веке. В описании любой картины мира лежат бинарные оппозиции, причем они носят универсальный характер: *жизнь/смерть, счастье/несчастье, правый/левый, хорошее/дурное, близкое/далекое* и т.д.

Представляется, что соотношение феноменов *города* и *деревни*, попадающих в сферу интереса широкого круга гуманитарных и естественных дисциплин (культурологии, экономики, социологии, истории, литературоведения и т.д.), можно рассматривать в контексте бинарных оппозиций, позволяющих структурировать представления о мире.

Изучение проблем жизни *города* и *деревни* имеет давнюю историю и описаны в трудах многих отечественных исследователей (П.П. Семенов-Тянь-Шанский, П.И. Симуша, В.И. Староверов и др.). В Российской науке начала XX века преобладали географический, социально-экономический и историко-юридический подходы к изучению взаимодействия *города* и *деревни* (см. Н.А. Рожков «Город и деревня в русской истории» (1902г.), И.Х. Озеров «Большие города, их задачи и средства управления» (1906г.), Г.Н. Потанин «Города Сибири» (1908г.), П.П. Семенов-Тянь-Шанский «Город и деревня в Европейской России» (1910г.) и др.).

Неоднозначными являются позиции исследователей относительно *городской/деревенской* исторической основы России. Согласно широко распространенному подходу, «исторически Россия сформировалась и существовала в течение многих веков как страна аграрная, крестьянская, деревенская. Именно с деревней, с крестьянской общиной связывали нашу национальную самобытность и даже религиозную идентичность (крестьянин = христианин, деревня – хранительница православной веры)» [Иванова 2013: 88-89]. Как отмечает В.О. Ключевский, «Россию и доселе называют страной сел и деревень» [Ключевский 1991: 334]. Показательно, что Д.С. Лихачев пишет и о том, что «Гардарикой» – «страной городов» – называли скандинавы Русь. Однако между городами и селами тянулись безлюдные пространства, иногда трудно преодолимые. И из-за этого росли в Руси не только объединяющие, но и разделяющие начала» [Лихачев 2006: 12]. Согласно еще одному мнению, «деревня и город предполагают друг друга и логически и исторически: до появления городов не было и деревень, ибо не всякое земледельческое поселение является деревней и не всякий земледелец – крестьянин. Крестьянин, как и

горожанин – продукт цивилизации, то есть общества, непременным признаком которого является наличие городов» [Шипилов 2006: 34].

Рассматривая *исторический аспект* соотношения города и деревни, исследователи учитывают, что каждая эпоха по-своему воспроизводит себя в пространстве, определяет содержание, функции города и деревни, взаимоотношения между ними. Ввиду этого историк Б.Н. Миронов выделяет три стадии развития отношений между городом и деревней:

- до XVII века – отсутствие принципиальных различий между городами и деревнями в правовом, социальном, культурном, экономических отношениях, что свойственно традиционному обществу;
- стадия дифференциации города и деревни (XVII век – середина XIX века) как следствие сначала административных решений, а затем социальных, экономических, политических, культурных процессов. В этих условиях все факторы развития концентрируются в городах и создают предпосылки для трансформации и модернизации городской среды, способствуя углублению различий с деревней и формируя их оппозицию;
- стадия интеграции (вторая половина XIX века – XX века). Под влиянием города урбанизационная перестройка начинает захватывать сельскую местность и образ жизни, транслируя на нее городские стандарты и нормы жизни [см. Миронов 2009: 169-203].

По мнению В.Р. Богатырева, город и деревня закрепляют людей за различными условиями труда, быта, отдыха и т.д. Различия между городом и деревней разных эпох заключаются не столько в материально-пространственных, вещевых формах, размерах и архитектурно-планировочных решениях, географическом расположении, сколько в политических, социально-экономических, рекреационных, эстетических и других функциях. За пространственными преобразованиями в сети расселения кроются перемены в ее структуре и функциональной организации, что определяется социально-политическими изменениями общества. Именно поэтому исследователи часто обращаются к выявлению взаимоотношений между городом и деревней при

рассмотрении проблем общественного развития, ибо в противоположности между ними, как известно, резюмируется экономическая история общества [Богатырев 1990: 24].

Поэтому соотношение понятий *город* и *деревня* рассматривается, прежде всего, в широком *социально-экономическом аспекте*. В процессе осмысления данного соотношения исследователями предлагаются различные критерии, позволяющие рассматривать явление города как оппозиционное по отношению к деревне. К таким критериям, по мнению исследователей, относятся следующие:

1. Разделение общественно-экономического труда: город формируется как продукт разделения труда на земледельческий, торговый и ремесленный; для города характерны определенные неземледельческие виды деятельности.
2. Плотность населения: за последние два столетия (с 1800г. по 2000г.) количество городского населения увеличилось с 3 до 47, 5 %.
3. Наличие городской элиты, занимающей определенное место в иерархической системе всей территории: перемещение этой элиты из поселения в поселение влияет на статус города в иерархической системе политических городов.
4. Выполнение городом помимо экономической функции ряда других функций – политических, социальных, культурных, институциональных.
5. Рынок: у истоков городской жизни лежали меновые отношения.
6. Институционально-правовой статус населенного пункта: именно официальное признание населенного пункта городом обеспечивает ему вхождение в иерархическую систему политических городов, которая формирует урбанистический каркас территории – провинции, государства.
7. Тип застройки: для города характерен городской тип застройки – наличие многоэтажных строений и близость их расположения. В городах вертикальная доминанта выступает одним из критериев ранжирования различного типа поселений. Количество вертикальных доминант показывает главенство города над примыкающими к нему аграрными территориями.
8. Наличие или отсутствие оборонительных сооружений – крепостных (городских) стен: данный критерий используется для описания иерархической системы

населенных пунктов доиндустриальной эпохи. С помощью городской стены обеспечивался факт принадлежности населенного пункта к сословию городов.

9. Время: именно время позволяет рассматривать город как специфический конструкт. В городе присутствует свой отсчет времени, который уже не связан с природно-погодными циклами, в то время как в деревне весь уклад жизни и деятельности селянина определяется ритмически-пульсирующей жизнью природы... [Парамонова 2010: 33-36].

Таким образом, в социально-экономическом аспекте оппозиция *город/деревня* осмысливается через институционально-правовые, демографические, исторические, хронологические и другие характеристики.

В философском аспекте интерпретация оппозиции *город/деревня* представлена в антиномии *город* и *деревня*. По мнению Г.М. Горновой, «антиномичность деревни и города наиболее отчетливо проявляется в следующих оппозиционных парах: природа – культура, коллективизм – индивидуализм, адаптация – преобразование, традиция – новация, стабильность – мобильность, иррациональность – рациональность, укорененность – безопасность, зависимость – свобода, пассивность – активность, социальный контроль – автономия, персонифицированность – анонимность, естественность – искусственность, тождество хозяйства и семьи – разделение труда и семьи, спокойный ритм жизни – повышенный уровень стресса. Антиномия *города* и *деревни* в пределе предстает как оппозиция «Мирской град» – «Глобальная деревня» [Горнова 2011: 3].

В истории русской философской мысли значимой является полемика западников и славянофилов, в рамках которой противопоставляются город как западная цивилизация, и традиционная, крестьянская община (И.В. Киреевский, П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен и др.). В философских взглядах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского противопоставлялись идеальные основания деревенской и городской жизни, а антиурбанизм нашел выражение в философии Н.Ф. Федорова.

К философским основам противопоставленности города и деревни относится известная оппозиция *свой/чужой*. По мнению многих философов и культурологов (Н.А. Бердяев, Н.Я. Данилевский, А.С. Кармин и др.), Россия

принадлежит к коллективистской культуре. Для коллективистского сознания характерна жесткая социальная структура, принципиально разделяющая людей на «своих» и «чужих». Ю.С. Степанов отмечает, что оппозиция *свой/чужой* является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения и в разных видах пронизывает всю культуру [Степанов 2001: 127]. Оппозиция *город/деревня* входит в систему семантико-когнитивных противопоставлений, репрезентирующих наиболее общую и ведущую для традиционного народного сознания противопоставленность *своего* и *чужого*: *свой* – это представитель моей деревни, *чужой* – представитель не моей деревни [Порядина 2007: 46]. Поляризация *своего* и *чужого* через оппозицию *город/деревня* реализуется средствами различных семиотических систем-носителей этнокультурной информации, в частности, в народно-поэтическом творчестве [см. Тубалова, Эмер 2005: 14].

Соотношение феноменов города и деревни попадает в поле зрения культурологов, которые подчеркивают их принципиальную противопоставленность. Так, одним из первых предложил рассматривать город и деревню как полярные противоположности американский культурантрополог и социолог, основатель научной концепции картины мира Р. Редфилд. Это противопоставление основывалось, прежде всего, на культурных и социальных различиях между представителями *города* и *деревни*, соответственно между городской культурой и культурой крестьянской [Redfield 1947: LII].

В современных культурологических исследованиях различия между городом и деревней выявляются как на сугубо бытовом уровне, так и на экзистенциальном. Так, например, Е.Л. Антонова и В.Г. Туркина, выявлявшие экзистенциальные основания культуры города и культуры деревни, говорят о том, что в историческом и социокультурном аспектах город и деревня существуют как «параллельные общества», каждый из них имеет свой «культурный ландшафт». Город для деревни всегда остается местом, которое существует за пределами культурного ландшафта. Подобным образом формируется отношение к деревне со стороны города. Городу свойственна замкнутость на себе, поэтому он

ориентирован только на себя и ни на что «иное» – деревню, которая является частью природного ландшафта. По мнению исследователей, до XX века «жизнь в городе» горожанином воспринималась как «жизнь в обществе», тогда как «жизнь в деревне» значило «жизнь в природе». Деревня также противопоставляется городу тем, что она существует в созданной ею самой «культурно-информационной» среде и диктует свои нормы поведения, общения, нравственной и этической ответственности и другие формы социальной жизни. В результате история деревни воспринимается как история отношения к ней города (государства), а не история ее взаимоотношений с городом (государством). Культурная составляющая города и деревни складывалась и развивалась строго в соответствии с особенностями социальной структуры, внутреннего содержания, формами деятельности, духовными принципами и потребностями, которые были характерны каждой из них. Социум в культуре города дифференцировался в соответствии с тремя основными критериями – экономическими, социальными и этническими. Все это привело к тому, что в городском пространстве социальные и этнические группы, с одной стороны, функционировали в рамках собственных этно– и социокодов, а, с другой стороны, местные элиты сохраняли свои права и привилегии. Основанием культуры в городской среде выступал социальный отбор, а не традиция как социокультурное основание культурного консерватизма. Вот почему городская культура является неустойчивой и открытой для изменений. Деревенская культура, в отличие от городской культуры, характеризуется однородностью (все крестьяне), в экономическом (все с урожаем, либо без), в этническом измерениях, что привело к общинному самоуправлению крестьянства. Деревенская культура основана на традициях и выступает синонимом традиционной культуры, так как Россия до первой четверти столетия была преимущественно аграрной страной, а социальная структура – в основном крестьянской [Антонова, Туркина 2012: 27-29].

Противопоставленность города и деревни рассматривалась культурологами и на уровне культуры повседневности. Широко исследовались особенности городского и деревенского быта (утвари, кухни, одежды и т.д.). Например, одежда,

которая выступает в качестве кода этнокультурной и социокультурной идентификации, неотделимой от контекста культуры и истории народа, является одним из маркеров культурных различий между городом и деревней. Так, исследователи отмечают, что народная, крестьянская одежда, являясь хранительницей национальных традиций, мало менялась со временем, а «зеркалом» динамических преобразований костюмной традиции искусствоведы и культурологи считают одежду городских жителей [Федосюк 2003: 175].

Оппозиция *город/деревня* прослеживается и в лингвистических исследованиях различной направленности, в том числе в диалектологических трудах. В коллективном лингвистическом исследовании О.Ю. Крючковой, В.Е. Гольдина, А.П. Сдобновой «Оппозиция *город/деревня* в сознании носителей традиционной сельской культуры» рассматривается оппозиция *город/деревня*, проявляющаяся в обиходно-бытовом общении современных носителей народно-речевой культуры. Исследование выполнено на материале создаваемого в Саратовском государственном университете электронного диалектного текстового корпуса. Авторы исследования пришли к заключению, что актуализированная в диалектной речи противопоставленность *города* и *деревни* охватывает различные сферы бытия, такие как:

- 1) физическая организация городского и деревенского локусов (в городе большие дома, большое пространство, присутствуют бытовые коммуникации, асфальтированные дороги, много магазинов, машин, плохая экология; в деревне – соответственно противоположные признаки);
- 2) социально-экономические особенности городской и деревенской жизни (торговля, работа, учеба, здравоохранение, финансы, криминогенная обстановка, наличие/отсутствие работы, возможность/ невозможность получить медицинскую помощь, выгодность/ невыгодность торговли, более дорогая/ менее дорогая в финансовом отношении жизнь, криминализация/ее отсутствие, многолюдность/ немногочисленность, скрытость/ открытость частной жизни);
- 3) характер занятости населения: для города характерны особые, не типичные виды занятости населения;

4) особенности привычек и поведения городских и сельских жителей (по представлениям сельских жителей городские люди ленивые, не желают работать, у них отсутствуют необходимые для жизни трудовые навыки, они не понимают специфику и тяжесть сельского труда, а также имеют странные привычки и вкусы);

5) особенности речевой коммуникации [Крючкова, Гольдин, Сдобнова 2008].

Оппозиция *город/деревня* выступает как объект когнитивной лингвистики, в рамках которой исследуется соотношение культурных концептов *город* и *деревня*. Так, В.В. Колесов в работе «Русская ментальность в языке и тексте» выделяет ряд оппозиционных компонентов концептов *город* и *деревня*, исходя из особенностей русского менталитета [Колесов 2006: 94]:

1. Время: каждый жил в своем собственном времени и понимал его особо. Крестьянин по солнышку, и время его – круглое, повторяется циклами; горожанин = мещанин = обыватель – по часам, и время его летит как стрела, из вчера и в завтра.
2. Вероисповедание: в деревне ближе к Природе, к вещи; в городе больше вверх, по куполам да шпилям, мистичнее, что ли. Язычества больше в деревне; в тесноте и шуме городских кварталов не видишь творения, только – тварь, потому и рвется душа поближе к Богу.
3. Реализация оппозиции *город/деревня* в антиномии *интеллигенция/народ*: именно в городе рождается человек с иностранной кличкой: интеллигент. Перед нами – новое «разведение крайностей»: идеи, носителем которой является интеллигенция, и дела/вещи, творимых в «народе» [Колесов 2006: 94-95].

Специальное исследование концептов *город* и *деревня* провел С.В. Мелихов на основании «Авторского архива» 2010г. и архива «Устная история» 2009г., представляющих собой сбор и публикацию аудио-, видео- и текстов бесед среди информантов – жителей города и информантов – жителей сельской местности.

Общие различия между концептами *город* и *деревня* характеризуются следующими признаками:

- 1) В деревне жизнь открытая, в городе жизнь замкнутая, менее естественная, ограниченная рамками жилья.
- 2) Темп жизни: сельская жизнь <...> связана с природными ритмами, а городская – условным. Природное окружение влияет и на характер труда, и на устойчивость к усталости.
- 3) Среда (экология).
- 4) Возможность усталости в городе ограничивается только условиями определенной тяжелой работы, в то время как в деревне тяжелый труд воспринимается как норма жизни.
- 5) Противопоставление умственного и физического труда как признаков городской и деревенской среды.
- 6) Для города характерны более благоприятные материальные условия. В деревне отсутствуют такие конкретные реалии, как квартира, магазин, садик, ванна, вода, туалет, газ.
- 7) Организация досуга [Мелихов 2011: 143].

Исследователи говорят не только о существовании оппозиции *город/деревня*, но и об антиномичности самих феноменов. Так, обращаясь к архетипическим, глубинным слоям сознания, А.Ю. Большакова выделяет «бинарные» архетипы, которые можно рассматривать как своего рода культурные коды. Посредством бинарных архетипов, считает автор, производится структурирование внешнего мира по методу оппозиций. Изначально заложенная в бинарном архетипе идея напряженного диалога антиномичных величин предопределила строй человеческого мышления на столетия вперед. В свое время А.Ю. Большаковой был выделен базовый национальный архетип *деревня*. Исследователь пишет о том, что этот протообразец получил разноликие воплощения в русской литературе (культуре) в рамках антиномии «идиллия/жестокая реальность». Однако бинарность присуща данному архетипу и внутренне, и внешне, так как

исторически он всегда выступал в паре с другим культурным архетипом – *город*, в свою очередь также обладающим антиномичностью (внутренней) [Большакова 2010: 47-53].

Оппозиция *город/деревня* включает идеологическую составляющую. Так, в советскую эпоху оппозиция *город/деревня* приобрела общественно-политическое звучание. В XX веке проблема взаимоотношений города и деревни являлась одной из коренных проблем марксистско-ленинской теории, политики коммунистической партии. В Советском Союзе преобладала концепция «соединения земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней» [Маркс, Энгельс 1955: 53]. Советские энциклопедические словари закономерно испытывали на себе влияние идеологии того исторического периода: ср.: *«Город – крупное поселение, жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле, обычно – административный и культурный центр окружающего района. Город возникает на том уровне развития общества, когда разделение труда приводит к отделению ремесла от сельского хозяйства и к расширению обмена. <...> Город при капитализме представляет собой резкую экономическую, политическую и культурную противоположность деревне. В СССР противоположность между городом и деревней ликвидирована. Политика Коммунистической партии и советского государства направлена к благоустройству и социалистической перестройке города, к наиболее полному обслуживанию социально-культурных потребностей трудящихся и к уничтожению существенных различий между городом и деревней»* [Энциклопедический словарь 1953-1955].

В конце 70-80-х гг. «деревенские» проблемы все отчетливее стали осмысляться как общенародные, общечеловеческие, жизненно важные, имеющие большое социально-экономическое, нравственно-философское значение» [Цветов 1985: 5]. Особое влияние они оказали на литературу советского периода. Большую группу писателей, которые защищали традиционные нравственные ценности, хранительницей которых была деревня, противопоставленная

развратному, порочному, бездуховному городу [Иванова 2013: 89], стали называть «деревенщиками».

Исследователи говорят о том, что в последние годы политика урбанизации «в значительной степени деформировала естественные процессы трансформации сельской местности и способствовала формированию кризисной ситуации в деревне» [Мазур 2012: 440], которая постепенно утрачивает свои социально-экономические и культурологические признаки. В настоящее время традиционное разделение *город/деревня* перестало иметь буквальный, территориальный смысл, а отсылает к различным ценностям, стилям жизни и поведенческим проявлениям [Белая 2011: 305].

Таким образом, данные различных направлений гуманитарного знания позволяют говорить о существовании выраженной междисциплинарной оппозиции *город/деревня*, включающей экономические, социальные, идеологические, философские и другие составляющие, проявляющиеся в эмпирическом и экзистенциальном аспектах, что актуализирует вопрос о способах и механизмах ее фиксации на уровне слова. Ввиду этого в работе ставится задача проследить характер фиксации данной оппозиции в русской лексикографии.

1.3.2. Соотношение лексем *город* и *деревня* в лексико-семантической системе языка

Поскольку *город* и *деревня* являются наименованиями населенных пунктов, то для определения их места в системе языка в первую очередь актуальным представляется определение границ лексико-семантической группы наименований населенных пунктов. Для объективного определения объема группы этих наименований были использованы источники лингвистического и нелингвистического характера. Источником нелингвистического характера является «Официальный сайт городов Российской Федерации», где задокументированы наименования и описание видов административных

населенных пунктов РФ. Согласно этому нормативному документу выделяется 10 населенных пунктов и, соответственно, их наименований: *город, село, деревня, хутор, станица, слобода, аул, поселок, поселок городского типа, рабочий поселок*. Обязательным признаком населенного пункта является «использование его как места длительного обитания». Характер данных населенных пунктов определяется следующим образом: *город* – крупный населенный пункт (не менее 12 000 жителей), являющийся административным, промышленным, торговым и культурным центром района, области, округа и т.п., жители которого не заняты в сельском хозяйстве; *село* – населенный пункт с численностью жителей 1-2 тысячи человек, занятых в сельском хозяйстве и промыслах (изначально село находилось довольно далеко от города и обязательно имело церковь; именно в селе чаще всего размещаются предприятия по промышленной переработке продуктов крестьянского труда: мельницы, лесопилки, крупорушки, известковые ямы и др.); *деревня* – населенный пункт с несколькими десятками или сотнями домов индивидуальной застройки (в деревне преобладающее занятие жителей – это сельское хозяйство, промыслы; большими обычно считаются деревни с 30 и более дворами; в канонической топонимике деревня – это поселение, не имеющее церкви и помещичьей усадьбы); *хутор* – это населенный пункт крайне маленького размера, отдельная крестьянская усадьба с обособленным хозяйством, включающая в себя не более десятка строений (хутор – часто семейное поселение; иногда хутором называют отдельно стоящую группу жилых строений, административно относящихся к более крупному населенному пункту); *станция* – это изначально административная казачья сельская единица, состоящая из одного или нескольких казачьих поселений (хутора, поселки); *слобода* – это название различных поселений в Русском государстве XI-XVII веков, население которых временно освобождалось от государственных повинностей (в современной России *слобода* – это пригородный поселок); *аул* – это традиционное поселение у тюркских народов, народов Северной Азии и Кавказа (на Северном Кавказе славянское население традиционно называет аулами все населенные пункты сельского типа с нехристианским населением); *поселок* – общее название

населенных пунктов с ненормированным количеством жителей и строений, от десятка, до нескольких тысяч; *поселок городского типа* – это населенный пункт по численности жителей не менее трех тысяч человек, занимающий промежуточное положение между городом и селом (в отличие от села, в таких поселках основная часть населения не занята в сельском хозяйстве); *рабочий поселок* – название поселка городского типа, значительная часть населения которого занята на крупном предприятии (изначально – населенный пункт при таком предприятии). В этой классификации можно выделить ряд основных дифференцирующих признаков: *количество жителей*: город не менее 12 тысяч жителей, село 1-2 тысячи человек; *характер занятости населения*: в городе жители не заняты в сельском хозяйстве; в селе и в деревне население занято в сельском хозяйстве и промыслах, в поселке городского типа население не занимается сельским хозяйством, в рабочем поселке население занято на крупном предприятии; *законодательный порядок*: для отнесения населенного пункта к категории города необходимо оформление в законодательном порядке; *типы застройки*: для деревни характерны индивидуальные застройки; *наличие церкви*: село обязательно имело церковь. Таким образом, выделенные дифференцирующие признаки намечают оппозицию *город/деревня*, зафиксированную в официальных источниках нелингвистического характера.

В источниках лингвистического характера, а именно, в «Большом толковом словаре русских существительных» под общей редакцией Л.Г. Бабенко (далее БТСРС) «Населенный пункт» составляют четыре идеографические группы слов: тип населенного пункта; место в населенном пункте; совокупность населенных пунктов; человек, живущий где-либо. В интересующую нас группу наименований населенных пунктов включены следующие имена существительные: «*аул, выселок, глубинка, глушь, город, дача, деревня, захолустье, кишлак, колония, кочевье, лагерь, поселение, поселок, предместье, пригород, район, райцентр, селение, село, слобода, слободка, станица, столица, усадьба, фактория, хутор, центр*» [Большой толковый словарь русских существительных 2008], то есть

материалы данного идеографического словаря значительно расширяют содержание законодательных документов.

В «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой интересующая нас группа наименований населенных пунктов включена в общий раздел названий «населенных, обрабатываемых и используемых человеком территорий», куда относятся обозначения стран, государств, административно-территориальных единиц и объединений, городов, населенных пунктов, поселков городского типа, населенных пунктов негородского типа, земельных участков, домовладений, временных мест пребывания, названий жилых мест по функции, качеству, разным мест, используемых для сельскохозяйственных, хозяйственных, технических целей, мест для отдыха, лечения, оздоровления, для совершения обрядов, путей, дорог, дорожных сооружений и остановочных пунктов. В качестве одной из многочисленных групп этого подраздела выделена группа «Города и другие населенные пункты», которая включает следующие подгруппы:

1) «Города и другие населенные пункты»: а) «Города и пригородные населенные места. Поселки городского типа» (например, *автоград, город, град, мегаполис, наукоград, полис и др.*); б) «Населенные места, примыкающие к городу или служившие для его основания» (например, *город, крепость, местечко, посад, предместье, пригород, слобода, слободка*). 2) «Населенные пункты негородского типа. Следы поселений»: а) «Сельские населенные пункты» (например, *аул, весь, выселок, деревня, кишлак, мыза и др.*); б) «Негородские места временного жительства или специального назначения» (например, *заимка, зимовка, зимовье, кочевье, орда, пункт, становище, стойбище*). Населенными пунктами, относящимися к городу, являются *крепость, местечко, посад, предместье, пригород, слобода, слободка*. Населенные пункты негородского типа: *аул, весь, выселок, деревня, кишлак, мыза, поселок, селение, селитьба, селище, село, сельцо, скит, слобода, станица, станок, улус, усадьба, фактория, хутор*. Показательно, что в этом словаре приводятся национально отмеченные населенные пункты: *аул, кишлак*, а также негородские места временного жительства или специального

назначения: *заимка, зимовка, зимовье, кочевье, орда, пункт, становище, стойбище.*

Таким образом, объем лексико-семантической группы наименований населенных пунктов составляет около 30 наименований. Структура этой группы характеризуется значительной подвижностью. С одной стороны, ряд слов, зафиксированных словарями, имеет помету «устаревшее», (например, *фактория, мыза, селитьба, улус, становище*), а, с другой стороны, в самые последние годы в современном русском языке появляются новые наименования (*коттеджный поселок, клубный поселок, коттеджный комплекс, поселок таунхаусов и др.*). Многие из них еще не зафиксированы словарями, однако в словарях новой лексики они представлены в иллюстративном материале. Ср., например, данные «Толкового словаря русского языка начала XXI века» под редакцией Г.Н. Складчиковской: *таун-хауз и таунхауз: небольшой городской дом, коттедж на одну или несколько семей, комплекс таких коттеджей, расположенных за пределами городского центра. Ср.: Люди предпочитают работать в городе, а жить в зеленой зоне. Крупные города стали окружать целые коттеджные комплексы, называемые «таунхаузами», а также обособленные индивидуальные коттеджи (КП в Петербурге, 09.04.99); Коттедж: частный двух-, трехэтажный жилой дом повышенной комфортабельности, расположенный обычно в пригороде и предназначенный для городских жителей. Ср.: Шестисоточные участки умрут, останутся только дворцы красного кирпича, шале и коттеджи, где люди будут действительно отдыхать, а не корячиться (М. Юденич Огонек, 2002, №37). Коттеджный: относящийся к коттеджу; состоящий из коттеджей. Ср.: Ложкино – не Москва, это небольшой поселок возле птицефабрики, домов 40-50, не больше. Наш коттеджный конгломерат чуть удален от микрорайона из низеньких блочных пятиэтажек. Обитателей комфортабельных особняков из огнеупорного красного кирпича знают все (Д. Донцова Спят усталые игрушки); Корр.: А почему именно в коттеджном поселке, а не в деревне? В чем преимущество коттеджной застройки? Д. Донцова: Во-первых, охрана. Во-вторых, соседи – люди твоего круга и одинакового финансового достатка.*

Никто не полезет в твой дом с криминальными целями. В-третьих, коттеджный поселок подразумевает магазин и спортивный комплекс (Огонек, 2003, №8); Посмотрите, какой бум коттеджного строительства развернулся практически вокруг каждого нашего города! (ЛГ, 16.04.03 – 22.04.03); Через 20 лет границы города расширятся. Будет застраиваться близкий к городу район Кудрово, Курортный и Петродворцовый район превратятся в крошечные коттеджные городки (КП в Петербурге, 20.10.03) [Толковый словарь русского языка начала XXI века 2006].

Следует отметить, что появление новых наименований населенных пунктов – это «реалия городского пространства, которая ориентирована на «объединение» жителей хотя бы по формальному признаку соседства» [Гальцова 2015: 146]. Их появление значительно расширяет состав лексико-семантической группы наименований населенных пунктов, зафиксированных ранее, отражает динамику социально-экономических изменений общества, а также в определенной степени снимает оппозицию между населенными пунктами городского и негородского типа, зафиксированную в словарях, создавая условия для проживания в городских условиях за пределами города в экологически благоприятном природном окружении.

Соответственно, структура группы условно имеет две основные составляющие:

- населенные пункты городского типа;
- населенные пункты негородского типа.

Таким образом, в первой группе ключевой является лексема *город*, а во второй группе ведущее место принадлежит лексемам *деревня* и *село*. Несмотря на то, что именно лексема *деревня* является наиболее частотной в языке (согласно «Системе лексических минимумов современного русского языка» под редакцией В.В. Морковкина), в некоторых контекстах лексема *село* также приобретает общее значение «населенный пункт негородского типа», например, в словосочетаниях типа: *сельская местность, сельское население, сельская школа, сельская учительница* и др. В идиоматическом фонде языка лексема *село* может

вступать в оппозицию по отношению к лексеме *город*, например: «ни к селу, ни к городу».

Показательно, что в идиоматическом фонде русского языка также зафиксирована рассматриваемая оппозиция, отражающая различную степень отталкивания ее составляющих, ср.: *Городское теля мудреней деревенского пономаря*; *Город – царство, а деревня – рай*; *Бог да город – что за деревня (т.е. не чета ей)* (В.И. Даль «Пословицы русского народа», А.В. Жуков «Лексико-фразеологический словарь русского языка», В.М. Мокиенко, Т.Г.Никитина «Большой словарь русских поговорок» и др.).

Однако именно лексема *деревня* содержит наиболее яркие, оппозиционные *городу* признаки, становясь общим символом «негородского начала» в русской культуре и литературе, и потому традиционно используется при формулировке оппозиции *город/деревня*, где приобретает общее значение *населенный пункт негородского типа*. Сама возможность рассматривать лексемы *город* и *деревня* в отношениях оппозиции обусловлена наличием в их значениях интегральной семы «населенный пункт», а оппозиционные признаки (на уровне данных идеографических словарей) проявляются в дифференциальных семах «городской тип поселения» и «негородской тип поселения».

Как известно, оформились разные подходы к описанию лексики в идеографических словарях. Так, в «Функционально-когнитивном словаре русского языка» под общей редакцией Т.А. Кильдибековой (далее ФКСРЯ) реализуется новая методика классификации лексической системы с опорой на функциональное назначение и когнитивное содержание языковых единиц. Данный словарь построен с учетом новых направлений теоретических разработок лексикологии и практической лексикографии. В качестве композиционной единицы ФКСРЯ выступает самая крупная системообразующая единица языка – функционально-когнитивная сфера. Основу сферы составляет макроконцепт, обладающий большим систематизирующим потенциалом и организующий вокруг себя обширные разряды слов. В ФКСРЯ выделено шесть функционально-когнитивных сфер («Жизнь человека», «Движение», «Восприятие окружающего

мира», «Речемыслительная деятельность и образование», «Деятельность» и «Человек в языке»), которые содержат несколько уровней, иерархия которых определяется по степени удаленности от макроконцепта. Интересующие нас единицы фиксируются в когнитивной сфере «Жизнь человека». Так, первый уровень содержит раздел «Место жительства», второй – «Населенные пункты», третий – лексемы *город*, *деревня* и др., четвертый уровень фиксирует дополнительные признаки населенных пунктов. Таким образом, данный словарь позволяет определить место концептов *город* и *деревня* в структуре русской языковой картины мира. Как видно из приведенного материала, город и деревня, относясь к важнейшей функционально-когнитивной сфере «Жизнь человека», располагаются в ее центральной части и репрезентируют локальный аспект конкретизации человеческого существования.

«Тематический словарь русского языка» Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой, В.В. Морковкина, под общей редакцией профессора В.В. Морковкина, также относится к ряду идеографических словарей, который состоит из трех разделов «Человек», «Общество», «Природа». В каждом из разделов представлены перечни слов, объединенных в тематические группы. Лексемы *город* и *деревня* входят в раздел «Общество» – «Общественно-государственная сфера жизни общества». Примечательно, что у *города* выделяются различные части: *центр города*, *район жилой*, *промышленный*, *новостроек*, *микрорайон*, *окраина*, *пригород*, *загородный*, *окрестность*. Это позволяет говорить о сложной структуре города. *Деревня* не имеет такой сложной структуры, включая только *центр* и *околицу*.

1.3.3. Оппозиция *город/деревня* по данным этимологических и толковых словарей

Данные этимологических словарей не только определенным образом иерархизируют содержание слова, способствуя восстановлению какого-то порядка в его семантической структуре [Бартминьски 2005: 199], но и позволяют установить связь между словом и историческим слоем содержания

соответствующего концепта. В данной работе были использованы следующие этимологические словари: «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (далее словарь Фасмера), «Этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой (далее словарь Шанского и Бобровой), «Этимологический словарь русского языка» сост. Г.А. Крылов (далее словарь Крылова), «Этимологический словарь современного русского языка» сост. А.К. Шапошников (далее словарь Шапошникова), «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» ответ. ред. Н.Ю. Шведова (далее словарь Шведовой).

Как известно, словарь Фасмера является наиболее престижным этимологическим словарем и характеризуется полнотой оценки состояния изучения происхождения слова. В словаре приводится большой ряд соответствий лексеме *город* в других языках: «укр. *го́род*, ст.-слав. *градъ* "πόλις, κῆπος", болг. *градъ́т*, сербохорв. *град*, словен. *grād*, чеш. *hrad*, польск. *gród*, в.-луж. *hród*, н.-луж. *grod*, кашуб. *gard*, полаб. *gord*. родственно лит. *gaĩdas* "ограда", лит. *gardinỹs* "хлев для мелкого скота", жем. *gardis*, вин. *gaĩdį* "решетчатый борт воза", др.-инд. *grhás* "дом", авест. *gəgədbō* "пещера", алб. *garth*, *-dhi* "забор", гот. *gards* "дом", др.-исл. *gerði* "огороженный участок земли", тохар» [Этимологический словарь русского языка 2009]. Соответственно многие языки подтверждают этимологическую связь *города* с понятиями *ограда*, *пещера*, *забор*, *огороженный участок земли*.

В словаре Шанского и Бобровой указывается, что слово *город* определяется как «общеславянское» от *gordъ* > *город* с первоначальным значением – *ограда*, *забор*, затем – *огороженное место* и далее появляется значение – *город*, *крепость* [Этимологический словарь русского языка 1994].

Согласно словарю Крылова: *город* от *гордь* – *городить*, *огораживать*. Первоначальное значение – *ограда*, *забор*. Впоследствии слово *город* стало означать *огороженное место (жилье нужно было защищать от врагов)* [Этимологический словарь русского языка 2008].

В словаре Шапошникова *город* из праславянского *гордь*, в значении *огороженное место*. В русском языке XI-XVII веков *градъ* и *городъ* – *ограда*,

забор, укрепление, крепость, город [Этимологический словарь современного русского языка 2010].

Таким образом, согласно этимологическим словарям русского языка, лексема *город* первоначально имела значение *ограда, забор, огороженное место*. Б.В. Казанский в своем исследовании «В мире слов» подтверждает, что в древней Руси поселение называлось просто *город, городок, городец, горожа*: и оно не имело собственного имени, было сторожевым укреплением, огороженным рвом, валом и частоколом [Казанский 2010: 204]. Наше *город*, означавшее, как и родственные формы в германском и латинском, первоначально *огороженное место* (литовское *гардам* имеет именно это значение, а также *изгородь*), отсюда *ограда, огород* (двор, сад). Наше значение населенного места (укрепленного рвом, валом, частоколом) развилось в славянском языке самостоятельно [Там же: 258].

Словарь Фасмера указывает первоначальное *дѣрвьня/дѣрвьна* «пашня», затем «крестьянский двор или хутор с участком земли» и, наконец, «селение». В словаре Фасмера содержатся соответствия лексеме *деревня* в других языках: например, литовское «*dirva*» означает «пашня, нива», «*dirvónas*» – «пашня, оставленная под луг»; латышское «*druva*» – «пашня». М. Фасмер считает неприемлемым сближение с *дѣрево*, в то время, как в словаре Шведовой такая связь считается обоснованной. Ср.: укр. *деревня, лес, деревня; лес для построек; деревянный дом: производное от дерево, первоначально место, где растет лес. Далее место, очищенное от деревьев, расчищенное под пашню, далее поселение, восходит к эпохе подсечно-огневого земледелия.*

В словаре Крылова также отмечается, что корень в лексеме *деревня* тот же, что и в слове *дерево*, которое, в свою очередь, восходит к глаголу *драть, деру*, что и дало первоначальное значение деревни – *место, очищенное от леса*.

В словаре Шанского и Бобровой в качестве первоначального значения выделено – *место, очищенное от леса (для земледелия)*, затем – *двор с участком земли*, и далее значение *селение*. Исходное слово – *драть, деру*. Сближение с *дерево* (ср. укр. *деревня* «лес», «деревня») вторично [Этимологический словарь русского языка 1994].

Исследование этимологии лексемы *деревня* было осуществлено Л.А. Литвиновой в статье «Номинативное поле как предмет лингвистического описания (на материале концепта *деревня* в русском языке)» [см. Литвинова 2012]. Анализ этимологических словарей и других источников позволил исследователю выявить, что появление деревни на Руси связано с развитием земледелия, с переходом подсечного земледелия к двух- и трехпольной системе. Сначала деревни были в два-три двора и формировались как постоянные поселения в лесной и лесостепной полосе. Процесс становления русской деревни был приостановлен в результате нашествия монголо-татарского ига в XIII веке. Только к концу XIV века деревня начинает появляться в источниках как основная форма поселения Северо-Восточной Руси. Северо-Восточная часть русского государства, как известно, менее всего территориально была подвержена нападению монголо-татар, что привело к переселению населения на свободные от захватчиков территории. Такое вынужденное переселение было возможно благодаря территориальным размерам Руси даже в XIII веке. Если в XIV-XVI веках деревни состояли в основном из нескольких дворов, то в XVI веке отмечается тенденция к укрупнению русской деревни. Уже в XVI веке появляются деревни в 10-15 дворов. В XVII веке развитие деревни продолжается, особенно на территориях, находящихся рядом с крупными городами, что привело к усложнению хозяйства, а также к развитию наряду с земледелием ремесленного производства [Литвинова 2012: 232-233].

Таким образом, в большинстве словарей *деревня* этимологически связана с землей и земледелием. В словаре Шведовой и в словаре Шанского и Бобровой приводится этимологическое сближение с *дерево*. Той же позиции придерживается Е.Л. Березович, которая пишет о том, что антропоморфный перенос у лексемы *деревня* связан с природным «дерево» и поводом для этого стала «неподвижность дерева, твердость и прочность древесины» [Березович 2007: 142]. Такое взаимодействие проявляется в разных словах и сочетаниях, реализующих «деревянную» («лесную») метафору. Е.Л. Березович приводит примеры: дубовая башка – «*об упрямом, тупом человеке*»; здравствуй, дерево! –

«о глупом, бездарном человеке». Исследователь отмечает, что «чрезвычайная активность «деревянной» метафоры обусловлена особыми характеристиками дерева, сочетанием в нем свойств твердого и мягкого, растения и материала – самого распространенного в материальной культуре русских. Отсюда разнообразие проявлений этой метафоры, причем разнообразие не аморфное, а логично выстроенная система взаимодействий и переходов, имеющая ярко выраженную этнокультурную обусловленность» [Березович 2007: 145]. «Деревянная» метафора актуализирует дополнительные признаки «темный», «неизвестный, опасный, такой, где можно заблудиться», «находящийся вдалеке от жилья». Отсюда симптоматичное появление в семантике описываемой лексемы компонентов «неграмотный», «невежественный». Так модель приобретает социальное звучание, ср.: «*живем в лесу, молимся колесу*» говорили крестьяне захолустных деревень, подчеркивая свою культурную отсталость. Социальная ориентация модели подкрепляется и связью «дерево» – «деревня» (а образ деревни связан с представлениями об отсталости, невежестве и др.) [Там же: 143].

Таким образом, данные этимологических словарей и исследований позволяют выявить следующие признаки у лексем *город* и *деревня*:

1) *Город* – огороженное (закрытое) место, *деревня* – очищенное от леса, открытое пространство.

2) Важнейшим признаком *деревни* является ее связь с землей и земледелием (пашня, хутор, крестьянский двор или хутор с участком земли).

3) У лексемы *деревня* в некоторых исследованиях отмечается этимологическое сближение с «деревом», что, по мнению исследователей, привело к появлению антропоморфного оценочного переноса.

Учитывая, что исследование концепта осуществляется через собственно семантический анализ лексем, то описание концепта невозможно без данных, извлеченных из анализа его «внутренней формы» [Степанов 1997: 21] – этимологии, результатом которого «становятся не только данные об истории изучаемого слова, его формальных и семантических трансформациях, но и воссоздание соответствующих фрагментов языковой картины мира, установление

определенных особенностей и способов познания действительности, характерных для носителей исследуемого языка» [Лазаренко 2014: 24].

Для определения и сопоставления семантического объема лексем *город* и *деревня*, а также для выявления возможной динамики в семантике данных лексем необходимо обращение к толковым словарям. В данной работе были использованы следующие толковые словари: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (далее словарь Даля, 2006г.), «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (далее словарь Ушакова, 2004г.), «Словарь современного русского литературного языка» в 20-ти томах (далее БАС, 1991-1996г.), «Словарь русского языка» в 4-х томах (Малый академический словарь – МАС) под редакцией А.П. Евгеньевой (1981-1984гг.), «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (далее словарь Ожегова и Шведовой, 2007г.), «Современный толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (далее словарь Кузнецова, 2004г.), «Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой (далее словарь Ефремовой, 2006г.), «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.В. Дмитриева (далее словарь Дмитриева, 2003г.).

Во всех рассмотренных словарях данные лексемы являются многозначными. В словаре Даля, составленному по гнездовому принципу, лексема *город* входит в гнездо *городить* (по данным словаря Крылова *город* связан с лексемой *городить*). Такая структура статьи отражает важную особенность известного словаря. В.В. Колесов отмечает, что в словаре Даля основой словарной статьи является глагол. Глагольность как выражение действия, безусловно, важный признак славянской ментальности. Глагол выражает признаки качеств, настраивая мысль на содержание понятия [Колесов 2010: 227]. Лексема *город* толкуется как *городьба, ограда около жилья, населения.// Крепость, крепостца, укрепленное стенами место внутри селения, кремль.// Селение, обнесенное городьбой, городок.// Населенное место, признанное за город, городом, которому правительство дало городское управление.// Город употребляется также в значении всего общества*

или всех обывателей города [Толковый словарь живого великорусского языка 2006].

В словаре Ушакова у лексемы *город* выделены следующие значения: 1. *Крупный населенный пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр.* 2. *Вычерченный на земле прямоугольник, в пределах которого расставляются городки, рюхи.* 3. *В различных подвижных играх в форме состязания между двумя партиями (например, в лапте) – место, лагерь каждой из партий* [Большой толковый словарь русского языка 2004].

Словарные статьи *город* в БАС, в МАС и в словаре Кузнецова построены по единому принципу и содержат три значения лексемы, общие для данных словарей: 1. *Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр.* 2. *Населенное место, огороженное и укрепленное стеной; крепость.* 3. *В различных подвижных играх (например, в лапте, в городках): место, лагерь каждой из партий, обычно обозначенный на земле чертами* [Словарь современного русского литературного языка 1991-1996; Словарь русского языка 1981-1984; Современный толковый словарь русского языка 2004]. Примечательно, что в БАС иллюстративный материал включает наименования разных типов городов: *город-герой (почетное звание, которого удостоены такие населенные пункты СССР за массовый героизм и мужество их защитников, проявленные в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.); город-спутник (населенный пункт такого типа, расположенный вблизи очень крупного населенного пункта и связанный с ним в хозяйственном и культурно-бытовом отношении); города-побратимы (такие населенные пункты различных стран, установившие непосредственные дружеские связи в целях укрепления сотрудничества между народами); города-республики (в XII-XV вв. – феодальные государства на территории северо-запада и севера Руси).*

В словаре Ожегова и Шведовой у лексемы *город* выделяется пять значений: «1. *Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр.* 2. *Центральная главная часть этого населенного пункта в*

отличие от окраин и пригородом. 3. В старину на Руси: огражденное стеной, валом поселение, крепость. 4. Городская местность в отличие от сельской, деревенской. 5. В игре в городки: площадка, на которой ставятся фигуры из городков» [Толковый словарь русского языка 2007]. Принципиальным представляется выделение четвертого значения, в котором прослеживается оппозиция городской и сельской местности.

Словарь Ефремовой является одним из самых современных из рассмотренных толковых словарей. Словник словаря отражает лексический состав русского языка на рубеже XX-XXI веков. В словаре Ефремовой представлены значения, как и в словаре Ожегова и Шведовой, кроме значения *городская местность в отличие от сельской, деревенской*. Также в словаре Ефремовой зафиксированы устаревшие значения лексемы *город*: *«привилегированные слои такого населенного пункта; Древнее поселение, огороженное, укрепленное стеной для защиты от неприятеля, как центра ремесла и торговли; Центральная часть такого поселения; кремль, крепость; Стена, окружающая такое поселение, а также разговорные формы: район старой застройки такого населенного пункта; жители такого населенного пункта»* [Современный толковый словарь русского языка 2006].

Словарь Дмитриева создавался в Лаборатории информационных лингвистических технологий Института лингвистических исследований РАН. Этот словарь отличается новизной принципов лексикографической обработки, которая сочетается с фундаментальным академическим подходом к описанию лексики и использованием компьютерных технологий. При составлении словаря активно использовался принцип частотности употребления слов в речи. В словник вошли лишь те слова, которые смогли преодолеть порог частотности в 200 контекстов (цитат) с учетом всех морфологических форм слова. В словаре представлены следующие значения лексемы *город*: *«1. Крупный населенный пункт, большая часть жителей которого работает на промышленных предприятиях (заводах, фабриках и т.д.), а также в сфере бизнеса, образования, науки и т.п. (В России город должен насчитывать не менее 12000 жителей); 2.*

Город-спутник – населенный пункт, сформировавшийся вокруг другого, более крупного промышленного объекта, первоначально как место жительства людей, которые работают на данном объекте или в данном крупном населенном пункте;
 3. *Город-миллионер – крупный населенный пункт, насчитывающий миллион или более жителей;* 4. *Вечным городом называют Рим;* 5. *Часть какого-либо крупного населенного пункта, отличающуюся от других его частей по времени, типу застройки, национальной принадлежности жителей и т.п.»* [Толковый словарь русского языка 2003].

Таким образом, как видно из содержания рассмотренных словарных статей, семантический объем интересующей нас лексемы несимметричен. Все толковые словари, за исключением словаря Даля, в качестве первого, основного значения выделяют *крупный населенный, административный, промышленный, торговый и культурный центр*. В словаре Дмитриева в толковании этого значения содержится информация о занятости жителей *на промышленных предприятиях (заводах, фабриках и т.д.), а также в сфере бизнеса, образования, науки и т.п.* [Толковый словарь русского языка 2003].

Второе значение, зафиксированное в словарях, *населенное место, огороженное и укрепленное стеной; крепость*. В словарях Ожегова и Шведовой, Ефремовой семантический объем расширяется за счет включения значений: *«центральная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородом; жители такого населенного пункта»* [Толковый словарь русского языка 2007; Современный толковый словарь русского языка 2006]. В словаре Дмитриева зафиксировано значение *«часть какого-либо крупного населенного пункта, отличающаяся от других его частей по времени, типу застройки, национальной принадлежности жителей и т.п.»* [Толковый словарь русского языка 2003].

Толкования лексемы *город* по толковым словарям можно представить в виде следующей обобщающей таблицы (см. таблицу №1):

Таблица №1

Семантический объем лексемы *город* по данным толковых словарей русского языка

Словарь Ушакова	БАС	МАС	Словарь Ожегова	Словарь Кузнецова	Словарь Ефремовой	Словарь Дмитриева
1. Крупный населенный пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр. 2.1) Вычерченный на земле прямоугольник, в пределах которого расставляются городки, рюхи; 2) В различных подвижных играх в форме состязания между двумя партиями (например, в лапте) – место, лагерь каждой из партий.	1. Крупный населенный пункт, являющийся административным, промышленным, торговым, культурным центром района, области, округа. // разг. Центральная часть такого населенного пункта. // разг. О жителях такого населенного пункта. // устар. О привилегированных кругах такого населенного пункта. 2. Древнее поселение, огороженное, укрепленное стеной для защиты от неприятеля, как центр ремесла и торговли. // Центральная часть такого поселения; кремль, крепость. // Ограда, стена, окружающая такое поселение. 3. разг. В некоторых подвижных играх (в лапте, в городках); место, лагерь каждой из партий.	1. Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр. // разг. О жителях подобного населенного пункта. // разг. Центральная, главная часть этого населенного пункта, в отличие от окраин и пригородов. 2. истор. Населенное место, огороженное и укрепленное стеной; крепость. 3. В различных подвижных играх (например, в лапте, в городках): место, лагерь каждой из партий, обычно обозначенный на земле чертами.	1. Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр. 2. Центральная главная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородов. 3. В старину на Руси: огражденное стеной, валом поселение, крепость. 4. Городская местность в отличие от сельской, деревенской. 5. В игре в городки: площадка, на которой ставятся фигуры из городков.	1. Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр; // Центральная часть очень крупного населенного пункта (в отличие от окраин). // О городской местности; // разг. О жителях такого населенного пункта. 2. ист. Древнее поселение, огороженное укрепленной стеной, крепость. // Ограда, стена, окружающая такое поселение. 3. В различных подвижных играх (в лапте, в городках и т.п.): очерченное на земле место, являющееся лагерьем каждой из играющих партий, площадкой, из которой выбивают городки и т.п.	1.1) Крупный населенный пункт, являющийся административным, промышленным, торговым и культурным центром района, области, округа и т.п. // разг. Центральная часть такого населенного пункта (в отличие от удаленных его окраин) // разг. Район старой застройки такого населенного пункта; 2) перен. разг. Жители такого населенного пункта. // устар. Привилегированные слои такого населенного пункта. 3) устар. Древнее поселение, огороженное стеной для защиты от неприятеля // Центральная часть такого поселения; кремль, крепость. // Стена, окружающая такое поселение. 2. 1) Место, очерченное на земле и имеющее различное назначение; 2) Квадрат, из которого выбивают городки (в некоторых подвижных играх: в лапте, городках и т.п.).	1. Крупный населенный пункт, большая часть жителей которого работает на промышленных предприятиях, а также занята в сфере бизнеса, образования, науки (В России город должен насчитывать не менее 12000 жителей). 2. Город-спутник. 3. Город-миллионер. 4. Вечный город. 5. Часть какого-либо крупного населенного пункта, отличающаяся от других его частей по времени, типу застройки, национальной принадлежности и жителей.

Как уже было сказано выше, лексема *деревня* во всех рассмотренных толковых словарях является многозначной. В словаре Даля у лексемы *деревня* зафиксировано значение: *крестьянское селенье, в котором нет церкви*.

В словаре Ушакова лексема *деревня* имеет три значения: «1. Небольшое крестьянское селение. 2. собир. Жители, население деревни. // Сельское население, крестьянство. 3. То же, что деревенщина (простор., пренебр.)» [Большой толковый словарь русского языка 2004].

В МАС, в словаре Кузнецова, в словаре Ожегова и Шведовой лексема *деревня* имеет три значения: 1. *Крестьянское селение*. 2. *Сельская местность*. 3. *Сельские жители, сельское население*. В БАС и в словаре Ефремовой фиксируется еще одно значение – *о простоватом, глупом человеке*.

В словаре Дмитриева зафиксированы четыре значения: «1. Небольшое крестьянское селение, которое окружено лесами, полями и т.п. 2. Сельская местность с присущим ей укладом жизни (в отличие от города). 3. Человек, который плохо разбирается в чем-либо. 4. Олимпийская деревня» [Толковый словарь русского языка 2003]. В словаре Дмитриева в семантике лексемы *деревня* представлен природно-экологический признак (связь с природой).

Таким образом, в составе семантического объема лексемы *деревня* зафиксирован антропоморфный перенос (населенный пункт – жители этого населенного пункта), есть устаревшее разговорное у Ефремовой, который отсутствует в структуре значения лексемы *город*. В МАС, в словарях Ожегова и Шведовой, Кузнецова лексема *деревня* имеет три значения: 1. *Крестьянское селение*. 2. *Сельская местность*. 3. *Сельские жители, сельское население*. В БАС, который считается самым авторитетным среди толковых словарей и имеет «детальную семантическую разработку, обширную сочетаемость и обилие иллюстративного материала» [Сороколетов 1998: 397], и в словаре Ефремовой выделяется еще одно значение: *о простоватом, глупом человеке*; в словаре Дмитриева – *человек, который плохо разбирается в чем-либо*.

Толкования лексемы *деревня* в различных словарях можно представить в виде следующей обобщающей таблицы (см. таблицу № 2):

Таблица №2

Семантический объем лексики *деревня* по данным толковых словарей русского языка

Словарь Даля	Словарь Ушакова	БАС	МАС	Словарь Ожегова и Шведовой	Словарь Кузнецова	Словарь Ефремовой	Словарь Дмитриева
Крестьянское селенье, в котором нет церкви.	1. Небольшое крестьянское селение. 2. собир. Жители, население деревни//Сельское население, крестьянство. 3. То же, что деревенщина (простор., пренебреж.).	1. Крестьянское, сельское поселение, обычно небольшое// В доревол. России – помещичье крепостное имение с усадьбой. 2. В знач. собир. Жители такого поселения. //Сельское население, крестьянство. 3. Сельская местность (в отличие от города). 4. прост. бранно. О простоватом, глупом человеке.	1. Крестьянское селение. 2. Сельская местность. 3. собир. Сельские жители, сельское население.	1. Крестьянское селение. 2. То же, что село. 3. Сельские жители, сельское население.	1. Крестьянское селение. 2. Сельская местность. 3. Сельское население, крестьяне. 4. В названиях некоторых специфических поселений.	1.1) Сельское - обычно небольшое поселение// разг. Жители такого поселения. 2) Сельское в отличие от города – местность//разг. Население такой местности, крестьянство. 3) Помещичье крепостное имение с усадьбой (в Российском государстве до 1917г.). 2. разг. – сниж. Простоватый человек.	1. Небольшое крестьянское селение, которое обычно располагается в отдалении от города и окружено лесами, полями и т.п. 2. Сельская местность с присущим ей укладом жизни (в отличие от города). 3. Человек, который плохо разбирается в чем-л. 4. Олимпийская деревня.

Обобщая данные толковых словарей, можно выделить следующие дифференциальные признаки лексем *город* и *деревня*, позволяющие говорить об их семантической оппозиции: *параметрический* (регулярный, повторяющийся во всех рассмотренных словарях): город – крупный населенный пункт, деревня – небольшое селение; *социальный* (регулярный, повторяющийся во всех рассмотренных словарях): в городе жители заняты в основном производственным, индустриальным трудом, в деревне – сельскохозяйственным трудом; *исторический* (все словари, за исключением словаря Ушакова и словаря Дмитриева): город характеризуется как огороженное и укрепленное стеной пространство; *антропоморфный* (город – словарь Кузнецова, словарь Ефремовой; деревня – БАС, МАС, словарь Ушакова, словарь Кузнецова): в семантике лексем зафиксирован антропоморфный перенос (*собир.* все жители города и деревни); *природно-экологический* (словарь Дмитриева): связь с природой (ср.: «селение, окруженное лесами и полями»); *оценочный* (БАС, словарь Ушакова, словарь Ефремовой, словарь Дмитриева): в семантическом объеме лексемы *деревня* фиксируется переносное значение с негативной оценкой (*о простоватом, глупом человеке*), характеризующее жителя деревни; в семантике слова *город* такого значения нет.

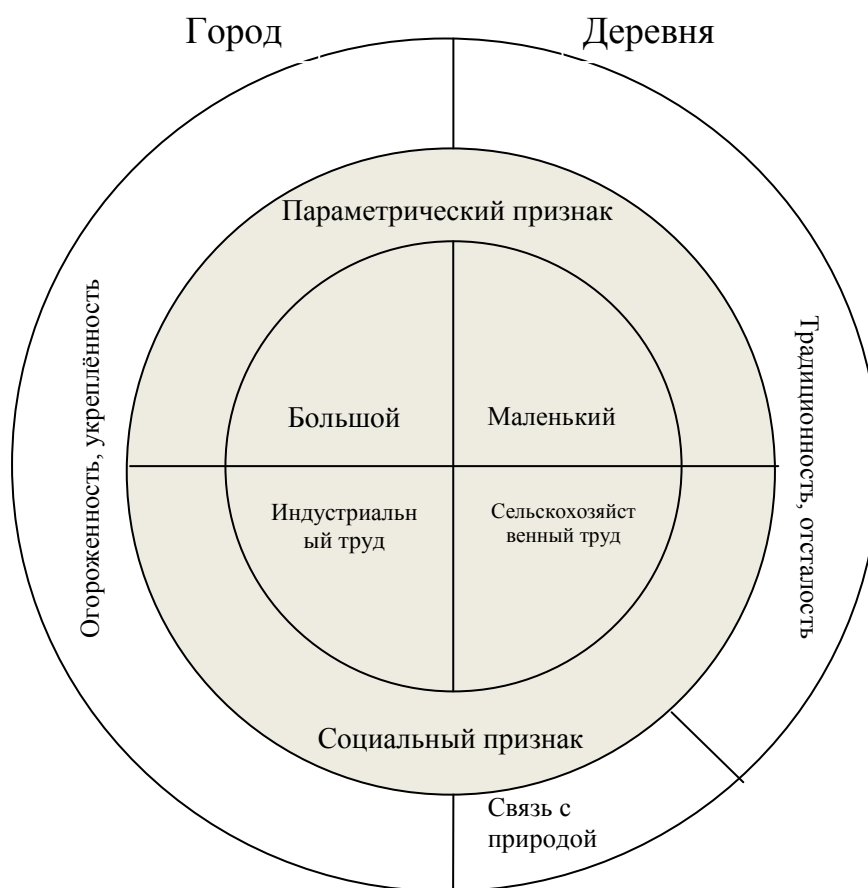
Наличие оценочного компонента в семантике лексемы *деревня* обусловлена оппозицией *прогресс, цивилизация/традиционность, патриархальность*, в которой патриархальность может интерпретироваться как устарелость, отсталость, необразованность. Показательно, что данный метафорический перенос в семантике лексемы *деревня* зафиксирован в ряде специальных словарей. Например, в словаре «Русская мысль и речь: Свое и чужое» М.И. Михельсона: деревня – *неотесанный, грубый в обхождении человек, неуч*; в «Словаре сравнений русского языка» В.М. Мокиенко: *Как деревня. Вести себя как деревня. Одеваться как деревня*; в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой в синонимичный ряд *невежа* входит лексема *деревня, деревеницина (прост.)*. Так, лексема *деревеницина* вошла в словник словаря «Человек. Характер и поведение. Толковый словарь» авт.-сост. С.А. Фридман:

деревенщина – *прост. пренебр.* о жителе деревни, о простоватом, грубом человеке; *невежа, мужик, мужлан, пентюх* (На другой же день Наташа уронила часы (*деревенщина, не умеет обращаться с хорошими вещами!* А. Гончаров). Как правило, оценочность, коннотации являются следствием преобразований в периферийной части семантической структуры слова под влиянием меняющихся общественных взглядов и оценок у носителей языка в различных политических условиях жизни социума. Такие изменения отражаются в словарных дефинициях в виде помет. Примечательно, что лексема *деревенщина* в разных словарях зафиксирована с разными пометами: *прост., разгов., пренебр., устар.* (Ср.: В.М. Мокиенко «Словарь сравнений русского языка» деревня, деревенщина – *прост., пренебр.*; «Словарь синонимов русского языка» сост. А.Ю. Мудрова деревня – *устар., разг.*, деревенщина – *разг.*; БАС – деревня, деревенщина – *прост.*). Так, пометы *разгов.* и *прост.* обращены к функционированию лексемы в языке и речи (*разгов.* – в литературном языке, *прост.* – иностилевое), а помета *пренебр.* включает эмоциональный и оценочный компоненты. Несмотря на то что разговорная и просторечная лексика относятся к устной форме речи, они противостоят друг другу: просторечная лексика обладает большей силой экспрессии и употребляется в эмоциональных речевых ситуациях, когда необходимо дать оценку называемому лицу, свойству, явлению [Крысин 2007: 153], то есть просторечная лексика обладает ярко выраженной сниженной стилистической окраской. Таким образом, лексема *деревня* имеет устойчивое лексикографически зафиксированное переосмысление по типу «физический объект – человек».

Используя возможность описания структуры оппозиции в терминах теории лексико-семантического поля (понятий ядра и периферии), возможно заключить, что идеографические, этимологические и толковые словари конституируют наличие устойчивой оппозиции *город/деревня* в лексической системе русского языка: посредством отнесения денотатов *город* и *деревня* к однородным явлениям (на основании базовой интегральной семы «населенный пункт»), а также ввиду последовательной констатации регулярных симметричных оппозиционных

признаков *параметрического* (большой/маленький) и *социального* порядка (индустриальный, производственный труд/ сельскохозяйственный труд), которые транслируются практически во всех лексикографических источниках и тем самым становятся осью, ядром оппозиции *город/деревня* в русском языке. Околоядерная зона оппозиции включает нерегулярные семантические признаки денотативного характера (город – огороженное, укрепленное пространство). К периферии семантического противопоставления можно отнести нерегулярные, несимметричные признаки (наличие связи с природой/отсутствие связи с природой; наличие оценочного переосмысления/отсутствие оценочного переосмысления) (см. схему 1).

Схема 1

Показательно, что последовательная динамика в лексикографическом представлении рассматриваемой оппозиции проявилась в основном в появлении ограничительных помет в отношении исторически маркированного

семантического признака *город – огороженное пространство*, который начиная со словаря Ожегова и Шведовой сопровождается пометами «в старину», «ист.», «устар.», а в словаре Дмитриева уже не фиксируется. Других очевидных признаков динамики в содержании и структуре оппозиции толковые словари не фиксируют, конституируя ее стабильность.

1.3.4. Авторская интерпретация наименований населенных пунктов (по данным словарей языка писателей)

Возможность проследить функционирование семантической оппозиции в текстовой интерпретации (в рамках лексикографической фиксации) позволяют так называемые «авторские» словари или словари языка писателя. С этой целью были рассмотрены следующие словари: «Словарь языка Пушкина» под ред. В.В. Виноградова (далее словарь языка Пушкина), «Словарь языка А.С. Грибоедова» А.Е. Полякова (далее словарь языка Грибоедова), «Словарь языка Ф.М. Достоевского» (далее словарь языка Достоевского), «Словарь языка К.Г. Паустовского» сост. Л.В. Судавичене (далее словарь языка Паустовского), «Словарь языка Есенина. Имя существительное» Г.И. Шипулиной (далее словарь языка Есенина), «Словарь языка Михаила Шолохова» под редакцией Е.И. Дибровой (далее словарь языка Шолохова), «Словарь языка В.М. Шукшина» В.С. Елистратова (далее словарь языка Шукшина), «Словарь языка рассказов В.М. Шукшина» Т.Ф. Байрамовой, В.П. Никишаевой (далее словарь языка рассказов Шукшина), «Словарь языка и рифм поэзии Н. Рубцова» М.И. Сидоренко (далее словарь языка Рубцова). По мнению авторов данного лексикографического жанра, словари языка писателей являются источником не только лингвистической информации, но и «имеют просветительное, познавательное значение, потому что в языковом материале личности отражается все многообразие жизни эпохи, в которой творила эта личность: и предметы, явления этого времени, и отношения между людьми и социальными группами людей, и их мироощущение, мировоззрение и т.д.» [Словарь языка и рифм поэзии Н. Рубцова 2005: 4].

В словаре языка Пушкина, демонстрирующем «лексику общенационального языка, отраженную в произведениях А.С. Пушкина» [Козырев, Черняк 2000: 208], зафиксированы наименования ряда населенных пунктов: город (312), городище (3), городок (79), село (166), селение (56), сельцо (7), деревня (285), хутор (15), станица (23), слобода (28), аул (23), пустошь (1). Также в словаре зафиксирована лексема *град* (37). Показательно, что лексема *город*, по данным словаря, употребляется поэтом 312 раз, а лексема *деревня* 285 раз. Несмотря на то что А.С. Пушкин большую часть своей жизни прожил в городе, деревня имела важное значение в жизни и творчестве поэта. Деревня для Пушкина – место, где он был способен отгородиться от столичной суеты, восстановить душевное равновесие и предаться творчеству: *Я здесь, от суетных оков освобожденный, учуся в истине блаженство находить, Свободною душой закон боготворить, Роптанью не внимать толпы непросвещенной* (Деревня). Показательно, что большая часть его произведений была написана именно в деревне: *Здесь меня таинственным щитом Святое провиденье осенило, Поэзия, как Ангел-утешитель, спасла меня И я воскрес душой*.

Согласно данным словаря, А.С. Пушкин употреблял в своих произведениях наименования населенных пунктов в следующих значениях:

Город – *И думал он: Отсель грозить мы будем шведу, Здесь будет город заложен На зло надменному соседу* (Медный всадник). Так же в поэме «Медный всадник» употребляется лексема *град*: *Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия* (Медный всадник). Лексема *город* употребляется в значении «о жителях города»: *А сват Трофим, который у тебя И день, и ночь? Весь город это знает. Этот бал кружит все головы и сделался предметом толков всего города*.

Городишка: *Что за охота таскаться в скверный уездный городишка, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую, скверную оперу?*

Городище – место, хранящее следы бывшего здесь в древности города, укреплений: *Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать ее заглавия: Комедия о настоящей беде Московскому Государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве писал раб Божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето*

7333, на городище Воронине (Письма). // Составная часть наименования небольших городов, посадов. *Провести линию вверх по Яику до Верхояицкой пристани, а оттуда по реке Ую до Царева Городища и по реке Сакмаре* (Критические, журнальные и автобиографические статьи и заметки).

Городок – 1. уменьш. к город: *Философом ленивым, От шума вдалеке, Живу я в городке. Безвестностью счастливым* (Городок); 2. Селение, укрепленное тыном: *Мы приближались к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу* (Капитанская дочка).

Град (город): *Прошло сто лет, и юный град, Полночных стран, краса и диво, Из тьмы лесов, из топи блат Вознесся пышно, горделиво* (Медный всадник).

Село – крестьянское селение с церковью: *В славной, в Муромской земле, в Карачарове селе Жил-был дьяк со своей дьячихой* (В славной в Муромской земле).

Селение – населенное место, поселок: *Мне видится мое селение, мое Захарово* (Послание к Юдину, 1815). Показательно, что в стихотворении «Сон» А. С. Пушкин называет Захарово и селом, и деревней: *...не лучше ли в село? Там роища листочков трепетаньем, В лугу поток таинственным журчаньем, Златых полей, долины тишина: В деревне все к томленью клонит сна.* // О жителях такого места: *Кирджали резал, А Михайлаки нес добычу. Оба кричали: Кирджали! Кирджали! Все селение разбежалось* (Кирджали).

Сельцо – небольшое село, при котором имеется барская усадьба: *Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащее объяснение насчет его владения сельцом Кистеневкою* (Дубровский).

Деревня – крестьянское селение, обычно небольшое: *Мальчик вышел, весело спрыгнул с крыльца и пустился бегом не оглядываясь через поле в Кистеневку. Добежав до деревни, он остановился у полуразвалившейся избышки, первой с края, и постучал в окошко* (Дубровский). // О жителях деревни [обычно при единственном числе с местоимением *весь*]: и – *Федор воротился на свою сторонку. Вся деревня бежит к нему на встречу, Все его приветно поздравляют; Владимир и тех же трех слуг понесли на кладбище – в сопровождении всей*

деревни (Дубровский). //О дворянском имении, поместье с принадлежащим ему крестьянским селением. В свою деревню в ту же пору Помещик новый прискакал, И столь же строгому разбору В соседстве повод подавал (Евгений Онегин). // О сельской природе, сельской, негородской жизни: В глуши что делать в эту пору? Гулять? Деревня той порой Невольно докучает взору Однообразной наготой (Евгений Онегин).

Хутор – 1. Загородный дом с садом и угодьями: *Кругом Полтавы хутора окружены его садами (Полтава); 2. Обособленное крестьянское хозяйство вместе с усадьбой владельца: Пугачев явился на хуторах отставного казака Данилы Шелудякова, у которого жил он прежде в работниках (История Пугачева).*

Станица – большое селенье в казачьих областях: *На берегу заветных вод Цветут богатые станицы (Кавказский пленник).*

Слобода – село с некрепостным населением; вообще большое село: *Путь мой шел мимо Бердской слободы, пристанища Пугачевского (Капитанская дочка).*

Аул – так называются деревни кавказских народов: *С полей народ идет в аул, Сверкая светлыми косами (Кавказский пленник).*

Показательно, что в словоупотреблении Пушкина не всегда дифференцируются наименования небольших населенных пунктов сельского типа. Так, в письме П.А. Плетневу он пишет: *Сейчас еду в Нижний, т.е. в Лукьянов, в село Болдино – пиши мне туда, коли вздумаешь (Письмо П. А. Плетневу, 31 августа, 1830).* В этом же письме А.С. Пушкин называет Болдино *деревней: Осень подходит. Это любимое мое время ... Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь...* (Там же). Таким образом, Пушкин называет село Болдино и *деревней, и селом*, что говорит о широкой взаимозаменяемости данных понятий.

Село Михайловское Пушкин также называет и *селом, и деревней. Ср.: Недавно одна рукопись, под заглавием: Село Михайловское, ходила в обществе по рукам и произвела большое впечатление (Критические, журнальные и автобиографические статьи и заметки). Доверенность я бы тебе прислал; но*

погоди; гербовая бумага в городе, должно взять какое-то свидетельство в городе – а я в глухой деревне (Письмо П.А. Вяземскому, 8 или 10 октября, 1824).

Необходимо учитывать, что в XVIII веке *сельцом* называлось сельское поселение без церкви (иногда с часовней), но хотя бы с одним помещичьим двором и несколькими крестьянскими избами, в которых, как правило, проживали работники, деловой люд. Этот термин бытовал наряду с термином *деревня* и фактически означал то же – небольшой сельский населенный пункт. О близости сельских населенных пунктов свидетельствует жизненный уклад деревни, села, сельца и селения, так как после отмены крепостного права единый жизненный уклад способствовал быстрому образованию сельских обществ, а со строительством церкви облегчал слияние близко стоящих друг к другу населенных пунктов разных типов (например, сельцо и одна или две деревни) в одно село из нескольких десятков дворов.

В словаре языка Пушкина лексема *город* имеет бóльшую частотность, чем *деревня*, лексема *село* употребляется реже, чем *селение*. В содержании лексемы *деревня* зафиксирован параметрический признак оппозиции – небольшое селение, а также дополнительные оттенки значения: *о жителях деревни [обычно при единственном числе с местоимением весь]*; *о дворянском имении, поместье с принадлежащим ему крестьянским селением*; *о сельской природе, сельской, негородской жизни*.

В словаре языка Грибоедова, содержащем данные о языке писателя, источниками которых стали не только его художественные произведения, но и статьи, путевые заметки, письма и деловые бумаги, зафиксированы наименования 7 населенных пунктов: аул (2), город (97), городишко (1), городок (2), деревня (66), село (12), селение (24), станица (8), слобода (1).

Аул: Лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам (Письмо В.К. Кюхельбекеру, 27 ноября, 1825).

Город: Я слышала, там город есть турецкий (Горе от ума).

Городишко: Я вырвался наконец из дрянного городишка, где, однако, всякое со мною случалось (Письмо С.Н. Бегичеву, 9 сентября, 1825).

Городок: *Осыпали приветствиями, и маленький городок сделался мне тошнее Петербурга* (Письмо С.Н. Бегичеву, 12 сентября, 1825).

Град (город): *Из-за утренних паров Божьей церкви, град родимый, отчий кров!* (Восток).

Деревня: *Подальше от этих хватов, в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* (Горе от ума).

Село: *Где-то по дороге в церкви, а именно в селе Кривцовом, еще о сю пору читают только декларацию о Турецкой войне и ругают наповал персиян, полагая, что персияне и турки одно и то же* (Письмо А.А. Жандру, 24 июня, 1828).

Селение: *Известно ли селение под названием Мерликово близь Новгород-Северска?* (Desiderata).

Станица: *Речка, которая ниже Трех-Островянской станицы, вливается слева в Дон, называется в подробной карте №54 «Сакарка»* (Desiderata).

Слобода: *Есть еще слобода Городище на Сале, а может быть и другие городищи, которые вовсе неизвестны* (Desiderata).

В словаре языка Грибоедова отсутствуют толкования наименований населенных пунктов. В отличие от словаря языка Пушкина, в этом словаре зафиксировано меньшее число наименований.

В словаре языка Грибоедова зафиксированы национально отмеченные наименования населенных пунктов: *аул* и *станция*. Приведенные контексты употребления позволяют отметить, что город для писателя связан с прогрессом, обновлением (*Между тем город приметно украшается новыми зданиями*), а лексема *деревня* символизирует отрыв от цивилизации и является синонимом лексемы *глушь* (*В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов*).

Словарь языка Достоевского является незаконченным лексикографическим проектом, в котором «представлены аспектные словари, отражающие разные стороны художественного мира писателя и его языковой личности» [Козырев, Черняк 2000: 214]. В вышедшем томе словаря языка Достоевского зафиксированы лексемы *город* и *деревня* с указанными показателями частотности: город (851) и деревня (243).

Город – 1. Населенный пункт; административный, торговый, культурный центр: *С мичманом с первым познакомился; откровенный такой, все мне рассказал: про батюшку, про матушку, про сестрицу, что за тульским заседателем, и про город Крондштат* (Бедные люди). 2. Жители названного населенного пункта (часто в сочетании с местоимением весь). *Господин Голядкин бросился к окну – нигде не огонька. Отворил форточку – тихо, город словно вымер, спит* (Двойник).

Деревня – 1. Крестьянское селение; помещичье имение: *Батюшка был управителем огромного имения князя П-го, в Т-й губернии. Мы жили в одной из деревень князя, и жили тихо, неслышно, счастливо...* (Бедные люди). 2. Сельское население, сельские жители: (...) *когда в деревне услышали, что Мари воротилась, то все побежали смотреть Мари, и чуть не вся деревня сбегалась в избу к старухе: старики, дети, женщины, девушки, все, такую торопливою, жадною толпой* (Идиот).

В словаре языка Достоевского к лексемам *город* и *деревня* приводятся толкования, близкие к содержащимся в современных словарях (ср.: МАС: *город* 1. Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр /о жителях подобного населенного пункта. 2. Населенное место, огороженное и укрепленное стеной; крепость. 3. В различных подвижных играх место, лагерь каждой из партий, обычно обозначенный на земле чертами; *деревня* 1. Крестьянское селение. 2. Сельская местность. 3. Сельские жители, сельское население). Как отмечает М.М. Бахтин, «Главным предметом его [Достоевского] изображения является само слово, притом именно полнозначное слово» [Бахтин 2002: 297].

Таким образом, Ф.М. Достоевский полностью использует семантический потенциал лексем *город* и *деревня*, зафиксированный в толковых словарях русского языка.

Словарь языка Паустовского был задуман как восьмитомное издание. В настоящее время издано только три тома, в которые вошли следующие лексемы с

указанием частотности их употребления: город (1312), городище (1), городишко (7), городок (176), деревня (279), деревушка (35).

Город: *Город Ливны стоит на самых мощных в Европе толщах девонского известняка* (Золотая роза).

Городище: *К тому времени отец ... бросил службу и уехал... в Городище, в дедовскую усадьбу* (Книга о жизни. Далекие годы).

Городишко (уничиж.): *Городишко Гурьев курился кизячным дымком* (Золотая роса).

Городок (уменьш. к «город»): *Городок (Таруса) стоял высоко над Окой среди таких просторов, что от них иной раз захватывало сердце* (Письма из Тарусы).

Деревня (собр.): *И ушла наша деревня на правый берег Волги – искать счастья* (Повесть о лесах).

Деревушка (разг.): *Метели кружились над деревушкой* (Стальное колечко).

В Словаре языка Паустовского лексема *город* имеет очень большую частотность – 1312, однако она не употребляется в значении *население города*. Представленные в словаре лексемы имеют большое количество помет (*уничиж.* – уничижительное, *уменьш.* – уменьшительное, *собр.* – собирательное, *разг.* – разговорное), фиксирующих особенности авторского лексикона и словоупотребления.

Словарь языка Есенина представляет собой первое полное лексикографическое описание имен существительных в лирике поэта. В словарь вошли следующие наименования населенных пунктов с указанием частотности их употребления: город (21), городок (2), деревня (21), деревушка (1), поселок (2), селенье (1), село (36), слобода (1), слободка (1), станица (2), хутор (3).

Город – крупный населенный пункт: *Город, город, ты в схватке жестокой/ Окрестил нас как пададь и мразь; Нет любви ни к деревне, ни к городу*. Авторы словаря языка Есенина выделяют в его употреблении переносные значения (*Увезет тебя он смело в чуждедали города*), метафоры (*Что я дурак, А город – плут и мот*) и сравнения (*Мелькают города, Как буквы по бумаге*).

Городок – а) маленький город: *Приволжский городок*; б) в топониме: название крепости. *Появление Пугачева в Яицком городке*.

Деревня – а) крестьянское селение: *За горами, за желтыми долами, Протянулась тропа деревень*; б) сельская местность: *Проходили калики деревнями*; в) сельское население: *Тянется деревня с праздничного сна*. В словаре авторы выделяют следующее переносное значение (*Я последний поэт деревни*), метафору (*Вот сдавили за шею деревню Каменные руки шоссе*); сравнение (*Затомилась деревня невесточкой*).

Деревушка – уменьш. от деревня: *Там, где струится Обь, Есть деревушка Топь*.

Поселок – поселение городского типа: *Скоро заморозь известью выбелит Тот поселок и эти луга*.

Селенье – населенный пункт в сельской местности: *И идет стопой неспешной По селеньям, пустырям*.

Село – большое крестьянское селение: *Опускает за селом Месяц маятником в рожь*. Авторы словаря выделяют переносное значение (*Синей конницей скачет рожь, Обгоняя леса и села*), метафору (*Молочный дым качает ветром села*), сравнение (*Уж не село, а вся земля им мать*).

Примечательно, что в словаре языка Есенина зафиксировано просторечное *сельщина* – сельское населенное место и его жители (не зафиксированное в толковых словарях): *Я посетил родимые места, Ту сельщину, Где жил мальчишкой*.

Слобода – до отмены крепостного права в России – большое село с некрепостным населением: *Собрались стрельцы из дальних слобод*.

Слободка – торговое или промышленное село, поселок: *Низкорослая слободка В повечерешнем дыму*.

Станица – большое селение в казачьих областях: *Не на то вы взрастали в степных станицах*.

Хутор – крестьянский поселок, обычно небольшой: *Слушая! Бросай сторожить, Беги и буди весь хутор*. Авторы словаря выделяют переносное значение (*Весь*

хутор забрали в волость С хозяйками и со скотом), которое не зафиксировано в толковых словарях русского языка.

Таким образом, в словаре языка Есенина полностью реализован семантический объем лексемы *деревня*: 1. Крестьянское селение; 2. Сельская местность; 3. Сельское население (ср.: МАС деревня: 1. Крестьянское селение; 2. Сельская местность; 3. Сельские жители, сельское население).

Перечень наименований населенных пунктов, представленный в словаре языка Есенина, наиболее полно соответствует современной классификации, в том числе в словаре зафиксирована лексема *поселок*. Есенин чаще других писателей использует наименования населенных пунктов в переносных, образных, метафорических значениях, не зафиксированных в толковых словарях.

В словарь языка Шолохова вошли следующие наименования населенных пунктов: *городок, казачий городок, городище, станица, хутор*:

Городок – уменьш. к город. Населенный пункт.

Казачий городок – (истор.) укрепленное казачье поселение в верховьях Дона в XVI-XVIII веках.: *Мой дед, он и до се живой, зараз ему сто восьмой год идет, рассказывал, а ему тоже дед ведал, что при его памяти, то есть пращура моего, был в наши верхи Дона царем Петром посланный князь, – вот кинь, господь, память! – не то Длинноруков, не то Долгоруков. И князь этот спускался с Воронежу с солдатами и разорял казачьи городки за то, что не хотели никонскую поганую веру принимать и под царя идти* (Тихий Дон).

Лексема *городище* используется Шолоховым в переносном значении «холмики около нор сурка, образующиеся при рытье ходов, похожие на следы древнего укрепленного поселения»: *Тюльпан рос совсем близко, на краю обвалившейся сурчины. Стоило лишь протянуть руку, чтобы сорвать его, но Григорий лежал не шевелясь, с молчаливым восхищением любясь цветком и тугими листьями стебля, ревниво сохранявшими в складках радужные капли утренней росы. А потом переводил взгляд и долго безумно следил за орлом, парившим над небосклоном, над мертвым городищем брошенных сурчин* (Тихий

Дон) (Ср.: *городище* – место, сохранившее следы бывшего в древности города или укрепления).

Станица – 1. Большое казачье селение на Дону, Кубани и административно-хозяйственно присоединенные к нему хутора: *В карауле живописно застыли разномастные и разновозрастные казаки низовских станиц* (Тихий Дон).

По данным словаря первоначально слово *станица* обозначало объединение семей казаков, которые селились около казачьего разбойничьего городка и находились под его защитой. В случае опасности семьи казаков либо скрывались за стенами городка, либо откочевывали как можно дальше в степь, пока городок держал оборону. С годами станицы разрастались и превращались в посады городков. Постепенно городки были поглощены станицами и все население переселилось в укоренившиеся станицы. Станицы переняли от городков их внутреннее устройство: в центре станицы площадь – майдан, в восточной части площади – церковь или собор, напротив через площадь – Атаманское правление. Площадь в станице, как и в городке, окружали арсеналы, кузницы, оружейные, амбары, ссыпки для зерна. Рядом с майданом обязательно ставились коновязи, где привязывались кони казаков, собиравшихся по тревоге – сполуху. Со временем боевое назначение майдана сменилось на торговое: на широком пространстве между церковью и правлением появились ярмарки, строились церковно-приходские школы, гимназии, магазины. Станицы получали земельные наделы, где возникали хутора, подчиненные станице.

2. Обращение к одностаничнику: *Стекла во двор сотня – пополнение с Дона. – Станица, здорово! – Да, никак, ты, сват Александр? – Он самый.* (Тихий Дон)

3. Стая, группа мелких животных одного вида (чаще о птицах): *Спешили перелетные станицы, уходя от близких заморозков, от знобких в вышине северных ветров* (Тихий Дон).

Хутор – селение, примыкающее к административному центру – станице. Обычно вокруг станицы располагается несколько хуторов: *А пьет (атаман) – дня трезвым не бывает, потому, что пахуче и сладко цветет жито в степях донских, опрокинутых под солнцем жадной черноземной утробой, и смуглощекие*

жалмерки по хуторам и станицам такой самогон вываривают, что с водой родниковой текучей не различить (Тихий Дон).

Поскольку в свои произведения М. Шолохов вводит описание быта донских казаков и особенностей их речи, он часто употребляет наименования казачьих поселений (станция, хутор), при этом лексемы *город* и *деревня* в словаре не зафиксированы.

К словарям языка писателей советского периода русской литературы относятся словари, посвященные языку В.М. Шукшина.

Первым комплексным лексикографическим описанием творческого наследия В.М. Шукшина является словарь языка Шукшина. Составители словаря подчеркивают, что в нем представлены:

- слова и выражения, встречающиеся в текстах, но не зафиксированные основными словарями русского языка. Как правило, это разговорно-просторечные, диалектные единицы, архаизмы, историзмы или шукшинские неологизмы;
- слова и выражения, которые фиксируются основными словарями русского языка, но в тексте Шукшина специфичны, то есть имеют особые оттенки значения, ненормативную лексическую сочетаемость.

В словаре зафиксированы две лексемы данной группы: *город-городок* и *деревня*.

Город-городок – горько-ироническое о городе (в устах сельского жителя): *Ну, пожалуйся он, скажи: плохо, мол, мне, Ванька, душа чего-то ... А чего он, Ванька? Чем поможет? Ну, повздыхают вместе, разопьют бутылочку, и он уедет с чемоданом в свой город-городок, к семье. Такое дело* (Бессовестные).

Деревня – пренебр. о деревенском человеке, сельском жителе: *Он был парень не промах, хоть и «деревня»* (Жена мужа в Париж провожала). Данное переносное значение лексемы *деревня* зафиксировано и в толковых словарях. Так, в БАС выделяется значение *о простоватом, глупом человеке*.

Другим словарем является словарь языка рассказов Шукшина. В настоящее время издано три выпуска, в которых зафиксированы лексемы *город*, *деревня*, *село* и *сельцо* в следующих значениях:

Город – крупный населенный пункт, товаропромышленного типа: *Он сперва тосковал в городе, потом присмотрелся и пошел...* (Мечты).

Деревня – поселение, жители которого занимаются преимущественно сельским хозяйством: *Мерзкое искусство бригадира ошеломило всех: так в деревне не дрались* (Танцующий Шива).

Село – большое крестьянское селение, в настоящее время административный центр сельского района: *Не деревня, село* (Выбираю деревню на жительство).

Сельцо – в старину небольшая деревня при помещичьей усадьбе; сейчас вообще небольшая деревня: *...церковка оживляла сельцо* (Крепкий мужик).

Таким образом, из всех словарей языка писателей, только в словаре языка Шукшина зафиксировано данное переносное значение.

В словаре языка Рубцова зафиксирован длинный ряд наименований населенных пунктов с указанной частотностью употребления: город (22), городок (3), деревня (45), деревушка (2), хутор (1), хуторок (2), поселок (1), селение (9), село (25), слобода (1), слободка (1).

Город – крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр: *Меня все терзают грани Меж городом и селом* (Снег).

Городок (небольшой город): *Скоро, скоро в глухом городке Зазимует районный флот* (Любой).

Деревня – 1. Крестьянское селение: *Я вырос в хорошей деревне* (Снег); 2. Сельская местность: *В деревне виднее природа и люди* (Мгла); 3. Сельские жители, сельское население: *Тогда нас всей деревней провожали* (Знать). Так же как и в словаре языка Есенина данная лексема представлена в полном семантическом объеме.

Деревушка (маленькая деревня): *Мать России целой – деревушка* (Крыша).

Хутор – обособленный земельный участок с усадьбой владельца: *Зимовье на хуторе* (Зимовье на хуторе).

Хуторок – уменьш. к хутор: *Я запомнил, как диво, Тот лесной хуторок* (Добрый Филя).

Поселок – небольшой населенный пункт, расположенный недалеко от города или основного селения: *Праздник в поселке* (Праздник в поселке).

Селение – населенный пункт в сельской местности (село, деревня, поселок и т.д.): *В родном селении опять обниму взволнованную мать* (Отпускное).

Село – 1. Крупное крестьянское селение: *Здесь крыши сел не слыхивали грома!* (Ночь на родине); 2. Жители такого селения: *В долине почило село* (В горной долине); 3. Сама местность, где расположены селения, где ведется сельское хозяйство.

Слобода – поселок около города, пригород: *Вокруг слободы расклубился таинственный шарф – туман полевой* (Фальшивая колода).

Слободка – обособленная часть большого села: *Пыль столбом взметнется над слободкой* (Разбойник Ляля).

В словаре языка Есенина и в словаре языка Рубцова наиболее полно представлены наименования населенных пунктов, зафиксированные в толковых и идеографических словарях. Показательно, что оба словаря содержат достаточно новую лексику *поселок*.

Сопоставляя данные словарей языка писателей и современной классификации наименований населенных пунктов, можно выделить следующие особенности:

1. Наибольшее количество наименований населенных пунктов зафиксировано в словаре языка Есенина (10) и в словаре языка Пушкина – (9). Однако следует учитывать, что некоторые из словарей являются неоконченными. Примечательно, что во всех рассмотренных словарях (кроме словаря Шолохова) зафиксированы лексемы *город* и *деревня*, причем лексема *город* имеет бóльшую частотность во всех рассмотренных словарях, исключая словари языка Есенина и Рубцова. Также исключение составляет словарь языка Шолохова, в котором зафиксированы наименования населенных пунктов, отражающих языковую картину мира донских казаков.

2. Состав наименований населенных пунктов в словарях языка писателей зависит от мировоззрения и индивидуальности, творческих предпочтений авторов, а

также от характера социально-экономических и политических изменений в обществе.

3. Словари отражают нежесткую закреплённость значений лексем в языке писателей. Так, например, А.С. Пушкин один и тот же населённый пункт называет и *селом*, и *деревней*.

4. Бóльшая часть значений, представленных в словарях языка писателей, совпадает со словарными дефинициями, но писатели используют их не во всех существующих значениях.

5. В словарях языка писателей зафиксирован ряд значений наименований населённых пунктов, не включённые в толковые словари.

6. В двух словарях (словаре языка Шукшина и в словаре языка Есенина) зафиксированы метафорические переносы у лексем *город*, *деревня* и *село*, причем в словаре языка Шукшина отмечено переносное значение антропоморфного характера (*деревня – невежа, деревеницина*).

7. Состав помет в словарях языка писателей как правило шире, чем в толковых словарях, что объясняется особенностями авторского дискурса.

Выборка материала из словарей языка писателей демонстрирует диахронические изменения в лексико-семантической группе наименований населённых пунктов, связанные с эпохой, в которую работали писатели, а также и индивидуально-авторские предпочтения. Однако *город* и *деревня* являются основными наименованиями населённых пунктов в художественном дискурсе.

В современной лексикографии утвердился термин «словари языка писателей». Однако расширение круга объектов лексикографического описания привело к появлению словарей, в которых отражены не только языковые особенности создателей художественных текстов, но и политиков, философов, публицистов, ученых. Л.Л. Шестакова предлагает новый термин – «авторские словари», отличительным признаком которых «является принадлежность материала отдельной творческой личности» [Шестакова 1998: 47].

Одним из таких словарей является «Словарь языка В.И. Ленина» (далее словарь языка Ленина). Этот словарь был издан не полностью. Он должен был

отразить все лексико-семантическое своеобразие языка В.И. Ленина независимо от жанрово-стилистической принадлежности его произведений. Алфавитно-частотный словарь представляет собой словник словаря языка Ленина с указанием: 1) индекса абсолютной частоты встречаемости слова; 2) «адресов» (номеров томов и страниц), отсылающих читателя к Полному собранию сочинений В.И. Ленина. В нем истолкованы не все слова, а лишь те, значения которых в языке Ленина не совпадают с их значениями в современном языке. В словаре зафиксированы следующие наименования населенных пунктов с указанием частотности: город (>1000), город-село (1), городишко (2), городок (9), деревня (>800), деревня-матушка (1), деревенька (1), село (>100), селение (>50), станица (9), слобода (12), хутор (>20), хуторок (2), поселок (>20).

Город-село: *Жалею, что не взял непромокаемого плаща. Здесь необходимо. Не пошлете ли мне его маленькой посылкой? – а то я не знаю, когда еще попаду в город, да и найду ли что-нибудь годное в таком городе-селе, как Минусинск.*

Городишко: *Григорий с семьей приехал. Останемся в Берне. Маленький скучный городишко, но ... лучшие Галиции все же и лучшего нет! Досадно, что приходится тебе с Маняшей жить в скверном городишке!*

Городок: *В приморском городке Блекпуле состоялся 10-12 мая по новому стилю второй съезд Британской социалистической партии.*

Деревня-матушка: *Особенно замечателен при этом факт более высокого культурного уровня населения в таких неземледельческих центрах. Более высокая грамотность, значительно более высокий уровень потребностей в жизни, резкое отделение себя от «серой» «деревни-матушки» – таковы обычные отличительные черты жителей в подобных центрах.*

Деревенька: *Мы ходили до позднего вечера из конца в конец нашей деревеньки, ночь была довольно темная, кругом ходили грозы и блистали молнии.*

Селение: *Изданы ли по этому вопросу постановления, какого содержания, и принята ли в них во внимание необходимость считаться с хозяйственными условиями отдельных селений, в частности с наличием кормовой площади для скота?*

Станица: <...> нашим Комиссариатом земледелия было дано соответственное задание и определено количество земель, которое мы не сможем обработать, не меньше, чем в 3 миллиона десятин по реке Уралу, оставленных казаками в результате победоносного окончания гражданской войны, когда ушли целые станицы.

Слобода: Например, в отделе II (обработка шерсти) «Перечень» считает в Нижегородской губернии только 28 рабочих на стороне в городе Арзамасе и в подгородной Выездной слободе...

Хутор: Насильственное раздробление общины законами 9 ноября 1906 г. и т.п., насаждение хуторов и субсидирование отрубного хозяйства, – это вовсе не мираж, как иногда говорят легкомысленные болтуны демократической журналистики, это – реальность экономического прогресса на почве сохранения помещичьей власти и помещичьих интересов.

Хуторок: Передала ли Маняша мой большой привет «старому знакомому», которого я навещал в хуторке?

Поселок: Когда нам будет дан материал, что в таком-то фабричном поселке дело надзора поставлено так-то и достигнуты определенные результаты, а каком-то квартале, уезде и т.д. иначе. При таком массовом спросе, при начавшейся уже выработке опытных революционных руководителей, при той сконцентрированности рабочего класса, которая делает его фактическим господином в рабочих кварталах большого города, в заводском поселке, в фабричном местечке, – постановка политической газеты есть дело вполне посильное для пролетариата.

Соответственно, лексемы *город*, *деревня* и *село* сохраняют в языке В.И. Ленина значения, зафиксированные в толковых словарях. Также в словаре представлены эмоционально-оценочные слова, несущие на себе яркий отпечаток эпохи и ленинской индивидуальности: *город-село*, *деревня-матушка*. В.И. Ленин активно употребляет лексему *поселок*, однако он использует ее для обозначения административно-хозяйственного понятия, наименование обособленной части города: *фабричный поселок*, *заводской поселок*. В то время как в толковых

словарях поселок – это самостоятельная административная единица, не входящая в городскую среду (ср.: МАС *поселок – небольшой населенный пункт, расположенный недалеко от города или основного селения*).

Выводы

Лингвокультурологическая направленность исследований языка обнаруживает новые перспективы, находящиеся «на стыке» нескольких направлений с привлечением как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Поэтому значимой в современной науке является проблема выявления соответствующих подходов и определения стратегии интегративного исследования. Соответственно, интегративный подход позволяет по-новому взглянуть на взаимодействие языка и культуры, языка и сознания.

Соотношение феноменов *города* и *деревни*, которые попадают в сферу интереса широкого круга гуманитарных и естественных дисциплин (культурологии, экономики, социологии, истории, литературоведения и т.д.), можно рассматривать в контексте бинарных оппозиций, позволяющих структурировать представления о мире. *Социально-экономический аспект* соотношения понятий *город* и *деревня* включает различные критерии, позволяющие рассматривать явление города как оппозиционное по отношению к деревне. К таким критериям относятся: разделение общественно-экономического труда; плотность населения; наличие городской элиты, занимающей определенное место в иерархической системе всей территории; выполнение городом, помимо экономической функции, ряда других функций – политических, социальных, культурных, институциональных; рынок; институционально-правовой статус населенного пункта; тип застройки; наличие или отсутствие оборонительных сооружений – крепостных (городских) стен; время.

В *философском аспекте* интерпретация оппозиции *город/деревня* представлена в соответствующей антиномии. Антиномичность *деревни* и *города* наиболее отчетливо проявляется в следующих оппозиционных парах: природа –

культура, коллективизм – индивидуализм, адаптация – преобразование, традиция – новация, стабильность – мобильность, иррациональность – рациональность, укорененность – безосновность, зависимость – свобода, пассивность – активность, социальный контроль – автономия, персонифицированность – анонимность, естественность – искусственность, тождество хозяйства и семьи – разделение труда и семьи, спокойный ритм жизни – повышенный уровень стресса. К философским основам противопоставленности города и деревни относится известная оппозиция *свой/чужой*. Оппозиция *город/деревня* входит в систему семантико-когнитивных противопоставлений, репрезентирующих наиболее общую и ведущую для традиционного народного сознания противопоставленность *своего* и *чужого*: *свой* – это представитель моей деревни, *чужой* – представитель не моей деревни».

Данная оппозиция прослеживается и в лингвистических исследованиях различной направленности, в том числе в диалектологических трудах, охватывая различные сферы бытия, такие как: физическая организация городского и деревенского локусов; социально-экономические особенности городской и деревенской жизни (работа, учеба, здравоохранение, торговля, финансы, криминогенная обстановка, наличие/отсутствие работы, возможность/невозможность получить медицинскую помощь, выгодность/невыгодность торговли, более дорогая/менее дорогая в финансовом отношении жизнь, криминализация/ее отсутствие, многолюдность/немноголюдность, скрытость/открытость частной жизни); характер занятости населения: город осознается как социум, для которого характерны особые, не типичные для деревни виды занятости; поведенческие и ментальные стереотипы, привычки (по представлениям жителей села, городских людей отличает безделье, нежелание трудиться, отсутствие необходимых для жизни трудовых навыков, непонимание специфики и тяжести сельского труда, странные, не одобряемые деревенскими жителями привычки и вкусы); специфические черты речевой коммуникации. Исследователи говорят не только о существовании оппозиции *город/деревня*, но об антиномичности самих феноменов.

Оппозиция *город/деревня* включает *идеологическую составляющую*. Так, в советскую эпоху оппозиция *город/деревня* приобрела общественно-политическое звучание.

Таким образом, данные различных направлений гуманитарного знания позволяют говорить о существовании выраженной междисциплинарной оппозиции *город/деревня*, включающей экономические, социальные, идеологические, философские и другие составляющие, проявляющиеся на эмпирическом и экзистенциальном уровнях, что актуализирует вопрос о способах и механизмах ее фиксации на уровне слова. Ввиду этого в работе ставится задача проследить характер фиксации данной оппозиции в русской лексикографии.

Принцип антропоцентризма, став основополагающим на современном этапе развития лингвистических исследований, привел к становлению и развитию интегративного подхода к слову в современной русской лексикографии, для которого актуальна связь когнитивистики и лингвокультурологии, с системно-структурной парадигмой научного знания, связь концептуального и семасиологического анализа слова. Проникновение в глубинные структуры семантики позволяет на основе семантико-когнитивного анализа соединить принципы, содержащиеся в традиционном лингвистическом подходе, и описания семантики лексических единиц, зафиксированные в словарях с когнитивными методами исследования. Именно опора на совокупные комплексные данные лексикографии (в ее системно-структурном и антропоцентрическом вариантах) дает широкие возможности для интегративного анализа слова, поскольку позволяет не только выявить динамику лексикографической фиксации лексемы (что является принципиально важным для лексиколога), но и проследить «путь» слова в культуре и проникнуть в содержание концепта, стоящего за ним. Таким образом, интегративный подход к слову в современном словаре позволяет рассматривать лексикографическую фиксацию явлений лексико-семантического порядка как наиболее объективное отражение не только собственно языкового (системного), но и лингвокультурологического (когнитивного) содержания и таким образом определить характер противопоставления и масштаб

«отталкивания» между единицами лексической системы, в том числе в оппозиции *город/деревня*.

Поскольку *город* и *деревня* являются наименованиями населенных пунктов, то для определения их места в системе языка в первую очередь актуальным представляется определение границ лексико-семантической группы наименований населенных пунктов. По данным источников лингвистического и нелингвистического характера, объем лексико-семантической группы наименований населенных пунктов составляет около 30 наименований. Структура этой группы характеризуется значительной подвижностью. С одной стороны, ряд слов, зафиксированных словарями, имеет помету «устаревшее», (например, *фактория, мыза, селитьба, улус, становище*), а, с другой стороны, в самые последние годы в современном русском языке появляются новые наименования (*коттеджный поселок, клубный поселок, коттеджный комплекс, поселок таунхаусов*). Многие из них еще не зафиксированы словарями, однако в словарях новой лексики они представлены в иллюстративном материале. Структура группы наименований населенных пунктов условно имеет две основные составляющие:

- населенные пункты городского типа;
- населенные пункты негородского типа.

Таким образом, данные идеографических словарей дают возможность выделить в значении лексем *город* и *деревня* интегральную сему (населенный пункт) и оппозиционные признаки, содержащиеся в дифференциальных семах (городской тип населения и негородской тип населения).

Данные этимологических словарей и исследований позволяют выявить следующие признаки у лексем *город* и *деревня*: 1) *Город* – огороженное (закрытое) место, *деревня* – очищенное от леса, открытое пространство; 2) Важнейшим признаком *деревни* является ее связь с землей и земледелием (пашня, хутор, крестьянский двор или хутор с участком земли).

Обобщая данные толковых словарей, можно выделить дифференциальные признаки лексем *город* и *деревня*, позволяющие говорить об их семантической оппозиции: *параметрический* (регулярный, повторяющийся во всех

рассмотренных словарях): город – крупный населенный пункт, деревня – небольшое селение; *социальный* (регулярный, повторяющийся во всех рассмотренных словарях): в городе жители заняты в основном производственным, индустриальным трудом, в деревне – сельскохозяйственным трудом; *исторический* (все словари, за исключением словаря Ушакова и словаря Дмитриева): город характеризуется как огороженное и укрепленное стеной пространство; *антропоморфный* (*город* – словарь Кузнецова, словарь Ефремовой; *деревня* – БАС, МАС, словарь Ушакова, словарь Кузнецова): в семантике лексем зафиксирован антропоморфный перенос (*собр.* все жители города и деревни); *природно-экологический* (словарь Дмитриева): связь с природой (ср.: «селение, окруженное лесами и полями»); *оценочный* (БАС, словарь Ушакова, словарь Ефремовой, словарь Дмитриева): в семантическом объеме лексемы *деревня* фиксируется переносное значение с негативной оценкой (*о простоватом, глупом человеке*), характеризующее жителя деревни; в семантике слова *город* такого значения нет.

Лексемы *город* и *деревня* зафиксированы во всех словарях языка писателей (кроме словаря языка Шолохова), причем лексема *город* имеет бóльшую частотность. Словари отражают нежесткую закрепленность значений лексем в языке писателей. Бóльшая часть значений, представленных в словарях языка писателей, совпадает со словарными дефинициями, но писатели используют их не во всех существующих значениях. Состав помет в словарях языка писателей, как правило, шире, чем в толковых словарях, что объясняется особенностями авторского дискурса. В двух словарях: словаре языка Шукшина и в словаре языка Есенина зафиксированы метафорические переносы у лексем *город*, *деревня* и *село*, причем в словаре языка Шукшина отмечено переносное значение антропоморфного характера.

Используя возможность описания структуры оппозиции в терминах теории лексико-семантического поля (понятий ядра и периферии), возможно заключить, что идеографические, этимологические и толковые словари конституируют наличие устойчивой оппозиции *город/деревня* в лексической системе русского

языка: посредством отнесения денотатов *город* и *деревня* к однородным явлениям (на основании базовой интегральной семы «населенный пункт»), а также ввиду последовательной констатации регулярных симметричных оппозиционных признаков *параметрического* (большой/маленький) и *социального* порядка (индустриальный, производственный труд/сельскохозяйственный труд), которые транслируются практически во всех лексикографических источниках и тем самым становятся осью, ядром оппозиции *город/деревня* в русском языке. Околоядерная зона оппозиции включает нерегулярные семантические признаки денотативного характера (город – огороженное, укрепленное пространство). К периферии семантического противопоставления можно отнести нерегулярные, несимметричные признаки (наличие связи с природой/отсутствие связи с природой; наличие оценочного переосмысления/отсутствие оценочного переосмысления).

Глава II. «Лексикографический портрет» оппозиции *город/деревня* в системной лексикографии и в словарях лингвокогнитивного направления: динамические процессы и лингвокультурологический потенциал

2.1. Лингвокультурологический потенциал оппозиции *город/деревня* в системной лексикографии

2.1.1. Словообразовательные характеристики лексем *город* и *деревня* как расширение коннотативной зоны оппозиции

Как известно, словообразовательные словари фиксируют основные способы образования новых языковых единиц, а также позволяют проследить их семантическое развитие. Показательно, что в современных исследованиях подчеркивается не только традиционная системообразующая роль словообразовательных возможностей языка, но и их связь с языковой картиной мира, с особенностями языкового сознания представителей лингвокультурной общности. Так, словообразование, с одной стороны, системно организовано как часть деривационной системы языка, а потому, в свою очередь, является системообразующим фактором языка [Николаев 2010: 4], с другой стороны, открывает возможности для концептуальной интерпретации действительности. Оно позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, а также задуматься над вопросом, почему они удерживаются сознанием [Вендина 1998а: 41]. Наличие словообразовательно маркированных элементов языка подсказывает исследователю, что в языковом сознании народа является жизненно и социально важным, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка [Там же: 41].

Современный этап развития лингвистики, характеризующийся ориентацией на антропоцентрический подход, распространился и на словообразовательный

потенциал языка, что привело к появлению нового направления лингвистических исследований – «когнитивного словообразования». Данное направление позволяет рассматривать словообразование как культурно обусловленное средство осмысления действительности, выполняющее организационно-конструктивную и системообразующую роль в развитии языковой картины мира [см. Абросимова 2014: 7-14].

Словообразовательный потенциал интересующих нас лексем исследовался по данным следующих словообразовательных словарей русского языка: «Словообразовательный словарь русского языка» в 2-х томах А.Н. Тихонова (далее словарь Тихонова), «Школьный словообразовательный словарь русского языка» сост. В.И. Круковер (далее словарь Круковера), пособие В.Ф. Мейерова и В.Т. Шклярова «Русское слово в составе словообразовательного гнезда» (далее пособие Мейерова и Шклярова), представляющее собой один из первых опытов гнездового словаря. Как известно, словообразовательное гнездо как системная единица языка играет важную роль в структурной организации лексики и является сложным образованием, которое «позволяет более точно охарактеризовать семантику каждой лексической единицы, своеобразие отношений между словами одного корня, пути возникновения новых слов» [Козырев, Черняк 2000: 177].

Актуализация интегративного подхода к слову обусловила актуальность когнитивного анализа словообразовательного гнезда. По мнению исследователей, словообразовательные процессы характеризуются когнитивно-ментальными особенностями, тесно связанными с социокультурными условиями жизни общества.

В словаре Тихонова зафиксированы словообразовательные гнезда с вершинами *город* и *деревня*. Так, словообразовательное гнездо с вершиной *город* содержит 73 единицы, а с вершиной *деревня* – 7, что свидетельствует о значительной несимметричности их словообразовательного потенциала. Количественная несимметричность словообразовательного потенциала может быть интерпретирована с позиций «когнитивного словообразования» или

когнитивного подхода к словообразовательному потенциалу лексики (Л.С. Абросимова, А.В. Байдак, Т.И. Вендина и др.), позволяющего объяснить данную диспропорцию прежде всего многочисленностью и динамичностью социально-экономических функций города, репрезентированных в словообразовательных возможностях (ср., например: политические функции (горком, горсовет, город-герой), административные (градоначальник, городничий, гороно, горздравотдел), хозяйственные (горводоканал, горжилуправление, градостроительство, город-завод, город-курорт), территориальные (пригородный, пригород, загородный). Показательно, что словообразовательные средства языка транслируют и исторически маркированный семантический компонент *город* – *огороженное, укрепленное место* (загородить, изгородь, отгораживаться, город-крепость и мн. др.).

В русской языковой картине мира одни концепты образуют ядро языкового сознания, другие – его периферию. Согласно исследованию ядра языкового сознания русских, осуществленного Н.В. Уфимцевой, *город* попадает в это ядро (из 75 рангов, город занимает 56 ранг с количеством стимулов 284) [см. Уфимцева 2009]. Это свидетельствует о культурной значимости данного концепта в сознании носителей русского языка и объясняет «сильноразвернутый» характер словообразовательного гнезда.

Показательно, что в словообразовательном гнезде *город* особую группу составляют слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *город-ок, город-очек, город-ишко*. Сопоставляя формы на *-ок* и *-очек* А. Вежбицкая отмечает, что «*-ок* уменьшительный суффикс, но «большой» уменьшительный, а *-очек* – «маленький» уменьшительный» [Вежбицкая 1996: 126]. А. Вежбицкая утверждает, что активность уменьшительно-ласкательных суффиксов свидетельствует как об общей эмоциональности русского языка, так и о специфическом отношении носителей русского языка к тем классам явлений, которые обозначаются уменьшительными формами [Там же: 49-50].

Словообразовательное гнездо *город* включает целый ряд производных слов, репрезентирующих знания энциклопедического характера. Это, например,

лексемы, называющие различные управленческие структуры, а также лиц по виду городской административной деятельности, многие из которых устарели: *городов-ик, город-ов(ой), город-нич(ий), городнич-их-а, городнич-еств-о, городнич-еск-ий; град-о-началь(ник), градоначаль-ниц-а, град-о-правитель*. Данный лексический ряд отражает ту историческую ситуацию, когда *город*, ставший главным и устойчивым типом поселений, начал выполнять важную административную, социально-хозяйственную и социокультурную функции. В советский период преобразования в словообразовательной системе русского языка «в значительной степени обусловлены изменениями его лексической системы (внутрилингвистическими), а также влиянием социальных факторов, находящимися за пределами языка (экстралингвистическими)» [Лекант, Гольцова, Жуков 1982: 164]. В XX веке процессы урбанизации «повысили роль крупных городов не только как административных центров различных уровней, но и как центров исторической и политической жизни, экономики, системы управления социально-экономическим развитием страны» [Богатырев 1990: 18], что свидетельствует о появлении целого ряда сложносокращенных слов, характеризующих *город* как место концентрации административно-политических, образовательных, хозяйственных функций: «*гор/водоканал, гор/жил/управление [гор(одское) жил(ищное) управление], гор/здрав [гор(одской) отдел здрав(оохранения)], гор/здрав/отдел [гор(одской) отдел здрав(оохранения)], гор/зем [гор(одской) зем(ельный отдел)], гор/з/о [гор(одской) з(емельный) о(тдел)], гор/исполком, гор/ком [гор(одской) ком(итет)], гор/о/н/о [гор(одской) о(тдел) н(ародного) о(бразования)], гор/н/о [гор(одское) н(отребительское) о(бщество)], гор/совет [гор(одской) совет (народных депутатов)]*» [Словообразовательный словарь русского языка 2003]. В этот период появились новые способы словообразования, такие как, например, сложение слов, для обозначения различных типов городов: *город-сад, город-курорт, город-завод, город-герой*.

Словообразовательное гнездо включает слова с приставками *вне-город-ск-ой, за-город-н(ый), под-город-н(ый), при-город, пригород-ок, пригород-н-ый*, указывающие на территории, расположенные вблизи города, являющиеся

резервом для развития и роста городов, но одновременно сохраняющие естественно-природные связи человека с природой. Так, например, Д.С. Лихачев отмечает, что «пригород – это слово, как нарочно созданное, чтобы соединить представление о городе и природе. Пригород – при городе, но он и при природе. Пригород – это деревня с деревьями, с деревянными, полудеревянными домами. Он прильнул огородами и садами к стенам города, к валу и рву, но прильнул и к окружающим полям и лесам, отобрав от них немного деревьев, немного огородов, немного воды в свои пруды и колодцы» [Лихачев 1981: 24].

Согласно словарю Тихонова, словообразовательное гнездо с вершиной *деревня* содержит 7 единиц: «*деревень-к-а, дерев-ушк-а, деревн-ишк-а, деревен-ск(ий), деревен-щин-а, по-деревенск-и, одн-о-деревен-ец*» [Словообразовательный словарь русского языка 2003]. В словаре Крукова и в «Сводном словаре современной русской лексики» под редакцией Р.П. Рогожниковой (далее словарь Рогожниковой), который является своеобразным путеводителем по современным отечественным словарям, зафиксирована также лексема *деревнюшка*. Причем в словаре Рогожниковой показано, что данное слово включено только в «Словарь современного русского литературного языка», что свидетельствует о малой степени его распространенности и освоенности в русском языке. В пособии Мейерова и Шклярова в словообразовательное гнездо *деревня* включено *деревушечка*. Таким образом, несмотря на небольшое общее число дериватов, ведущее положение в нем занимают эмоционально-окрашенные словообразовательные варианты с уменьшительными и уменьшительно-ласкательными суффиксами (*деревенька, деревушка, деревнюшка, деревушечка*), что свидетельствует об эмоциональном отношении к деревне в русской языковой картине мира. Как отмечает А. Вежицкая, «формы на *-ушка* связаны с экзистенциальными понятиями и передают теплые чувства, которые вызваны не столько приятными чертами адресата, сколько жизненным опытом говорящего» [Вежицкая 1996: 131].

Особого внимания заслуживает лексема *деревеницина*, которая получила новое звучание в Советский период. По наблюдениям В.В. Виноградова, в XX

веке значительно расширяется словообразовательный ряд слов на *-щина*, обозначающих «характеристические общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской» [Виноградов 1972: 118]. Такой оттенок в значении слова *деревенщина* мог возникнуть под влиянием процессов урбанизации, проводимых в Советскую эпоху.

Примечательно, что в словообразовательных гнездах *город* и *деревня* зафиксированы наречия *по-городск-ому*, *по-городск-и*, *по-деревенск-и*, образованные префиксально-суффиксальным способом от прилагательных *городской* и *деревенский*. В «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» Т.Ф. Ефремовой (далее Новый словарь русского языка) приводится следующее толкование данных лексем: *по-городск-ому*, *по-городск-и* – «как свойственно городу, горожанам, как характерно для них»; *по-деревенск-и* – «как свойственно жителям деревни, как характерно для неё» [Новый словарь русского языка 2000], указывающие на особенности уклада жизни в городе и деревне.

Помимо словообразовательных словарей, были использованы данные словаря Даля, а также «Энциклопедии русского слова» В.И. Даля и «Русского словаря языкового расширения» А.И. Солженицына. Как известно, словарь Даля построен по гнездовому принципу, который способствует раскрытию словообразовательного потенциала слов. Лексема *город* входит в гнездо *городить*, в значении город – *городьба*, *ограда около жилья, населения*. Словарь Крылова указывает, что лексема *город* образована от *гордь* – «*городить, огораживать*» (первоначальное значение – *ограда, забор*) (см. 1.3.3.). Словарное гнездо *городить* включает большое количество производных слов: «*градить, огораживать, городиться, гороженье, городьба, городок, городец, градец, городень, городник, городовик, городина, городила, городильщик, градитель, градарь, городчик, городищ(е)а, городбище, городищенский, городской, градский и градской, городской, городской, градный, градовый, городковый, городечный, городчатый, городничий, городничиха, городничев, городничихин, городнический, городничить, городничествовать, городелец, городоставец, городоимец,*

городоимный, городоимство, городомыка, городчанин, горожанин, горожанка, городчанка, горожаниться, гороженник» [Толковый словарь живого великорусского языка 2006], однако значения некоторых из них не имеют связи с основным современным содержанием исследуемого слова-концепта, поэтому не будут входить в число лексем, составляющих его актуальное номинативное поле. Следует отметить, что здесь содержится значительное число слов, отражающих историческую, административную и социальную роль города.

Показательно, что в словаре Даля в гнездо *деревня* вошли слова «*деревеничик, деревеница (деревенский житель, говор, противоположно горожанину и сельчанину, жителю города, села)*» [Толковый словарь живого великорусского языка 2006], которые не зафиксированы в словообразовательных словарях. В Новом словаре русского языка тоже зафиксирована лексема *деревеничик*, но она имеет иное толкование, ср: *писатель, журналист, показывающий, отображающий жизнь деревни*. Лексема *деревеничик* зафиксирована в «Толковом словаре языка Совпедии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, описывающем «советизмы». Примечательно, что в данном словаре у лексемы *деревеничик* кроме толкования: *писатель, произведения которого посвящены деревне, крестьянскому быту* зафиксировано еще одно значение: *прикрепленный к деревне рабочий, комсомолец, студент, ведущий там ту или иную работу*.

«Энциклопедия русского слова» В.И. Даля составлена по материалам словаря Даля и включает в себя малоупотребительные слова. Так, в нее вошли *городец, городчик – городской приказчик, кому поручался надзор за исправностью городских стен, острога, укреплений* и пр. *Деревенец – деревенский житель, противоположно горожанину и сельчанину, жителю города, села*.

«Русский словарь языкового расширения» А.И. Солженицына продолжает концепцию словаря Даля. В предисловии к словарю А.И. Солженицын пишет, что «лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств» [Русский словарь языкового расширения 2000: 3]. А.И. Солженицын обращается к словарю Даля с целью «расширения, сохранения и

закрепления далевских слов в современном литературном и речевом обиходе» [Коваленко 2009: 132]. Графически в словаре не выделены гнезда, и основообразующее слово пропущено, однако приводятся производные слова. Так, к лексеме *город* приведены производные: *городища* – «большой город», *городище* – «развалины бывшего города». Лексема *град* – *градоблюститель*; *градоблюстительный*; *градодержец*; *градозорный* – «разоряющий города»; *градоимный* – «относящийся к приступу на город»; *градоимец* – «военачальник, взявший город(а)»; *градоправитель*. К лексеме *деревня* расширения в словаре не приводятся.

Оценочная несимметричность рассматриваемых словообразовательных гнезд проявляется в ряде факторов. Так, существенным когнитивным фактором является наличие нейтрального словообразовательного варианта *горожанин* (*горожанка*), номинирующего жителя города. Отсутствие симметричного наименования в словообразовательном гнезде *деревня* (ср.: *деревеница* – единственный дериват в составе словообразовательного гнезда, называющий жителя деревни и имеющий выраженную негативную коннотацию) компенсируется лексемами *пахарь*, *крестьянин*, *колхозник* и др., которые указывают не на место проживания, а с разной степенью конкретности на характер труда жителей деревни. Показательно, что ввиду исторической изменчивости организации сельскохозяйственного труда в современном дискурсе все чаще используется оценочно нейтральное, мотивированное исключительно местом проживания наименование *селяне*. Так, неоднократно в своих выступлениях Президент РФ В.В. Путин употреблял форму *селяне*, ср.: *Еще 10 лет назад практически половину продуктов питания мы завозили из-за рубежа. Критически зависели от импорта. Теперь Россия среди экспортеров. В прошлом году российский экспорт сельскохозяйственной продукции составил почти 20 млрд. долларов. Это на четверть больше, чем выручка от продажи вооружений. Большое спасибо селянам* (Послание к Федеральному собранию от 03.12.2015г.); *Надо думать, как помочь селянам реализовать урожай, с тем, чтобы они могли вернуть кредиты, полностью отсеяться по озимым* (встреча с губернатором

Воронежской области Владимиром Кулаковым РИА Новости (Москва) от 19.11. 2008г.); *Важно, чтобы селяне за свой труд получали достойную оплату, и чтобы в стране было достаточно продуктов собственного производства* (Заседание Совета по реализации приоритетных национальных проектов от 07.10. 2006г.).

Таким образом, лексемы *город* и *деревня* обладают различным словообразовательным потенциалом. Лексема *город* характеризуется значительно бóльшим количеством дериватов. Обе лексемы имеют словоформы с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые являются показателем ценностного отношения к данным населенным пунктам, однако коэффициент эмоционально окрашенных дериватов к лексеме *деревня* значительно выше. Как отметил Н.О. Лосский, «у русских, как и у всех славян, высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще. Это выражается в обилии уменьшительных, увеличительных и уничижительных имен» [Лосский 1957: 7]. В словообразовательном гнезде *деревня* слово *деревенщина* имеет оценочную коннотацию – *оттенок пренебрежения и разговорности*.

Таким образом, словообразовательные возможности транслируют различные признаки оппозиции: ядерные (*город – административно-хозяйственный центр*, *город – обширная территория*), околядерные (*город – укрепленное, огороженное пространство*), периферийные (*оценочная номинация жителя деревни и др.*), которые расширяют зону коннотации, и тем самым открывают доступ к различным слоям соответствующих концептов.

2.1.2. Парадигматические и синтагматические характеристики лексем *город* и *деревня* (по данным словарей антонимов и словарей сочетаемости)

Учет лингвокультурологического потенциала лексем *город* и *деревня* актуализирует их исследование на двух уровнях: парадигматическом и синтагматическом, которые «находятся в причинно-следственной связи» [Гвоздарев 1977: 8]. Согласно данным «Словаря антонимов русского языка» Н.П.

Колесникова, лексема *город* противопоставлена лексемам *село* и *деревня* в качестве антонима: *город* – *крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр*; *село* – *любой населенный пункт негородского типа*; *деревня*. «Словарь антонимов русского языка» Н.П. Колесникова – первый словарь русских антонимов, содержит более 1300 пар слов, которые представляют собой либо однокоренные и разнокоренные антонимы, либо противопоставляемые в каком-либо одном отношении лексические единицы. Антонимические отношения традиционно относят к самому «сильному» типу парадигматических отношений, лежащих в основе лексической системы любого языка. С внедрением принципов антропоцентризма в современную лингвистическую науку проблемы антонимии выходят «далеко за пределы собственно системно-языкового толкования и обуславливают многоаспектность осмысления» [Ким 2012: 139], смещая акценты в исследовании «от общеязыкового плана к конкретно-речевому плану воплощения» [Вежбиньски 2002: 3]. Именно в словаре антонимов особенно отчетливо прослежена оппозиция *города* и *деревни*, которая выходит за пределы лексической семантики в область концептуального осмысления действительности.

Речевое воплощение обнаруживается в сочетаемости, которая проявляет себя как свойство языковых единиц связываться друг с другом и образовывать единицы более высокого уровня, отражающее синтагматические отношения между ними (Ю.Д. Апресян, Ю.С. Маслов, В.В. Морковкин и др.). В современной лингвистической науке интерес стали вызывать «разнообразные способы употребления слова, представляющие его лексическое значение как подвижное и вариативное» [Касымова 2007: 79]. По мнению многих лингвистов, именно сочетаемостный потенциал позволяет осуществить «переход» от слова к концепту, стоящему за ним. Исследователи подчеркивают, что с помощью сочетаемости «в процессе создания высказывания, через семный состав слова и его лексико-семантические варианты можно выйти на содержание сформированного в языковом сознании носителя языка концепта» [Влавацкая 2009б: 29]. Концепт, как правило, реализуется в процессе коммуникации, поэтому «анализ

сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке <...>, дает возможность выявить некоторые составляющие концепта. Из сочетаемости можно выявить способы категоризации концептуализируемого явления» [Стернин 2001: 62-63].

Синтагматические отношения представлены прежде всего в комбинаторных словарях, или в словарях сочетаемости. Самое полное описание синтагматики дается в «Словаре сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина (далее словарь сочетаемости), который переиздавался три раза (в 1978г., в 1983г. и в 2001г.). Семантика синтагматических связей в значительной мере подвержена изменениям, обусловленным идеологическим и политическим влиянием на языковые процессы. Первые два издания словаря сочетаемости отражали воздействие эпохи советского периода, третье издание претерпело существенные изменения, состоявшие в деидеологизации словарных статей, возглавляемых лексическими единицами общественно-политической семантики, посредством замены или снятия соответствующих словосочетаний и иллюстративных предложений. Авторы словаря отмечают, что современный пользователь, живущий и изучающий русский язык в начале XXI века, нуждается в новом словаре сочетаемости. Последний словарь содержит 2506 словарных статей с заголовочными словами, в которые входят лексемы *город* и *деревня*.

Поскольку данные лексемы находятся в антонимических отношениях, то совмещение общего и различного в лексическом значении антонимов приводит к тому, что антонимы, с одной стороны, могут сочетаться с одними и теми же словами, с другой стороны, могут иметь характерную только для него сочетаемость [Словарь антонимов русского языка 1982: 6].

Сочетаемость выступает как «неотъемлемая часть языкового сознания носителя языка, отражающая когнитивную природу производства речи» [Влавацкая 2013: 65]. Соответственно сочетаемость языковых единиц обусловлена их семантикой и обладает «очень строгой ассоциативной закрепленностью в сознании людей» [Задорожнева 2007: 73]. Так, лексемы *город* и *деревня* употребляются в общих моделях сочетаемости:

- с прилагательными, указывающими на *размер населенного пункта*: город – *большой, крупный, огромный*; деревня – *большая, маленькая*;
- с прилагательными, указывающими на *место и географическое положение объекта*: город – *заполярный, северный, южный, сибирский, дальневосточный*; деревня – *дальняя, ближняя, соседняя, подмосковная, северная, южная*;
- с прилагательными, указывающими на *этническую маркированность населенного пункта*: город – *российский, украинский, французский*; деревня – *русская*;
- с прилагательными, характеризующими «*возраст*» данных населенных пунктов: город – *новый, молодой, старый, старинный, древний, современный*; деревня – *дореволюционная, старая, современная, новая*;
- с именами собственными: город – *Москва, Киев, Саратов*; деревня – *Марфино, Вешняки*;
- с прилагательными и глаголами, называющими *эмоциональное отношение*: город – *любимый, любить, гордиться, воспеть*; деревня – *любить*. Анализируя концепт *любви* в русском языковом сознании, С.Г. Воркачев отмечает, что «любимый – это самое дорогое, что есть у человека. Он – единственный, его не выбирают, он дается судьбой» [Воркачев 2003: 205]. Культурологами традиционно отмечается крепкая связь русских людей с землей и их привязанность к месту рождения. Так, О.А. Леонтович, сопоставляя американскую и русскую лингвокультуры, пишет, что «американцы удивляются, почему русские в такой степени привязаны к определенному месту, где родятся, живут и умирают» [Леонтович 2005: 239].
- с прилагательным *родной*: город – *родной*, деревня – *родная*. Специфика таких сочетаний состоит в том, что они указывают на теплое, душевное отношение к данным населенным пунктам. В русском языке слову *родной* «присуща особая теплота, идея, что родственные отношения – это не просто факт, а нечто ощутимое сердцем. <...> родное небо, родная земля, родной город – это не только факт биографии, но и душевное переживание» [Левонтина 2009: 4]. Архетип «род» определил становление концепта «родная земля» как базового для русского

культурного языкового сознания. По мнению Ю.С. Степанова, данный концепт является константой культуры, то есть «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Степанов 1997: 76]. В словаре Даля описывается значение слова *родина* – «*родимая земля <...> город, деревня*». В фокусе этого толкования и город, и деревня представляют *малую родину* – «персонально-личностное место на земле, как бы включенное в рамки государства – места, определяемого коллективно-социальным обустройством» [Телия 2001: 415].

С другой стороны, константа «родная земля» связана «с еще более глубинным архетипом «матери-земли» как праматери всех возвращенных, живущих на этой земле или ушедших в нее поколений «своих», а также всего того, что порождено на «материнском лоне» земли, существует или существовало на ней...» [Там же: 410]. В русской традиции «русская земля представлена как живое существо; она изображается в женском – чаще всего материнском облике» [Рябов 2006: 2] как «кормилица, поилица, питома, целительница» [Домников 2002: 90] для всех живущих на ней и становится «матерью-сырой землей». В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона 1893г. отмечено, что «*город долго ничем не отличался от окружавших его деревень; обыватели его наравне с сельскими жителями занимались хлебопашеством и скотоводством*» [Энциклопедический словарь 1893], то есть для города тоже была характерна связь с землей. Однако исторически, особенно в эпоху петровских преобразований, произошел «отказ от традиционных ценностей, связанных с культом земли», который привел к идее «строительства города «на болоте», на воде, то есть города «без земли» [Домников 2002: 364]. Таким образом, в настоящее время связь с землей характерна именно для деревни – «деревня-матушка», «деревня-кормилица», а город выступает как «носитель идеи выхода из-под «власти» земли, противостоит деревне, всецело подчиненной «власти» земли» [Там же: 49]. Если во взаимоотношениях с землей деревня наделяется признаками женского начала, то «город неизбежно становится носителем мужского, ургийного начала, властвующего над землей» [Там же: 216].

- с существительными, характеризующими *преобразования и динамику развития населенного пункта*: город – *планировка, основание, строительство, реконструкция, благоустройство, озеленение*; деревня – *культурный рост, электрификация, преобразование*. Устойчивость воспроизведения этих сочетаний связана с политикой советского времени, которая пыталась заложить основы для развития города и деревни *«по новому, социалистическому пути и устранения противоположности между городом и деревней. <...> Большое значение в этом процессе имеет также электрификация, преобразование сельских населенных пунктов в укрупненные поселки городского типа с благоустроенными домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями»* [Большая советская энциклопедия 1969-1978]. Так, «Словарь современных цитат» К.В. Душенко включает: 1) высказывания, часто цитируемые в специальной литературе (исторической, филологической и т.д.), особенно те из них, которые принадлежат знаменитостям XX века и зафиксированы в основных русских и зарубежных справочниках; 2) некоторые цитаты, которые прежде были крылатыми и часто встречаются в письменных текстах определенного времени; 3) некоторые общеизвестные термины. В словарь вошли лексемы *город* и *деревня*, которые попадают в контексты, отражающие идеологическую направленность взаимоотношений. Так, лексема *деревня* попадает в следующие контексты: *лицом к деревне* (Речь Зиновьева в Ленинграде 18 октября 1924г., опубликованный в «Правде»); *мировая деревня* (*необходимо создание <...> великого единого фронта между революционным пролетариатом мирового «города» и крестьянством мировой «деревни»*) (Доклад Н.И. Бухарина от имени русской секции Исполкома Коминтерна на XII съезде РКП(б) 20 апреля 1923 г.); *смычка города с деревней* (Доклад Л.Д. Троцкого о промышленности на XII съезде РКП(б) 20 апреля 1923г.); *устранения различия между городом и деревней* (К. Маркс, Ф. Энгельс Манифест Коммунистической партии). Лексема *город*: *образцовый коммунистический город* (*Сделать Москву образцовым коммунистическим городом – это дело чести всего советского народа* (Отчетный доклад Л.И. Брежнева ЦК XXIV съезду КПСС 30 марта 1971г.)).

Как известно, именно специфика сочетаемости лексических единиц эксплицирует своеобразие их содержания. Лексема *город* в словаре сочетаемости представлена следующими индивидуальными моделями именной и глагольной сочетаемости:

- с существительными, характеризующими *культурные функции города* (парки, достопримечательности, музеи, памятники, театры);
- с существительными и глаголами, указывающими на *стратегические функции города* (осада, штурм, бомбардировка; осадить, окружить, взять, сдать, бомбить, разрушить, уничтожить). Словарь сочетаемости свидетельствует о том, что события военных лет к моменту создания словаря оставались значимыми для сознания носителей русского языка;
- в конструкциях, свидетельствующих о *политических и идеологических функциях города* (город славных революционных традиций, город-герой);
- с прилагательными, указывающими на *особенности экологии города* (грязный, чистый, зеленый);
- с прилагательными, характеризующими город по *типу занятости населения* (университетский, промышленный, портовый, курортный). В XX веке города стали местом концентрации не только промышленности, но и науки, отдыха, образования и т.д. В «Толковом словаре языка Совпедии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, описывающем «советизмы» (идиомы, крылатые слова, афоризмы), которые, с одной стороны, представляют советскую эпоху в лексическом отображении, а с другой – раскрывают особенности «двойной жизни» советизмов при Советах, показывают их постсоветскую судьбу, функционирование в новом качестве, с изменившимися коннотациями, всевозможными структурно-семантическими трансформациями. В словаре лексема *город* входит в ряд устойчивых сочетаний, таких как, *социалистический город, образцовый коммунистический город*. Многие из идиом имеют помету *патет.* (*патетическое*), которая создает особый пафос повествования о социалистической действительности и коммунистическом завтра: *Город спорта*

(физкультурников, физкультуры и спорта), Город трех революций, Город над вольной Невой, Город юности, Город мужества, Город на заре;

- с глаголами, свидетельствующими о мобильности городского населения (приехать, прибыть, переехать, переселиться, вернуться);

- с глаголами *работать, родиться, обосноваться, вырасти, учиться, быть, находиться* (где-либо);

- сочетания с собирательным местоимением *весь* (*Весь город – все жители города*).

В словарной статье к лексеме *деревня* зафиксировано сочинительное сочетание *город и деревня*, которое характеризуется широкой и регулярной воспроизводимостью и является значимым для русского языкового сознания.

Семантика сочетаемости лексемы *деревня* обнаруживает своеобразие в следующих моделях:

- с глаголами, отражающими *специфические реалии советской эпохи* (распределение, комсомольские путевки и др.): *направить, послать*;

- с притяжательными местоимениями: *моя, наша*. По мнению исследователей, эти местоимения занимают особое место в языковой картине мира, очерчивая «границы своего мира, восходят к древнейшим моделям семантического представления значимого для человека, освоенного и присвоенного им фрагмента действительности» [Гранева 2013: 58]. Данная модель отражает актуальность оппозиции *свой/чужой* по отношению к месту рождения и проживания. По мнению русских философов и культурологов (Н.А. Бердяев, А.С. Кармин, А.С. Хомяков и др.), Россия принадлежит к коллективистской культуре. Русский коллективизм складывался в рамках крестьянской общины. Мир (община) – «своеобразная, нигде более в Европе не встречающаяся, ячейка общественного уклада сельской русской жизни» [Степанов 1997: 599]. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона 1893г. зафиксировано, что «в 16-ом веке деревней назывался участок земли с одним двором (причем говорилось «жить на деревне, а не в деревне»), а также незначительная группа дворов, с известным количеством пашни, сенокоса у леса. В результате получилось современное значение слова

деревня: небольшое крестьянское поселение без церкви. <...> На севере России деревня является родовой общиной, послужившей первоначальной формой землевладения» [Энциклопедический словарь 1893]. Именно этим объясняется факт наличия однофамильцев, живущих в одной деревне. Даже в настоящее время три-пять распространенных фамилий в одном сельском населенном пункте – совершенно обычное явление. Это способствовало «организации крестьянского труда и всего уклада деревенской жизни (решение вопросов «всем миром»))» [Кармин 2003: 125], а также противодействию государству. Переломные моменты в русской истории сохранили у крестьян убеждение о государстве как о внешнем неблагоприятном факторе, которому нужно было противостоять, используя групповой способ открытой конфронтации и повседневного пассивного сопротивления [Стефаненко 2004: 144]. Поэтому центральная проблема крестьянского бунта – «противостояние «мира» и государственной власти. Царь и народ, царь и «мир» – общее «мы» [Лурье 1994]. В связи с процессами урбанизации город становится центром власти, «стягивающим социальное пространство. <...> Пространство цивилизации поляризуется, *город* и *деревня* как преобладающие типы поселений становятся не просто различными социальными локусами, но, в определенном смысле, альтернативными субкультурами. Они выступают первичными и универсальными кругами социально-культурной локальности, исповедующими различные принципы социальной организации. Разделение *города* и *деревни* и превращение их в самостоятельные субъекты социо-культурного диалога обозначает начало общественного развития, служит предпосылкой к выходу в историческое время, разрушению первичной локальности, знаменует выход цивилизации в пространство развития. Инициатива *города* в этом процессе становится определяющей. <...> На него направлены материальные и социальные ресурсы региона, от него исходят каналы цивилизационного влияния на сельскохозяйственную округу. Это позволяет говорить об особой властной природе города» [Домников 2002: 49, 207]. Соответственно это выявляет проявление дихотомии *свой/чужой*, когда представители такого общества видят себя членами «своего» коллектива,

противопоставляя ему «чужие» общества. Как отмечает О.В. Белова, «оппозиция *свой/чужой* в приложении к социуму осмысливается через разноуровневые связи человека: кровно-родственные и семейные (*свой/чужой род, семья*), этнические (*свой/чужой народ, нация*), языковые (*родной/чужой язык, диалект*), конфессиональные (*своя/чужая вера*), социальные (*свое/чужое сообщество, сословие*)» [Белова 2010].

- словосочетание, представляющее «свёрнутое» значение: *Олимпийская деревня* – специальный городок для участников Олимпийских игр.

Следует отметить, что в третьем издании словаря в связи с процессом общей деидеологизации в словарных статьях *город* и *деревня* произведены замены: словосочетания *город славных революционных традиций* на *город давних трудовых традиций*; словосочетание *советская деревня* было заменено на *русская деревня*. Некоторые изменения претерпел и иллюстративный материал, например, в словарной статье *деревня*. В издании 1983г. *За последние годы неузнаваемо изменился облик советской деревни, значительно вырос материальный и культурный уровень жизни колхозников*; в издании 2001г. *В произведениях Фёдора Абрамова живо и глубоко изображается жизнь северной русской деревни*.

В «Комплексном словаре русского языка» под общей редакцией А.Н. Тихонова, который дает всестороннюю комплексную характеристику слова и фактически включает 15 аспектных словарей одновременно – орфографический, орфоэпический, словообразовательный, сочетаемостный, тематический, фразеологический и др., зафиксировано словосочетание *вся деревня*: *вся деревня – жители сельской местности (Вся деревня ходила послушать про оленей (В.М. Песков))*. Показательно, что, исследуя историю появления слова *весь*, Б.В. Казанский обращает внимание на его общеиндоевропейское значение *большая семья*. В индоиранском оно получило близкое значение *род*, в других языках перешло к значению *селение* (с принадлежащими землями). Не было общего слова, которое бы означало род, племя, народ, государство, а также не было слова, которое значило бы нечто большее, чем поселение «большой семьи». Интересно,

что слово *весь* в значении *совокупность всех членов большой семьи* означало *целый* и стало прилагательным. Подобные изменения претерпело и латинское слово (совсем другое), значившее тоже *весь, целый*. Наше *мир* тоже значит и *вся деревня, все вместе и вселенная* [Казанский 2010: 251].

Показательно, что в словаре сочетаемости в качестве опорного слова не оказалось прилагательного *деревенский*, при наличии слов *городской* и *сельский*. Сочетаемостный потенциал лексемы *городской* реализуется прежде всего с именами существительными, указывающими на *городскую инфраструктуру* (район, квартал, планировка, архитектура, транспорт, автобус), а сочетаемость лексемы *сельский* – на *характер занятости населения* (механизаторы, интеллигенция, врач, учитель, больница, библиотека и др.). Для более объективного описания лингвокультурологического потенциала лексем и стоящих за ними концептов, целесообразно рассмотреть развитие дополнительных коннотативных признаков у отыменных прилагательных *городской – деревенский/сельский*, проявившихся в особенностях их сочетаемости. По мнению лингвистов, имена прилагательные занимают особое место среди других частей речи и входят в основное «когнитивное» звено словарного состава языка, обслуживают познавательно-классифицирующую и качественно-оценочную сферы человеческой деятельности» [Макарова 2011: 185]. Кроме того, сочетаемостные характеристики отыменных прилагательных позволяют выявить «нетривиальные таксономические характеристики имен» [Рахилина 2008: 95]. Специальное исследование сочетаемости отыменных прилагательных *городской – деревенский/сельский* провела Е.В. Рахилина [см. Рахилина 2008], применяя возможности когнитивного подхода к описанию семантики и сочетаемости предметных имен. Анализируя особенности сочетаемости данных отыменных прилагательных, автор приходит к выводу, что в противопоставлении *городской – деревенский/сельский* прилагательное *деревенский* выбирается как характеристика уклада, противоположного городскому, то есть близкого к природе (*деревенский/ (но не сельский) воздух, молоко, собаки, воробьи...*), а значит, патриархального (*деревенская / (но не сельская) изба, баня, детство, плетень, сало и под.*).

Особенно интересно сочетание *деревенская церковь*, которое описывает качественные характеристики объекта – это, скорее всего, церковь небольшая, небогатая, но уютная (заметим, что по старым правилам церковь – принадлежность не деревни, а села). Таким образом, *деревенский* – это максимально удаленный от городского по своим качественным характеристикам, и здесь возникает поле деятельности для оценочного компонента. Так, «патриархальный» может осмысляться далее как «устарелый», в частности, недостаточно модный (об одежде) или недостаточно образованный (о человеке). Ср.: *деревенское (но не сельское) платье, деревенский (но не сельский) родственник*. Прилагательное *сельский*, с другой стороны, лишено пейоративного компонента и в большей степени – яркости качественных характеристик, присущих прилагательному *деревенский*, поэтому оно используется как «нейтральное», в частности, при обозначении престижных профессий, учреждений и подобное, чисто географически не относящихся к городской сфере: ср.: *сельский (но не деревенский) учитель, врач, руководитель, специалист, покупатель, потребитель, гражданин; совет, милиция, суд, клуб, библиотека и под.*; ср. также: *деревенский (сельский) пастух, сторож, деревенский/сельский священник, деревенский/сельский участковый* [Рахилина 2008: 91-92].

Обобщая данные сочетаемостного потенциала лексем *город* и *деревня*, можно сделать следующие выводы:

1. Лексемы *город* и *деревня* обладают общим сочетаемостным потенциалом, выраженным в словосочетаниях с существительными, прилагательными, глаголами и предлогами.
2. Семантика словосочетаний с лексемой *город* указывает на актуальность общих, ядерных компонентов оппозиции (*социальный*: промышленный, портовый; *параметрический*: огромный, крупный).
3. Содержание данных сочетаемостных моделей позволяет выявить общие концептуальные признаки города и деревни: *размер данных населенных пунктов, этническую маркированность, «возраст», социально-*

экономические преобразования и динамику развития населенного пункта, а также сочетания с именами собственными. Обе лексемы сочетаются с прилагательным *родной* в значении «родная земля» – *малая родина*. Однако данным концептам свойственно раздвоение в их связи с родной землей: *деревня* выступает в сознании русского человека носителем связи с землей, *город* же наоборот – носитель идеи выхода из-под власти земли. С этим тесно связано проявление дихотомии *мужской/женский*, включающей восприятие деревни как женского начала, а города как мужского.

4. Обе лексемы сочетаются с *весь, вся* (весь город и вся деревня).
5. Особенности сочетаемости лексемы *город* выражаются в сочетании с прилагательными, характеризующими *экологию, тип занятости*; с глаголами, свидетельствующими о *мобильности городского населения*; в конструкциях, свидетельствующих о *политических и идеологических функциях города*; с существительными, характеризующими *культурные функции города*, а также с существительными и глаголами, указывающими на *стратегические функции города*.
6. Особенности сочетаемости лексемы *деревня* проявляются в сочетании с притяжательными местоимениями *моя, наша*. Такая сочетаемость актуализирует принадлежность к оппозиции *свой/чужой*. Пространство *своего и чужого* в том числе поляризуется через оппозицию *город/деревня*.
7. В прилагательном *деревенский* в большей степени актуализируется оценочный компонент, который обусловлен максимальной удаленностью от городского по своим качественным характеристикам.

Таким образом, именно сочетаемостный потенциал слова, позволяющий реконструировать незафиксированные в других типах словарей зоны концепта, дает возможность включить в содержание обоих членов оппозиции компонент *любви к месту своего проживания и рождения*: город (родной, любимый, гордиться), деревня (родная, любить). Данные словаря сочетаемости подтверждают актуальность семантического ядра, обуславливающего

понятийную зону концепта, и значительно расширяют незафиксированные в толковых словарях зоны оппозиции, относящиеся к дополнительным содержательным слоям концепта, а также его образной составляющей.

2.2. Оппозиция *город/деревня* в словарях лингвокогнитивного направления

2.2.1. Динамические процессы в содержании оппозиции *город/деревня* (по данным словарей ассоциативных норм)

По общему мнению исследователей, наиболее эффективным методом изучения коллективного языкового сознания является ассоциативный эксперимент, который «позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений» [Горинова 2009: 52]. Впервые ассоциативный эксперимент был предложен в практической психологии американскими психологами Х.Г. Кентом и А.Дж. Розановым. Большой вклад в развитие и описание проблем ассоциирования внесли Н.И. Береснева, Н.С. Болотнова, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, Н.В. Крушевский, А.А. Леонтьев, Ф. де Соссюр, Д. Юм и др.

В современной психолингвистике ассоциативный эксперимент является «наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики, вскрывающего объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов, языковые стереотипы – все то, что помогает впоследствии обобщить «специфические черты менталитета» [Архипова 2011: 6]. В лингвокультурологии и когнитивной лингвистике метод ассоциативного эксперимента «служит практическим подтверждением «послойного» строения концепта и может являться достаточно эффективным методом исследования структуры различных концептов» [Попова, Стернин 2001: 117]. Ассоциативный эксперимент выполняет еще одну важную функцию – «помогает зафиксировать отражение конкретного исторического момента, фрагмента действительности в массовом сознании» [Дженкова 2008: 93], тем самым представляя собой

«зеркало» ментально-эмоционального состояния языка среднего носителя в определенный исторический момент его жизни, а значит, жизни общества» [Караулов 2002: 4]. В настоящее время, как считает Ю.Н. Караулов, можно даже говорить о возникновении отдельного направления в психолингвистике – *ассоциативной лингвистике*, представленной ассоциативной лексикографией, ассоциативной лексикологией и ассоциативной грамматикой.

В «Большом психологическом словаре» Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко ассоциативный эксперимент определяется как *«особый метод исследования мотивации личности и как прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте»* [Большой психологический словарь 2006]. Однако следует отметить, что ассоциативный эксперимент подвергается критике рядом исследователей, так как до сих пор характер интерпретации и осуществление ассоциативного эксперимента нельзя назвать совершенными [Пищальникова 2007: 113].

Выделяют три вида ассоциативных экспериментов:

- свободный – испытуемому предлагаются слова-стимулы, на которые он должен отреагировать любой словесной реакцией, не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слов;

- направленный – выбор испытуемых ограничивается;

- цепной – испытуемый отвечает любым количеством слов, которые пришли ему в голову при предъявлении слова, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слов.

Каждый из представленных ассоциативных экспериментов имеет свои достоинства и недостатки. Наиболее простым и широко используемым является свободный ассоциативный эксперимент. Обработка результатов свободного ассоциативного эксперимента позволяет интерпретировать полученные ассоциаты как отражение тех или иных концептуальных признаков исследуемого концепта. Основные типы реакций – это парадигматические и синтагматические реакции. Парадигматические ассоциации отражают языковые отношения, а синтагматические – предметные [Белянин 2004: 131].

На достоверность ассоциативных данных свободного ассоциативного эксперимента оказывают влияние следующие факторы:

1. Форма проведения эксперимента (устная, устно-письменная или письменная) и способ предъявления стимульного материала.
2. Поведение экспериментатора, его индивидуальные особенности, текст, «подача» экспериментальной установки и проч.
3. Место, погодные или другие условия проведения ассоциативного эксперимента.
4. Психофизиологические и социальные характеристики информантов.
5. Дальнейшая формализация и интерпретация [Горошко 2005: 55].

На основе свободных ассоциативных экспериментов создаются словари ассоциативных норм. Под ассоциативным словарем «понимается некоторая совокупность ассоциативных норм, полученная путем проведения ассоциативных экспериментов по определенному списку стимульных слов» [Горошко 2001: 158]. По мнению А.А. Леонтьева, ассоциативные словари, во-первых, дают результаты не избирательного, а массового эксперимента, что позволяет их использовать как источник уникальной лингвистической и паралингвистической информации. Во-вторых, ассоциативные нормы благодаря своей статистической «благонадежности» легко поддаются математической обработке, являясь уникальным материалом для выдвижения и проверки статистических гипотез. В-третьих, важно, что ассоциативные нормы дают в очень удобной форме специфический для данного языка и культуры «ассоциативный профиль» лексических единиц и помогают «выявить» ассоциативные значения слова [Словарь ассоциативных норм русского языка 1977: 10].

Как известно, любое слово в сознании человека существует не изолированно, а в совокупности связей с другими словами, которые фиксируются в психолингвистических экспериментах и ассоциативных словарях. Ассоциативные словари «моделируют вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя языка» [Русский ассоциативный словарь 2002: 5], они являются

источниками информации об особенностях отражения в сознании носителей языка важнейших культурных представлений, а также об их динамике, так как «особенности социальной жизни информантов оказывают влияние на их языковое сознание» [Тубалова 2011: 96]. В исследованиях отмечается, что опора на систему ассоциативных экспериментов, позволяет «прочесть» в коннотативной части значения слова даже неосознанные, не поддающиеся вербализации, но входящие во «внутренний контекст» слова, создающие его образность и отражающие устоявшиеся в соответствующей культуре знания и отношения, опосредованные ее ценностными основами» [Васильева 2001б: 157]. Ввиду того, что ассоциативные представления детерминируются особенностями конкретной эпохи, особую актуальность приобретает сопоставление данных хронологически отмеченных ассоциативных экспериментов.

Первым отечественным словарем ассоциативных норм является «Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева (далее САНРЯ). В словарь вошли ассоциативно-вербальные поля на 200 стимулов, отобранных по частотному принципу. Проводимые эксперименты по выявлению ассоциаций носили как индивидуальный, так и массовый характер. Этот словарь составлялся и обрабатывался в течение 1969-1972гг., которые принято считать временем расцвета советского строя в стране и соответствующего мировоззрения. Основным ассоциативным словарем русского языка стал «Русский ассоциативный словарь русского языка» под ред. Ю.Н. Караулова (далее РАС), который был сформирован на основе материалов, полученных в ходе массового эксперимента, проведенного в период с 1986г. по 1996г. Это время характеризуется перестроечными процессами в стране и угасанием социалистического строя. Еще одним видом ассоциативных словарей является «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I-XI классов» В.А. Гольдина, А.П. Сдобновой, А.О. Мартьянова (далее РАСШ). Словарь содержит результаты свободных ассоциативных экспериментов, которые с 1998г. по 2008г. велись в 130 городских и сельских российских школах и в которых на анонимной основе приняли участие более 30 тысяч учащихся I-XI классов. Эксперименты

проводились в Саратове, в районных центрах и сельских населенных пунктах Саратовской области, однако, по мнению составителей, словарь не имеет регионального характера: сопоставление результатов экспериментов, отраженных в словаре, с ассоциативными данными по Москве, Перми, Омску, Кургану показывают, что ассоциации русскоязычных школьников различных регионов России в основном совпадают. Поскольку эти ассоциативные словари содержат реакции на стимулы *город* и *деревня*, представляется возможным проследить динамику в соответствующих ассоциативно-вербальных полях, отражающих сознание носителей русского языка в различные исторические эпохи.

В САНРЯ, в РАС и в РАСШ на стимулы *город* и *деревня* зафиксированы чрезвычайно длинные ассоциативные ряды (САНРЯ *город* – 237 реакций, *деревня* – 708; РАС *город* – 545, *деревня* – 639; РАСШ *город* – 142, *деревня* – 227). Показательно, что в словарях на слово-стимул *деревня* зафиксировано большее количество реакций, чем на стимул *город*.

Ассоциативно-вербальные поля *город* и *деревня*, включенные в САНРЯ, содержат общие векторы ассоциирования, к которым относятся: *позитивная оценка*, во многом обусловленная привязанностью, любовью к родным местам (*город* – красивый, родной, прекрасный, светлый; *деревня* – родная, красивая, милая, любимая, мечта, прекрасная, райский уголок, люблю ее, прелестная, чудесная); *связь с будущим, с дальнейшими перспективами работы и учебы* (*город* – учеба, вузы, необжитый, строится; *деревня* – будущее место работы, в будущем, будущее, работа, богатый край, строится); *связь с событиями Великой Отечественной войны* (*город* – герой, голод, разруха; *деревня* – Хатынь).

В ассоциативном поле сохраняются *параметрический признак* (размер) и *социальный признак* (*город* – промышленный; *деревня* – колхоз, крестьяне, колхозник, совхоз, картошка, корова);

Специфичными для стимула *деревня* оказались следующие направления ассоциирования: *деревня* характеризуется *удаленностью от центра, от цивилизации* (глухая, забытая, глушь, далекая, на отшибе, на окраине), *связью с Россией, с русским* (русская, Родина); *с природой* (природа, луг, в лесу, лесная, у

реки, зелень); *с семьей и родными* (бабушка, дедушка, матушка, бабушкина, дедушке, где я росла); *с явлениями советской эпохи* (советская, колхозник, совхоз, целина); *с деревенским бытом* (гумно, колонка, клуб, маленький домик под соломой).

Показательно, что при использовании количественного показателя для определения ядра ассоциативного поля самыми частотными реакциями (город, село), указывающими на *связь деревни с другими населенными пунктами*, следуют реакции, связанные с *удаленностью от центра и цивилизации*, с *родственным отношением, любовью к деревне* (моя, родная), а также реакции, обусловленные *связью с природой и семьей*. Ввиду этого можно предположить, что ядро ассоциативного поля дополняют направления ассоциирования, корреспондирующие с периферийными зонами семантической оппозиции, зафиксированной в толковых словарях.

Данные РАС также содержат общие векторы ассоциирования стимулов *город* и *деревня* по *параметрическому признаку* (*город* – большой; *деревня* – маленькая); по *социальному признаку* (*город* – индустриальный; *деревня* – колхоз, поле, крестьяне, крестьянин). Примечательно, что в РАС появляются реакции (*пустая, без крестьян*), свидетельствующие об ослаблении связи деревни с сельскохозяйственным трудом.

В ассоциативно-вербальных полях *город* и *деревня* в РАС зафиксированы различные направления ассоциирования, возникшие в языковом сознании носителей русского языка. Так, *город* воспринимается как *шумное, динамичное пространство, пространство суеты* (муравейник, шумный, толпа, суматоха), а *деревня*, напротив, как *тихое, спокойное, глухое место* (глубинка, глухомань, глушь, глухость, глухая, тихий уголок, тишина). С этой характеристикой корреспондирует *признак многолюдности/немноголюдности* (*город* – миллионный, огромный; *деревня* – три дома, маленькое селение, низкие дома). В обоих ассоциативно-вербальных полях зафиксированы *реакции, связанные с разницей в состоянии окружающей среды* (*город* – в пыли, бардак, помойка, грязь, пыль от машин; *деревня* – свежий воздух, запах трав, хороший чистый воздух); *с*

прецедентными текстами (*город* – над Невой, Мастеров; *деревня* – где скучал Евгений, «Кому на Руси жить хорошо»). В отличие от САНРЯ, рассматриваемые ассоциативно-вербальные поля содержат группы оппозиционных ассоциатов: на стимул *деревня* с общим значением «*покидать*» (уехать, уезжать); на стимул *город* с общим значением «*прибывать*» (приезжать, приехать).

Характерными именно для стимула *деревня* являются следующие векторы ассоциирования: *связь с Россией и русским* (русская, Россия); *связь с природой* (природа, лес, запах трав, река и мн. др.), *с удаленностью от центра* (глубинка, глушь, в глуши, глухомань, захолустье); *связь с семьей* (матушка, бабушка, бабушкина, дедушка); *связь с деревенским бытом* (печка, сарай, сено), а также *с ощущением свободы, ничем не стесненным пространством* (без конца, простор, раздолье), зафиксированными и в САНРЯ. Однако показательными являются те векторы ассоциирования, которые не были зафиксированы или слабо выражены в САНРЯ. К ним относятся: *мотив разрухи и исчезновения деревни* (разорена, разорилась, в запустении, нищая, вымерла, умерла, неперспективная, вымирающая, заброшенная); *грязь* (грязь, грязища, дискотека у коровника), а также *общее увеличение количества негативно окрашенных реакций*.

Также как и в САНРЯ, в РАС наиболее частотные реакции на стимул *деревня* связаны с *удаленностью от центра и цивилизации, с любовью к деревне*, а также реакции, обусловленные *связью с природой и семьей*. В материалах словаря прослеживается ослабление представлений о занятости населения в сфере сельскохозяйственного труда (в отличие от ядра семантической оппозиции) и перемещение в центральную зону оппозиции вектора, мотивированного уничтожением и исчезновением деревни.

В самом современном из рассматриваемых ассоциативных словарей РАСШ также выделяется общий *параметрический признак* (*город* – большой; *деревня* – малая); *социальный признак* выделяется у стимула *город* (*город* – промышленный), *деревня* связана в сознании современных школьников не с крестьянским трудом, а с *дачей, летним отдыхом, садовым участком* (*деревня* – дача, лето). В РАСШ *город* ассоциируется: со структурами, характеризующими *социальное*

пространство (достопримечательность, кафе, пробки, метрополитен); *с плохой экологией* (грязный, грязь, грязно, помойка).

На стимул *деревня* самыми многочисленными оказались реакции, *связанные со старшим поколением* (бабушка, дед, бабуля, бабушкина, бабушке, моей бабушки, к бабушке, бабушки, у бабушки); негативно окрашенные реакции, *связанные с пьянством* населения деревни (алкаши, водка, пьянка); реакции, *отражающие жизненный уклад деревни* (молоко, баня, колодец, сено, стог); отдельные реакции, *связанные с типом застройки* (дом, дома, изба, избы, деревянный дом, домик деревянный, домики, хата). В РАСШ не зафиксированы ассоциации, *связанные с Россией и русским*, слабо выраженными (в отличие от САНРЯ и РАС) оказались реакции, обусловленные *любовью к деревне* (см. таблицы № 3, 4).

Таблица № 3

Основные направления ассоциирования на стимул *город*

	САНРЯ			РАС			РАСШ		
	Частотные	Единичные	Отсутствуют	Частотные	Единичные	Отсутствуют	Частотные	Единичные	Отсутствуют
Размер	+			+			+		
Характер труда		+			+			+	
Огороженность, защищенность			+			+			+
Рост, развитие		+		+					+
Шумное пространство		+		+				+	
Плохая экология		+		+			+		
Перспективы работы и учебы		+		+					+
Связь с ВОвойной	+			+					+
Любовь к родным местам	+			+				+	

Основные направления ассоциирования на стимул *деревня*

	САНРЯ			РАС			РАСШ		
	Частотные	Единичные	Отсутствуют	Частотные	Единичные	Отсутствуют	Частотные	Единичные	Отсутствуют
Размер	+			+				+	
Характер труда	+			+				+	
Удаленность от центра	+			+			+		
Связь с природой	+			+			+		
Связь с Россией	+			+					+
Разруха		+		+				+	
Любовь к родным местам	+			+				+	
Отсталость		+		+				+	
Рост, развитие	+					+			+
Перспективы	+				+				+
Связь с семьей	+			+			+		
Деревенский быт	+			+				+	
Связь с ВО войной	+					+			+
Тип застройки		+			+			+	
Советская эпоха	+			+					+

Таким образом, во всех словарях устойчиво поддерживается параметрический признак ядерной зоны оппозиции, однако в РАС и в РАСШ ослабляется зона, связанная с социальными функциями деревни (сельскохозяйственный труд), актуальная для САНРЯ. В РАСШ особенно заметно редуцирование социального признака оппозиции, обусловленного утратой в сознании современных школьников связи деревни с сельскохозяйственным трудом и превращением ее в зону дачного, летнего отдыха городского населения. Тем самым утрачивается актуальность социального признака соответствующего

концепта, выделенного в качестве ядерного практически во всех толковых словарях русского языка.

Показательно, что изменения коснулись и неядерных семантических признаков денотативного и коннотативного характера. Так, во всех ассоциативных словарях отсутствует историко-этимологический признак (город – *огороженное пространство*), а также утрачивается актуальный для толковых словарей оценочный признак, связанный с патриархальностью, отсталостью жителей деревни. Однако природно-экологический семантический признак (связь деревни с природой), зафиксированный лишь в одном из толковых словарей, транслируется частотными реакциями во всех ассоциативных словарях.

Заметными являются изменения, касающиеся не зафиксированных в толковых словарях зон соответствующих концептов. Наиболее устойчивыми и частотными для всех ассоциативных словарей являются векторы ассоциирования деревни, обусловленные ее *удаленностью от центра, связью с семьей* (особенно поколением бабушек и дедушек) и *разрухой*. Частотными для САНРЯ и РАС и ослабленными или исчезнувшими в РАСШ являются ассоциации, обусловленные *любовью к деревне, связью ее с Россией, с дальнейшими перспективами, с Великой Отечественной войной и советским периодом*. Особенно ярким является появление в РАСШ нового вектора ассоциирования, не зафиксированного другими словарями, связанного с *пьянством деревенского населения*.

Представления о городе выражаются в устойчивых, частотных реакциях, связанных с *плохой экологией* и «*шумностью*» *городского пространства* (причем плохая экология является наиболее частотной в представлениях современных школьников). Хронологически ослабляется, либо утрачивается ассоциативная связь города с *Великой Отечественной войной* и *любовью к родным местам*.

Таким образом, при сохранении ядерной зоны оппозиции, следует отметить ослабление ее социального признака, а также исчезновение историко-этимологического и оценочного (связанного с патриархальностью, отсталостью жителей деревни) признаков. В ядро ассоциативно-вербального поля оппозиции перемещаются признаки, связанные с *удаленностью деревни от центра, с семьей,*

а также *природно-экологический признак*. Оценочные зоны соответствующих концептов расширились за счет увеличения негативно окрашенных реакций, обусловленных не только плохой экологией города, но и ослаблением мотива любви к родным местам, усилением мотива разрухи и пьянства в деревне.

2.2.2. Концепты *город* и *деревня* как объект когнитивной лексикографии

На предыдущих этапах исследования было осуществлено лексикографическое описание лексем *город* и *деревня* по данным различных, в том числе системных словарей, в результате чего выявлялись лингвокультурологические характеристики слова, выводящие его на уровень концепта. Однако, как известно, в российской лексикографии существует тип словарей, в которых предметом описания является не слово, а концепт. Именно данные таких словарей позволяют заполнить те лакуны в описании лингвокультурологического потенциала слова, которые могут возникнуть в словарях некогнитивного характера.

Одним из таких словарей, относящихся к жанру когнитивной лексикографии, является «Словарь русской ментальности» В.В. Колесова, Д.В. Колесовой, А.А. Харитоновой (СРМ). По словам составителей, СРМ представляет собой опыт исторического словаря, в котором была реализована попытка зафиксировать состоявшиеся в общественном сознании «ментальные линии смысла». В СРМ зафиксированы ментальные отличия и сходства культур через аналитическое описание русских концептов в их содержательных формах (образ – понятие – символ), отражающих происхождение и развитие народного мировосприятия, этики и культуры; определены культурные влияния и их последствия.

По мнению авторов словаря, концепты *город* и *деревня* представлены так, как они реально существуют в русском менталитете.

Концепт *город/град* вводится в словаре следующим образом: *имеющее четкие границы местожительство людей, отделившихся от окружающего мира.*

Содержательно это различные формы общего происхождения, разграничивающие признаки поселения – пространственные (нейтрального стиля *город*, в котором живут горожане: город на Неве) и общественно важные (высокого стиля *град*, население которого составляют граждане: Божий град, Петроград).

Важной задачей словаря является историческое обоснование первообраза концепта. В связи с этим авторы словаря отмечают, что формы концепта с эпохи раннего Средневековья различают простой участок городского типа, от воров огороженный естественным или искусственным огородом, и неприступную крепость (детинец, кромы, кремль), от врагов огражденную оградой (перси, оплот). В новое время такое противопоставление было отчасти снято попыткой в качестве объединяющего оба эти значения родового слова ввести немецкий эквивалент -бург (Петербург, Оренбург, Екатеринбург), что разрушило четкое распределение славянских корней по смыслу, сводя их к ясно осознаваемому мещанскому представлению о месте (место «город») пребывания городского населения. Все это дает возможность нейтрализовать присущую русской ментальности дифференциацию между телесной и духовной формами пребывания в мире (городе) и на миру (в граде), между физической привязкой к месту (городская прописка) и духовной свободой (гражданское право), что сводит всю проблему двойственности «мира» к заимствованным категориям горожанина -бюргера, то есть мещанина, исключая проблему гражданина.

В соответствии с установкой авторов словаря на воссоздание исторического образа концепта, в словаре приводится его этимология: от общеславянского *gordъ* «ограда» (одного корня с *жerdъ*); древнерусское «крепость» (988), «ограда» (1224), «город» (1565). Установка авторов словаря на историческое обоснование первообраза концепта обуславливает включение в содержание словарной статьи объемного фрагмента, развивающего историко-этимологический первообраз концепта *город*: «Город – это место, где преобладает символическая деятельность: мифология, религия, идеология, искусство, кино, реклама, виртуальная реальность... Город противостоит открытому месту, т.е. безграничному и неструктурированному, нечеловеческому пространству – символу хаоса и смерти.

Город – это отгороженность и укрытие, защищенность и безопасность человека во враждебном мире. Город нужен человеку, чтобы преодолеть ужас перед пустым пространством, перед хаосом, перед пустотой, небытием, ничто... Город – это форма, ограда, крепость, помогающая выстоять перед Пустыней, Степью, Лесом. Город возникает на границе, охраняет границы и навсегда остается метафизической границей... Город – способ проведения границы, отделяющей космос от хаоса, культуры от варварства, своего и чужого, жизни и смерти, бытия и небытия...» (С.П. Гурин).

Содержательный смысл концепта раскрывается эпитетами: *весь, вечный, вольный, душный, земляной, областной, портовый, промышленный, старый, торговый, город-герой*.

Современное употребление концепта *город*, по мнению авторов словаря, реализуется в следующих значениях: «*о центральной части крупного населенного пункта в отличие от окраин*», «*о городской местности*», а также «*о жителях города*».

Значительную часть описания концепта в словаре составляют контексты различного жанра, отобранные из произведений русской и зарубежной литературы различных периодов. Многочисленность приведенных цитат дает возможность составить представление о смысловом диапазоне и динамике содержательных признаков концепта. Используя формулировки содержательных признаков концепта, примененные при анализе словарей некогнитивного характера, можно условно выделить следующие смысловые направления:

- *город – населенный пункт*: Здесь будет город заложен Назло надменному соседу (А.С. Пушкин);
- *город – население города*: Город спал, только в некоторых окнах мелькали огни (М.Ю. Лермонтов); Весь город, т.е. всё губернское общество, не только мирилось с системой чиновничьих доходов, но даже покровительствовало (И.А. Гончаров);
- *город – грязь*: Приедешь иной раз в город – ну такая, братец, там мерзость и вонь, что даже душу воротит! Кляузы да сплетни, да франтовство какое-то тупоумное! (М.Е. Салтыков-Щедрин);

- *город – отсутствие связи с природой*: Человек не понимает, что созданные им города не есть естественная часть природы... Мировой город отличается тем, что у него есть душа (В.С. Гроссман).

Уникальным материалом являются цитируемые в словаре высказывания зарубежных авторов об особенностях русского города: Все то, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено иным способом, они называют городом (С. Герберштейн); Город – это дух. Большой город – это «свободный дух». Город есть мир, мир в подлинном смысле слова. Он имеет значение русского обиталища как целое... Никаких русских городов никогда и не бывало. Москва была крепостью – Кремлем, *вокруг которого расстился гигантский рынок* (О. Шпенглер); Город – частый символ прогресса, разрушающего культуру, в отличие от деревни, которая сохраняет национальную культуру... писатели-деревенщики призывали к сохранению русских ценностей в деревне, что встречало сопротивление в среде советских идеологов (The Russian Mentality Dictionary).

В данных контекстах в качестве специфических признаков русского концепта *город* актуализируется его историко-этимологическое содержание (огороженность), отсутствие в русском городе свободного духа (русский город – крепость). Культурная маркированность оппозиции *город/деревня*, по мнению авторов СРМ, состоит в противопоставлении прогресса города, разрушающего культуру, и деревни, сохраняющей культуру. К специфическим явлениям русской культуры принадлежат и писатели-деревенщики, вставшие на защиту ценностей национальной культуры.

Вполне закономерно, что многие характеристики концепта уже выделялись в системных и ассоциативных словарях, например, *огороженность, защищенность города, отсутствие в городе связи с природой и др.* Принципиально новым для лексикографической традиции является выделение инокультурного влияния на содержание концепта *город/град*, приведшего к его двойственности (*град* → *духовная свобода* → *гражданское право* → *гражданин* и *город* → *место пребывания городского населения* → *мещанство*). Особенно важным для определения лингвокультурологического потенциала концептов

является зафиксированный в словаре «взгляд» представителей других культур на «русские концепты» *город* и *деревня*, а также выделение их специфического содержания.

Концепт *деревня* вводится в словаре следующим образом: *освоенный для жилья и работы участок земли, расчисть в лесу (дёрвь дерут), и устроенное там поселение сельского типа.*

Установочное определение концепта расширяется за счет комментирующего текста: *Деревня – уже податная единица (двор стоит), но еще без церкви и без других признаков культурного центра (тогда это село), еще почти без соседей, которых требуется сыскать («не купи деревни, купи хорошего соседа»), и без родичей, живущих рядом (тогда это весь).* Показательно, что авторы словаря помимо деревни и села включают в данный ряд понятие *весь* (*вёска*), которое маркируется как устаревшее (ср.: МАС *Весь – устар. деревня, село*). Соотнесение между *весью* (*вёска*), *селом* и *деревней* в разных местах сложилось по-разному. Кроме того, авторы словаря выделяют региональный компонент и обращают внимание на разницу между ними (*село* на юге, *деревня* на севере), однако исконное различие между ними отражает разницу в природной, хозяйственной и культурно-общественной функциях сельского населения. Также в словаре приводятся наименования жителей деревни: грубый неотесанный мужлан, еще не потревоженный знанием культа и культуры – *деревня*, неуч и невежда – *деревеничина* (ср. лат. *raganus*).

Историко-этимологическое содержание данного концепта вводится следующим образом: древнерусское от *дървь* «расчищенное от деревьев место» из *дърати*.

Исходя из концепции авторов словаря, историческое движение в содержании концепта помогают уточнить следующие эпитеты: *вся, новая, своя, старая*. Современное употребление слова реализуется в словосочетаниях: «пахотная земля», «сельская община», «куча срубленных деревьев», «деревянный дом (в отличие от каменного)».

Многочисленность приведенных контекстов различного жанра дает возможность составить представление о смысловом диапазоне и динамике содержательных признаков концепта. Используя формулировки концептуальных признаков, примененные при анализе словарей иного жанра, можно условно выделить следующие смысловые направления:

- *деревня – народное начало*: У нас, русских, хотя народное и не покрывается деревенским, однако эти два термина и эти две области необыкновенно близки между собою. К деревне и к крестьянству любовь русская так дружна, что тут нет партий ни в литературе, ни в жизни (В.В. Розанов);
- *деревня – населенный пункт с деревянными постройками*: Скопление русских изб называется деревней, потому что строились они из лесин, из дерева (В.А. Чивилихин);
- *деревня – население деревни*: Враз вся деревня поднялась, Чтоб защитить своих овец (И.А. Крылов); И чуть не вся деревня сбежалась в избу к старухе: старики, дети, женщины, девушки, все, такую торопливою жадною толпою (Ф.М. Достоевский);
- *деревня – место, вызывающее очевидную любовь и привязанность*: Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки (А.С. Пушкин);
- *деревня – простота деревенских нравов*: Чаю хочешь? – Нет. Имей в виду: у нас пять раз не предлагают (Ф.А. Абрамов);
- *идеологическая антагоничность города и деревни*: Вовсе не буржуазия и пролетариат были главными антагонистами в драме истории в период капитализма, а город и деревня... «Идиотизм деревенской жизни» – изящная шутка Маркса (И.Р. Шафаревич);
- *деревня – национальные корни*: Я чувствую корни своей нации именно там – в деревне, в пашне, в хлебе самом насущном (С.П. Залыгин);
- *деревня – хранительница культуры*: Но что понимать под словом культура? Для меня уничтожение деревни, деревенской жизни является катастрофой русской культуры. Деревня несла в себе огромную культуру: взаимоотношений с людьми,

милосердия, правил поведения, вежливости. Деревня содержала блаженных, нищих, дураков. Деревня не запирала избы, там не было воровства и так далее. Там сохранялись фольклор, частушки, народное творчество. Все это закончилось. И потери эти большие (Д.А. Гранин);

- *деревня – вымирающий феномен (уничтожение деревни)*: Ведь стыдно, ведь пора же очнуться! Деревня, на которой веками стояла Россия, стала главной слабостью её (А.И. Солженицын); Почему сейчас тяжело в России? Потому что нет деревни. 17 тысяч деревень только с 90-го года уничтожены. Русский вопрос – вопрос особый. Его надо рассматривать в исторической плоскости. Ушла та база, которая создавала основу русского духа. Русский дух надо восстановить (Аргументы недели. Еженедельная газета-таблоид, 2009); Я всю свою сознательную жизнь прожил в деревне. Видел, что это за труд. Я видел, как погибает деревня. А коль деревня погибает – нет основы. Все вымывается. Это катастрофа для любого государства (Советская Россия. Газета, 2009);

- *связь с природой*: В деревне виднее природа и люди... Виднее над полем при звездном салюте, На чем поднималась великая Русь (Н. Рубцов); Я уезжаю в деревню, чтобы стать ближе к земле; Я открываю свойства растений и трав (Б. Гребенщиков).

В словаре фиксируются и высказывания зарубежных авторов об особенностях деревни: Город и деревня: первый – местопребывание гражданского промысла, поглощенной собой и обособленной рефлексии; вторая – местопребывание нравственности, связанной с природой (Г.В.Ф. Гегель); Деревня издали кажется деревней, но стоит подойти ближе – и мы видим дома, деревья, черепичные крыши, листья, травы, муравьев, муравьиные ножки, и так до бесконечности. И все это заключено в слове *деревня* (Б. Паскаль).

Таким образом, исходя из представленных авторами словаря контекстов создается следующая картина смысловых составляющих концепта: *деревня* – народное начало; населенный пункт с деревянными постройками; население деревни; очевидность любви к деревне; слабость деревни; простота деревенских нравов; идеологическая противоположность города и деревни; национальные

корни; хранительница культуры; уничтожение деревни (*деревня* – вымирающий феномен); связь с природой. Показательно, что чем современнее текст, цитируемый в словаре, тем чаще в нем встречаются указания на угасание деревни, а также представления о ней как о вымирающем феномене. Примечательно, что в другом лингвокультурологическом словаре «Русская деревня – XX век» И.В. Андреевой, Н.В. Баско отмечается тенденция ослабления общественного интереса к жизни и проблемам русской деревни, к исконной ценности национальной культуры – труду земледельца, хлебопашца.

Примечательно, что к содержательным признакам концепта: *население деревни, уничтожение деревни, связь с природой* в СРМ приведено большее количество цитат, чем к другим его составляющим, что, по мнению авторов словаря, указывает на относительную активность употребления данных значений в современной речи [Словарь русской ментальности 2014: 11]. Можно сказать, что здесь данные когнитивного словаря принципиально совпадают с данными ассоциативных словарей.

Таким образом, материалы СРМ в значительной степени транслируют данные системных и ассоциативных словарей: *город – огороженное место; деревня – народное начало, простота нравов, хранительница культуры, национальные корни, место вызывающее очевидную любовь и привязанность*. Однако, как отмечалось выше, в последних ассоциативных словарях некоторые из них редуцировались или вовсе не были зафиксированы.

2.3. Метафорический потенциал лексем *город* и *деревня* (по данным лексикографических источников)

Поскольку, как известно, метафора является необходимым условием жизни языка как инструмента, способного выражать неограниченные смыслы, «она играет важную роль в построении языковой картины мира и в членении действительности» [Скляревская 2004: 108] и соответственно открывает доступ к концептуальной картине мира. Ввиду этого изучение метафорических переносов

позволяет понять, каким образом языковая личность представляет себе окружающий мир и свое место в нем. Все явления реального мира, охватывающие как материальные, так и идеальные сущности, вовлечены в процесс метафоризации, при этом, как отмечают исследователи, метафорический перенос совершается в определенных направлениях и в достаточно жесткой последовательности [Там же: 88]. Метафорический потенциал лексем *город* и *деревня* исследован по данным словарей различного типа: толковых словарей (БАС, МАС, словарь Ушакова, словарь Ожегова и Шведовой, словарь Кузнецова), а также специальных словарей: словарь М.И. Михельсона «Русская мысль и речь: Свое и чужое» (далее словарь Михельсона), «Словарь синонимов русского языка» З.Е. Александровой (далее словарь синонимов), «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович (далее словарь Павлович), «Словарь сравнений русского языка» В.М. Мокиенко (далее словарь сравнений Мокиенко), словарь языка Шукшина, словарь языка Пушкина. На основании данных толковых словарей (см. 1.3.3.) лексема *деревня* имеет три значения: 1. Крестьянское селение. 2. Сельская местность. 3 Сельские жители, сельское население. Однако в БАС, кроме этих трех значений, выделяется еще одно – *о простоватом, глупом человеке*. Это значение сопровождается пометой *переносное*. Данный метафорический перенос зафиксирован и в словарях иного рода. Например, соответственно данным словаря Михельсона, *деревня* – «неотесанный, грубый в обхождении человек, неуч». Ср.: *Эка парень деревня, иконы от лопаты не распознает! Вообще он был еще настоящий мужик, не понимая еще много, что так понятно солдату, и его недаром дразнили «деревней»* (В.Г. Короленко). *Иному мужику, конечно, всякая дрянь в диво; ему что – он деревня, неуч* (И.С. Тургенев). В словаре сравнений Мокиенко также выделен данный метафорический перенос: *Как деревня. Вести себя как деревня. Одеваться как деревня*. В словаре синонимов в синонимичный ряд *невежа* входит лексема *деревня, деревеница (прост.)*. Таким образом, в целом ряде различных словарей зафиксирован устойчивый метафорический перенос по типу «физический объект – человек».

Поскольку метафора характерна для художественных и поэтических текстов, она находит отражение в словаре Павлович. Автор словаря придерживается классификации типов метафорических переносов, выделенной на основе первичной и вспомогательной сущностей, предложенной Г.Н. Складневской: 1) предмет – предмет; 2) предмет – человек; 3) предмет – физическое явление; 4) предмет – психическое явление; 5) предмет – отвлеченное понятие (абстракция); 6) животное – человек; 7) человек – человек; 8) физическое явление – психическое явление. Этот словарь содержит обширную парадигму переосмыслений образа *деревни*, отраженных в поэтических текстах: *деревня – человек* (*деревня – саван, вытканый пургой, для солнца упокойник костяной* (Н. Клюев)); *деревня – животное* (*деревня – спящий в клетке зверь, во тьме дрожит, и снится кнут ей* (Н. Асеев)); *деревня – орган* (*деревня российская – облик России, лицо, опаленное майским огнем, и блудного сына тропинки косые – скитанья мои, как морщины на нем* (Б. Корнилов)); *деревня – стихия* (*деревня – смертная пурга, метелит друга и врага, вонзив в безвестное рога* (Н. Клюев)) и др.

Как уже отмечалось выше, метафорическое переосмысление «*деревня – невежа (деревеницина)*» представлено в словаре языка Шукшина *о деревенском человеке, сельском жителе* (см. 1.3.4.). Ср.: *Он был парень не промах, хоть и «дерёвня»* (Жена мужа в Париж провожала). Показательно, что хотя в словаре языка Пушкина зафиксированы различные значения лексемы *деревня*: *о жителях деревни*. Ср.: *Вся деревня бежит к нему навстречу; о дворянском имении, поместье с принадлежащим ему крестьянским селением; о сельской природе, сельской, негородской жизни*. Ср.: *Цветы, любовь, деревня, праздность, поля! Я предан вам душой*. (Евгений Онегин), метафорический перенос «*деревня – невежа (деревеницина)*» у А.С. Пушкина отсутствует (см. 1.3.4.).

Лексема *город* является многозначной, поскольку ключевые слова в массе своей многозначны, и именно полисемия с наибольшей полнотой и упорядоченностью отражает тот или иной фрагмент языковой картины мира, совокупность которых демонстрирует все связи между реалиями, структурируя тем самым знания о мире. Как уже было сказано выше (см. 1.3.3.), лексема *город*

по данным толковых словарей имеет три значения: 1. Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр. 2. Населенное место, огороженное и укрепленное стеной; крепость. 3. В различных подвижных играх (например, в лапте, в городках): место, лагерь каждой из партий, обычно обозначенный на земле чертами. В словаре Ожегова и Шведовой зафиксировано пять значений: 1. Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр. 2. Центральная главная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородов. 3. В старину на Руси: огражденное стеной, валом поселение, крепость. 4. Городская местность в отличие от сельской, деревенской. 5. В игре в городки: площадка, на которой ставятся фигуры из городков. Как видно по данным толковых словарей, в структуре значения лексемы *город* отсутствуют переносные значения. Однако лексема *город* подвергается метафорическим переосмыслениям в различных поэтических текстах. Так, в словаре Павлович зафиксированы следующие переносы: *город – существо* (Это вам любой подтверждает житель, дверь любая о том скрипит, день голосит базарный: город – возлюбленных похититель, дракон прожорливый, кентавр коварный (О. Николаева)); *город – человек* (В почтенной кичке, в шушуне, Москва премилая старушка (А. Пушкин)); *город – животное* (Город кротко собакой лижет наши новью прорастающие следы (И. Афанасьев-Соловьев); Был город осликом, четырехстенным домом, на двух колесах из камней он ехал в горизонте плотном, сухие трубы накрена (Н. Заболоцкий)); *город – орган* (А в дали уж щетинится город, пыльной пастью съедая вагон (Р. Мандельштам)); Как на Каме-реке глазу темно, когда на дубовых коленях стоят города (Р. Мандельштам)); *город – растение* (Весь город тою же тропиной шел, из белой зелени растение, желая быть травой стеклянной (В. Хлебников)); *город – еда* (И чернели икрой города (И. Бродский)) и др.

Таким образом, лексемы *город* и *деревня* обладают различным метафорическим потенциалом. Лексема *деревня* имеет устойчивое лексикографически зафиксированное переосмысление по типу «физический

объект – человек», а у лексемы *город* этот тип переосмысления не зафиксирован. Однако обе лексемы подвергаются авторским образным переосмыслениям.

Выводы

Лингвокультурологический потенциал оппозиции *город/деревня* выявлялся по данным системной лексикографии и словарям лингвокогнитивного направления. Поскольку антонимические отношения являются самым сильным типом парадигматических отношений в лексической системе, для конституирования исследуемой оппозиции в системе языка существенным является фиксация лексем *город – село, деревня* в словаре антонимов.

Лексемы *город* и *деревня* обладают различным словообразовательным потенциалом, что может быть интерпретировано с позиций «когнитивного словообразования» или когнитивного подхода к словообразовательному потенциалу лексики, позволяющего объяснить данную диспропорцию, прежде всего, многочисленностью и динамичностью социально-экономических функций города, репрезентированных в словообразовательных возможностях (например, политические функции: *горком, горсовет, город-герой*; хозяйственные: *горводоканал, горжилуправление, город-завод*; территориальные: *пригородный, пригород, загородный*). Показательно, что словообразовательные средства языка транслируют и исторически маркированный семантический компонент *город* – *огороженное, укрепленное место* (*загородить, изгородь, отгораживаться, город-крепость*). Таким образом, словообразовательные возможности транслируют ядерные признаки оппозиции (*город – административно-хозяйственный центр, город – обширная территория*), околядерные (*город – укрепленное, огороженное пространство*), периферийные (*оценочная номинация жителя деревни и др.*) и тем самым открывает доступ к различным слоям соответствующих концептов.

Согласно словарю сочетаемости, семантика словосочетаний с лексемой *город* указывает на актуальность общих, ядерных компонентов оппозиции

(*социальный*: промышленный, портовый; *параметрический*: огромный, крупный), а также дополняет их содержание за счет конкретных характеристик, обусловленных социально-экономическими функциями города (так, лексема *город* сочетается с существительными, характеризующими культурные функции города (парки, музеи, памятники); с существительными и глаголами, указывающими на стратегические функции города (осада, штурм); с прилагательными и глаголами, указывающими на преобразования и динамику развития города (растущий, реконструировать, благоустроить); с глаголами, свидетельствующими о мобильности городского населения (приехать, переселиться), с прилагательными, указывающими на плотность и численность населения (шумный, густонаселенный), в конструкциях, свидетельствующих о политических и идеологических функциях города (город славных революционных традиций, город-герой). Данные других словарей (например, «Толкового словаря языка Совпедии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной) фиксируют идеологическую маркированность ряда словосочетаний с лексемой *город*, таких, как *социалистический город, образцовый коммунистический город*.

Особенности синтагматического потенциала лексемы *деревня* проявляются в словосочетании *колхозная деревня*, отсылающего к занятости населения в период создания словаря; в типичности сочетаний с притяжательными местоимениями *моя, наша*, которые актуализируют одну из базовых бинарных оппозиций – *свой/чужой*; с прилагательным *русская*, указывающим на исторические корни России и др. Сочетаемость лексемы *деревня* характеризуется рядом знаков советской эпохи (*советская деревня, послать кого-л. на работу в деревню* и др.).

Именно сочетаемостный потенциал слова, позволяющий реконструировать не зафиксированные в других типах словарей зоны концепта, дает возможность включить в содержание обоих членов оппозиции компонент *любви к месту своего проживания и рождения*: город (родной, любимый, гордиться), деревня (родная, любить). Таким образом, данные словаря сочетаемости подтверждают актуальность семантического ядра, обуславливающего понятийную зону

концепта, и значительно расширяют не зафиксированные в толковых словарях зоны оппозиции, относящиеся к дополнительным содержательным слоям концепта, а также его образной составляющей.

Лингвокультурологический потенциал оппозиции *город/деревня* и динамические процессы в ее содержании выявлялись по данным словарей ассоциативных норм, относящихся к различным периодам. Во всех рассмотренных словарях устойчиво поддерживается параметрический признак ядерной зоны оппозиции, однако в РАС и в РАСШ ослабляется зона, связанная с социальными функциями деревни (сельскохозяйственный труд), актуальная для САНРЯ. В РАСШ особенно заметно редуцирование социального признака оппозиции, обусловленного утратой в сознании современных школьников связи деревни с сельскохозяйственным трудом и превращением ее в зону дачного, летнего отдыха городского населения. Тем самым утрачивается актуальность социального признака соответствующего концепта, выделенного в качестве ядерного практически во всех толковых словарях русского языка.

Показательно, что изменения коснулись и неядерных семантических признаков денотативного и коннотативного характера. Так, во всех ассоциативных словарях отсутствует историко-этимологический признак (*город – огороженное пространство*), а также утрачивается актуальный для толковых словарей оценочный признак, связанный с патриархальностью, отсталостью жителей деревни. Однако, природно-экологический семантический признак (связь деревни с природой), зафиксированный лишь в одном из толковых словарей, транслируется частотными реакциями во всех ассоциативных словарях.

Особенно заметными являются изменения не зафиксированных в толковых словарях зон соответствующих концептов. Наиболее устойчивыми и частотными для всех ассоциативных словарей являются векторы ассоциирования деревни, обусловленные ее *удаленностью от центра, связью с семьей* (особенно поколением бабушек и дедушек) и *разрухой*. Частотными для САНРЯ и РАС и ослабленными или исчезнувшими в РАСШ, являются ассоциации, обусловленные *любовью к деревне, связью ее с Россией, с дальнейшими перспективами, с*

Великой Отечественной войны и советским периодом. Особенно ярким является появление в РАСШ нового вектора ассоциирования, не зафиксированного другими словарями, связанного с пьянством деревенского населения.

Представления о городе выражаются в устойчивых, частотных реакциях, связанных с *плохой экологией* и «шумностью» *городского пространства* (причем плохая экология является наиболее частотной в представлениях современных школьников). Хронологически ослабляется, либо утрачивается ассоциативная связь города с *Великой Отечественной войной* и *любовью к родным местам*.

Таким образом, при сохранении ядерной зоны оппозиции, следует отметить ослабление ее социального признака, а также исчезновение историко-этимологического и оценочного (связанного с патриархальностью, отсталостью жителей деревни) признаков. В ядро ассоциативно-вербального поля оппозиции перемещаются признаки, связанные с *удаленностью деревни от центра, с семьей*, а также *природно-экологический признак*. Оценочные зоны соответствующих концептов расширились за счет увеличения негативно окрашенных реакций, обусловленных не только плохой экологией города, но и ослаблением мотива любви к родным местам, усилением мотива разрухи и пьянства в деревне.

Данные концептологического словаря (СРМ) в значительной степени транслируют данные системных и ассоциативных словарей и дополняют их следующими характеристиками: город – *свободный дух, символ прогресса*; деревня – *народное начало, простота нравов, хранительница культуры, национальные корни, место вызывающее очевидную любовь и привязанность*, при этом некоторые из них редуцировались или утратились в последних ассоциативных словарях.

Лексемы *город* и *деревня* обладают различным метафорическим потенциалом. Лексема *деревня* имеет устойчивое лексикографически зафиксированное переосмысление по типу «физический объект – человек», а у лексемы *город* этот тип переосмысления не зафиксирован. Однако обе лексемы подвергаются авторским образным переосмыслениям.

Заключение

В соответствии с поставленной целью была предпринята попытка выявить лингвокультурологический потенциал оппозиции *город/деревня* по комплексным данным русской лексикографии.

На современном этапе развития лингвистических исследований основополагающим стал принцип антропоцентризма, который привел к становлению и развитию интегративного подхода к слову в отечественной лексикографии. Данный подход позволяет на основе семантико-когнитивного анализа объединить принципы, содержащиеся в традиционном лингвистическом подходе с когнитивными методами исследования. Именно опора на совокупные комплексные данные лексикографии (в ее системно-структурном и антропоцентрическом вариантах) дает широкие возможности для интегративного анализа слова, поскольку позволяет не только выявить динамику лексикографической фиксации лексемы (что является принципиально важным для лексиколога), но и проследить «путь» слова в культуре и проникнуть в содержание концепта, стоящего за ним. Интегративный подход к слову в современном словаре позволяет рассматривать лексикографическую фиксацию явлений лексико-семантического порядка как наиболее объективное отражение не только собственно языкового (системного), но и лингвокультурологического (когнитивного) содержания и таким образом определить характер противопоставления и масштаб «отталкивания» между единицами лексической системы, в том числе в оппозиции *город/деревня*.

На первой стадии исследования были рассмотрены междисциплинарные предпосылки выделения оппозиции *город/деревня*, а также определена ее семантическая основа. Данные различных направлений гуманитарного знания позволяют говорить о существовании выраженной междисциплинарной оппозиции *город/деревня*, включающей экономические, социальные, идеологические, философские и другие составляющие, проявляющиеся на эмпирическом и экзистенциальном уровнях, что актуализирует вопрос о способах

и механизмах ее фиксации на уровне слова. Ввиду этого в работе ставится задача проследить характер фиксации данной оппозиции в русской лексикографии.

Поскольку *город* и *деревня* являются наименованиями населенных пунктов, то для определения их места в системе языка в первую очередь актуальным представляется определение границ лексико-семантической группы наименований населенных пунктов. По данным источников лингвистического и нелингвистического характера, объем лексико-семантической группы наименований населенных пунктов составляет около 30 наименований. Структура этой группы характеризуется значительной подвижностью. Структура группы наименований населенных пунктов условно имеет две основные составляющие:

- населенные пункты городского типа;
- населенные пункты негородского типа.

Таким образом, данные идеографических словарей дают возможность выделить в значении лексем *город* и *деревня* интегральную сему (населенный пункт) и оппозиционные признаки, содержащиеся в дифференциальных семах (городской тип населения и негородской тип населения).

Исторический аспект оппозиции отражают материалы этимологических словарей. Данные этимологических словарей и исследований позволяют выявить следующие признаки у лексем *город* и *деревня*: 1) *Город* – огороженное (закрытое) место, *деревня* – очищенное от леса, открытое пространство; 2) Важнейшим признаком *деревни* является ее связь с землей и земледелием (пашня, хутор, крестьянский двор или хутор с участком земли).

С целью определения содержания и структуры семантической оппозиции, представленной в системе языка, а также для выявления возможных динамических процессов в семантике были использованы данные толковых словарей. Обобщая данные толковых словарей, можно выделить дифференциальные признаки лексем *город* и *деревня*, позволяющие говорить об их семантической оппозиции: *параметрический*; *социальный*; *исторический*; *антропоморфный*; *природно-экологический*; *оценочный* (например, в семантическом объеме лексемы *деревня* фиксируется переносное значение с

негативной оценкой (*о простоватом, глупом человеке*), характеризующее жителя деревни; в семантике слова *город* такого значения нет).

Возможность проследить функционирование семантической оппозиции в текстовой интерпретации (в рамках лексикографической фиксации) позволяют так называемые «авторские» словари, или словари языка писателя. Лексемы *город* и *деревня* зафиксированы во всех словарях языка писателей (кроме словаря языка Шолохова), причем лексема *город* имеет бóльшую частотность. Словари отражают нежесткую закреплённость значений лексем в языке писателей. Бóльшая часть значений, представленных в словарях языка писателей, совпадает со словарными дефинициями, но писатели используют их не во всех существующих значениях. Состав помет в словарях языка писателей, как правило, шире, чем в толковых словарях, что объясняется особенностями авторского дискурса. В двух словарях (словаре языка Шукшина и в словаре языка Есенина) зафиксированы метафорические переносы у лексем *город*, *деревня* и *село*, причем в словаре языка Шукшина отмечено переносное значение антропоморфного характера.

Используя возможность описания структуры оппозиции в терминах теории лексико-семантического поля (понятий ядра и периферии), возможно заключить, что идеографические, этимологические и толковые словари конституируют наличие устойчивой оппозиции *город/деревня* в лексической системе русского языка: посредством отнесения денотатов *город* и *деревня* к однородным явлениям (на основании базовой интегральной семы «населенный пункт»), а также ввиду последовательной констатации регулярных симметричных оппозиционных признаков *параметрического* (большой/маленький) и *социального* порядка (индустриальный, производственный труд/сельскохозяйственный труд), которые транслируются практически во всех лексикографических источниках и тем самым становятся осью, ядром оппозиции *город/деревня* в русском языке. Околоядерная зона оппозиции включает нерегулярные семантические признаки денотативного характера (город – огороженное, укрепленное пространство). К периферии семантического противопоставления можно отнести нерегулярные,

несимметричные признаки (наличие связи с природой/отсутствие связи с природой, наличие оценочного переосмысления/отсутствие оценочного переосмысления).

Показательно, что последовательная динамика в лексикографическом представлении рассматриваемой оппозиции проявилась в основном в появлении ограничительных помет в отношении исторически маркированного семантического признака *город – огороженное пространство*, который начиная со словаря Ожегова и Шведовой сопровождается пометами «в старину», «ист.», «устар.», а в словаре Дмитриева уже не фиксируется. Других очевидных признаков динамики в содержании и структуре оппозиции толковые словари не фиксируют, конституируя ее стабильность.

На второй стадии исследования был выявлен словообразовательный, сочетаемостный, когнитивный, ассоциативный и метафорический потенциал оппозиции *город/деревня*. Поскольку антонимические отношения являются самым сильным типом парадигматических отношений в лексической системе, для конституирования исследуемой оппозиции в системе языка существенным является фиксация лексем *город – село, деревня* в словаре антонимов.

Словообразовательные возможности оппозиции транслируют ядерные признаки (*город – административно-хозяйственный центр, город – обширная территория*), околаядерные (*город – укрепленное, огороженное пространство*), периферийные (*оценочная номинация жителя деревни и др.*) и тем самым открывает доступ к различным слоям соответствующих концептов.

Таким образом, именно сочетаемостный потенциал слова, позволяющий реконструировать не зафиксированные в других типах словарей зоны концепта, дает возможность включить в содержание обоих членов оппозиции компонент *любви к месту своего проживания и рождения*: *город* (родной, любимый, гордиться), *деревня* (родная, любить). Данные словаря сочетаемости подтверждают актуальность семантического ядра, обуславливающего понятийную зону концепта, и значительно расширяют не зафиксированные в

толковых словарях зоны оппозиции, относящиеся к дополнительным содержательным слоям концепта, а также его образной составляющей.

Лингвокультурологический потенциал оппозиции *город/деревня* и динамические процессы в ее содержании выявлялись по данным словарей ассоциативных норм, относящихся к различным периодам. Во всех рассмотренных словарях устойчиво поддерживается параметрический признак ядерной зоны оппозиции, однако в РАС и в РАСШ ослабляется зона, связанная с социальными функциями деревни (сельскохозяйственный труд), актуальная для САНРЯ. В РАСШ особенно заметно редуцирование социального признака оппозиции, обусловленного утратой в сознании современных школьников связи деревни с сельскохозяйственным трудом и превращением ее в зону дачного, летнего отдыха городского населения. Тем самым утрачивается актуальность социального признака соответствующего концепта, выделенного в качестве ядерного практически во всех толковых словарях русского языка.

Показательно, что изменения коснулись и неядерных семантических признаков денотативного и коннотативного характера. Так, во всех ассоциативных словарях отсутствует историко-этимологический признак (*город – огороженное пространство*), а также утрачивается актуальный для толковых словарей оценочный признак, связанный с патриархальностью, отсталостью жителей деревни. Однако, природно-экологический семантический признак (связь деревни с природой), зафиксированный лишь в одном из толковых словарей, транслируется частотными реакциями во всех ассоциативных словарях.

Особенно заметными являются изменения, не зафиксированных в толковых словарях зон соответствующих концептов. Наиболее устойчивыми и частотными для всех ассоциативных словарей являются векторы ассоциирования деревни, обусловленные ее *удаленностью от центра, связью с семьей* (особенно поколением бабушек и дедушек) и *разрухой*. Частотными для САНРЯ и РАС и ослабленными или исчезнувшими в РАСШ являются ассоциации, обусловленные *любовью к деревне, связью ее с Россией, с дальнейшими перспективами, с Великой Отечественной войной и советским периодом*. Особенно ярким является

появление в РАСШ нового вектора ассоциирования, не зафиксированного другими словарями, связанного с *пьянством деревенского населения*.

Представления о городе выражаются в устойчивых, частотных реакциях, связанных с *плохой экологией* и «*шумностью*» *городского пространства* (причем плохая экология является наиболее частотной в представлениях современных школьников). Хронологически ослабляется, либо утрачивается ассоциативная связь города с *Великой Отечественной войной* и *любовью к родным местам*.

Таким образом, при сохранении ядерной зоны оппозиции, следует отметить ослабление ее социального признака, а также исчезновение историко-этимологического и оценочного (связанного с патриархальностью, отсталостью жителей деревни). В ядро ассоциативно-вербального поля оппозиции перемещаются признаки, связанные с *удаленностью деревни от центра*, с *семьей*, а также *природно-экологический признак*. Оценочные зоны соответствующих концептов расширились за счет увеличения негативно окрашенных реакций, обусловленных не только плохой экологией города, но и ослаблением мотива любви к родным местам, усилением мотива разрухи и пьянства в деревне.

Данные концептологического словаря (СРМ) в значительной степени транслируют данные системных и ассоциативных словарей и дополняют их следующими характеристиками: город – *символ прогресса*; деревня – *народное начало, простота нравов, хранительница культуры, национальные корни, место вызывающее очевидную любовь и привязанность*, некоторые из которых редуцировались или утратились в последних ассоциативных словарях.

Лексемы *город* и *деревня* обладают различным метафорическим потенциалом. Лексема *деревня* имеет устойчивое лексикографически зафиксированное переосмысление по типу «физический объект – человек», а у лексемы *город* этот тип переосмысления не зафиксирован. Однако обе лексемы подвергаются авторским образным переосмыслениям.

Таким образом, сопоставление данных ассоциативных и когнитивных словарей различного периода свидетельствуют о значительных трансформациях в содержании и структуре оппозиции, в том числе в ее ядерной, осевой

составляющей. Заметно расширилось околоядерное и периферийное пространство оппозиции, выводящее в различные зоны соответствующих концептов: как понятийных, так и оценочных. Значительной динамике подверглись оценочные зоны оппозиции, в основном за счет усиления негативно оценочных мотивов, связанных с деревней. Трансформация ядерной зоны оппозиции, обусловленная экономическими, политическими, социальными преобразованиями в обществе, свидетельствует об утрате четкости и яркости оппозиции *город/деревня* в сознании носителей современного русского языка.

Список литературы

Абросимова, Л.С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования / Л.С. Абросимова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – №2. – С. 7-14.

Акопов, Г.В., Иванова, Т.В. Феномен ментальности как проблема сознания / Г.В. Акопов, Т.В. Иванова // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – №1. – С. 47-55.

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 224с.

Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова/ Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228с.

Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416с.

Алпатов, В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – №3. – С. 15-26.

Антология концептов/ под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 332с.

Антонова, Е.Л., Туркина, В.Г. Экзистенциальные основания культуры деревни и культуры города как устойчивой и неустойчивой систем противостояния социальному хаосу / Е.Л. Антонова, В.Г. Туркина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №8-1. – С. 27-29.

Апресян, Ю.Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии/ Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 33-74.

Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография: избранные труды: в 2-х т. / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Апресян, Ю.Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря / Ю.Д. Апресян // Новый большой англо-русский словарь. – М.: Русский язык, 1993. – Т.1. – С. 6-17.

Архипова, С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике / С.В. Архипова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – №11. – С. 6-9.

Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. И. Нерознака / С.А. Аскольдов. – М.:Academia, 1997. – С. 276-279.

Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295с.

Байдак, А.В. Анализ словообразовательного гнезда как один из приемов исследования концепта *смерть* в селькупском языке /А.В. Байдак // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – №7. – С. 133-137.

Бартминьски, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьски; отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 528с.

Бастриков, А.В., Бастрикова, Е.М. Лингвокультурные концепты как основа языкового менталитета / А.В. Бастриков, Е.М. Бастрикова // Филология и культура. – 2012. – №3. – С. 15-19.

Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин // Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6. – 300с.

Белая, Е.А. Концептуализация понятия «общность» в современной социологии / Е.А. Белая // Социологический альманах. – 2011. – №2. – С. 302-310.

Белова, О.В. «Свой-чужой» / О.В. Белова // 2010. – [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://pagan.ru/slowar/s/swoj-chuzhoj8.php>. (дата обращения: 24.03. 2016).

Белозерова, А.В., Локтионова, Н.М. Лингвокультурология как лингвистическая дисциплина / А.В. Белозерова, Н.М. Локтионова // Современные

проблемы науки и образования. – 2013. – №1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologiya-kak-lingvisticheskaya-distiplina> (дата обращения: 15.11. 2016).

Белянин, В.П. Психолингвистика: учебник / В.П. Белянин. – М.: Флинта, 2004. – 232с.

Бердяев, Н. Судьба России: Сочинения / Н. Бердяев. – М.: Издательство ЭКСМО-пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000. – 736с.

Березович, Е.А. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е.А. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600с.

Беседина, Н.А. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике / Н.А. Беседина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2010. – №20. – С. 31-37.

Бобунова, М.А. Русская лексикография XXI века: учебное пособие / М.А. Бобунова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 200с.

Богатырев, В.Р. Развитие города: проблемы, пути решения / В.Р. Богатырев. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990. – 128с.

Бойко, Л.Г. Культурная коннотация в семантике устойчивых сравнений /Л.Г. Бойко// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – №5(90). – С. 83-86.

Болотнова, Н.С. Об использовании словарей различных типов в исследованиях по коммуникативной стилистике / Н.С. Болотнова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 3. – С. 12-16.

Большакова, А.Ю. Архетип – концепт – культура /А.Ю. Большакова // Вопросы философии. – 2010. – №7. – С. 47-53.

Бондалетов, В.Д. Социальная лингвистика: учебное пособие / В.Д. Бондалетов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 200с.

Брагина, А.А. Синонимы в русском языке /А.А. Брагина. – М.: МГПИИЯ, 1980. – 73с.

Бутакова, Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: Когнитивное моделирование / Л.О. Бутакова. – Барнаул, 2001. – 276с.

Бутенко, Е.Ю. Концептуальная парадигма мировоззренческого феномена «class» в аксиологической системе британской лингвокультуры / Е.Ю. Бутенко. – М.: Финансовый университет, 2014. – 228с.

Василевич, А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте/А.П. Василевич. – М.: Наука, 1987. – 140с.

Васильев, Л.М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы / Л.М. Васильев. – Уфа. РИЦ БашГУ, 2007. – 205с.

Васильева, Г.М. Семантическое развитие слова как предмет учебной неографии / Г.М. Васильева // В мире научных открытий. Научный журнал. Изд-во «Научно-инновационный центр». – 2013. – № 1 (37). – С. 13-27.

Васильева, Г.М. Лингвокультурологические основания изменения языковой оценки / Г.М. Васильева // Мир русского слова. – 2012. – №1. – С. 22-25.

Васильева, Г.М. Лингвокультурологические аспекты русской неологии: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 /Васильева Галина Михайловна. – ЛГТП, СПб., 2001а. – 39с.

Васильева, Г.М. Национально-культурная специфика семантических неологизмов: лингвокультурологические основы описания / Г.М. Васильева. – СПб.: Сударыня, 2001б. – 210с.

Васильева, Г.М., Некора, Н.Е. Особенности национальных культур в зеркале языка: монография / Г.М. Васильева, Н.Е. Некора. – СПб.: СПГУВК, 2012. – 221с.

Введенская, Л.А. Русская лексикография: учебное пособие / Л.А. Введенская. – М.: МКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2007. – 352с.

Вежбиньски, Я. Теоретические проблемы антонимии (взгляд с рубежа веков): Лодзинский университет, институт русистики. – 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www. filologija.vukhf.lt/4-9/doc/Wierzbinski.doc](http://www.filologija.vukhf.lt/4-9/doc/Wierzbinski.doc). 2002. (дата обращения: 03.03.2016).

Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; Перевод с английского А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288с.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание./ А. Вежбицкая/ Перевод с английского, ответств. ред. М.И. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 416с.

Вендина, Т.И. Этнолингвистика, аксиология и словообразование/ Т.И. Вендина // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. – М.: Индрик, 1998а. – Т.1. – С. 39-48.

Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 1998б. – 240с.

Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320с.

Вильчек, Л.Ш. Большаки и проселки «деревенской прозы» / Л.Ш. Вильчек. – М.: Изд-во «Знание» РСФСР, 1985. – 40с.

Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 310с.

Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 639с.

Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656с.

Влавацкая, М.В. Когнитивный и психолингвистический аспекты изучения сочетаемости слов: Трансформация синтагматических структур / М.В. Влавацкая // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – №3(24). – С. 64-72.

Влавацкая, М.В. Сочетаемость как фактор актуализации лексического значения слова / М.В. Влавацкая // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – Т.59. – №5. – С. 67-71.

Влавацкая, М.В. Комбинаторная лексикография: структура и содержание / М.В. Влавацкая // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009а. – № 9. – С. 197-210.

Влавацкая, М.В. Комбинаторная семасиология (семантика и сочетаемость слов) /М.В. Влавацкая // Мир науки, культуры, образования. – 2009б. – №7(19). – С. 29-34.

Волошин, Ю.К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект) / Ю.К. Волошин. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000. – 282с.

Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236с.

Воркачев, С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании/ /Коммуникативное исследование 2003: Современная антология / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 189-209.

Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании/ С.Г. Воркачев //Филологические науки. – 2001. – №1. – С.64-72.

Воркачев, С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии / С.Г. Воркачев// Вопросы языкознания. – 1997. – №4. – С. 115-124.

Воробьев, В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336с.

Воробьев, В.В. Лингвокультурология: теория и методы / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 331с.

Гак, В.Г. Языковые преобразования /В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768с.

Гак, В.Г. Этимолого-семантические поля в лексике // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова)/ Российская академия наук. Отделение литературы и языка. Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН/ Отв. ред. докт. филол. наук. М.В. Ляпон. – М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 1995. – 432с.

Гак, В.Г. Валентность / В.Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.

Гальцова, А.С. Современные городские топонимы как часть городского дискурса (на материале наименований жилых комплексов)/ А.С. Гальцова // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: сборник

научных трудов V Международной научно-методической конференции. – СПб., 19-20 ноября, 2015. – С. 144-147.

Галлямова, Н.Ш. К вопросу о типологии словарей лингвокультурологической ориентации/ Н.Ш. Галлямова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ/ Ред. кол. Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. в 15т. – СПб: МАПРЯЛ, 2015. – Т.7. – С. 81-86.

Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразообразования / Ю.А. Гвоздарев. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1977. – 184с.

Горинова, Н.С. Ассоциативный эксперимент как способ изучения языкового сознания/ Н.С. Горинова // Альманах современной науки и образования, в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2009. – №8 (27). – Ч. II. – С. 52-53.

Горнова, Г.В. Антиномичность городской культуры: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.13 / Горнова Галина Владимировна. – Омск, 2011. – 41с.

Горнова, Г.В. Антропологические аспекты антиномии города и деревни/ Г.В. Горнова// Вестник Омского университета. – 2010. – №3. – С. 34-37.

Горошко, Е.И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – №3. – С. 53-61.

Горошко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко. – М.-Харьков: Ра-Каравелла, 2001. – 320с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=93> (дата обращения: 15.05.2016).

Гранева, И.Ю. Субстантивация и лексиколизация местоимения *наши* в аспекте языковой актуализации мира / И.Ю. Гранева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – №6-2. – С. 58-60.

Громыко, М.М. Мир русской деревни/ М.М. Громыко. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 446с.

Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400с.

Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350с.

Денисов, П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П.Н. Денисов. – М.: Русский язык, 1993. – 248с.

Дженкова, Е.А. Ассоциативная характеристика концептов вины и стыда в немецком и русском социумах (на материале экспериментальных данных)/ Е.А. Дженкова // Вопросы психолингвистики. – 2008. – №7. – С. 93-97.

Домников, С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество/ С.Д. Домников. – М.: Алетейа, 2002. – 672с.

Дорофеев, Ю.В. Антропоцентризм в лингвистике и предмет когнитивной грамматики / Ю.В. Дорофеев // Актуальные проблемы современной когнитивной лингвистики: Материалы XV Международной лингвистической конференции «Язык и мир». Таврический национальный ун-т им. В.И. Вернадского. – 2008. – С. 302-308.

Дубичинский, В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие/ В.В. Дубичинский. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 432с.

Жаднова, Е.В. Методологические подходы к изучению взаимодействия города и деревни/ Е.В. Жаднова// Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – №1. – С. 194-199.

Жаркынбекова, Ш.К. Языковая концептуализация цветов в казахском и русском языках: автореф. дис. ...д-ра фил. наук: 10.02.20 / Жаркынбекова Шолпан Кузаровна. – Алматы, 2004. – 49с.

Задорожнева, Е.В. Категория сочетаемости в лингвистической науке/ Е.В. Задорожнева// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – №2. – С. 70-74.

Зайковская, И.А. Ассоциативно-семантический потенциал и текстовые реализации лексической парадигмы «Словарь»: автореф. дис. ...канд. фил. наук: 10.02.01/ Зайковская Ирина Александровна. – СПб., 2011. – 20с.

Залевская, А.А. Корпоральная семантика и интегративный подход к языку// Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы VII Международной

научно-практической конференции (Иркутск, 24-27 июня 2002г.). – Иркутск: ИГЭА, 2002. – С. 9-21.

Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике/ Е.И. Зиновьева. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182с.

Зиновьева, Е.И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного / Е.И. Зиновьева; отв. ред. К.А. Рогова. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003. – 80с.

Ибрагимова, В.Л., Фаткуллина, Ф.Г. Основные принципы исследования словарного состава современного русского языка / В.Л. Ибрагимова, В.Л. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т.15. – №2. – С. 320 - 324.

Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие / Е.В. Иванова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. – 280с.

Иванова, И.Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? /И.Н. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №6 (24). – С. 88-94.

Иванова, С.В., Самигуллина, А.С. В многомерном пространстве языкознания и за его пределами: интегративность IN АСТУ / С.В. Иванова, А.С. Самигуллина // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14. – №3-1. – С. 1181-1189.

История русской лексикографии // отв. ред. Ф.П. Сороколетов – СПб: «Наука». – 1998. – 609с.

Казак, М.Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование: авторефер. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01/ Казак Мария Юрьевна. – Белгород, 2004. – 40с.

Казанский, Б.В. В мире слов / Б.В. Казанский. – 2-е изд. – СПб.: ИД «Авалонь», Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 320с.

Каламбет, Е.В. Проявление антропоцентризма в современной отечественной лексикографии: на материале лингвистических словарей: автореф.

дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Каламбет Елена Васильевна. – Краснодар, 2007. – 23с.

Карасик, В.И. Языковые ключи /В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406с.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390с.

Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333с.

Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3-16.

Карасик, В.И., Прохвачева, О.Г., Зубкова, Я.В., Грабарова, Э.В. Иная ментальность/ В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352с.

Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования/ В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.

Караулов, Ю.Н. Основы лингвокультурного тезауруса русского языка / Ю.Н. Караулов // Русское слово в русском мире. – М.: Калуга, 2004. – С. 244-296.

Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности// Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов/ Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М., 2002. – Т.1.

Караулов, Ю.Н. Основы лингвокультурного тезауруса русского языка// Русское слово в русском мире: сб. статей. – М., 2000.

Караулов, Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии / Ю.Н. Караулов // Советская лексикография: сб. статей. – М.: Русский язык, 1988.

Караулов, Ю.Н., Филиппович, Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования /Ю.Н.

Караулов, Ю.Н. Филиппович. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. – 336с.

Кармин, А.С. Культурология/ А.С. Кармин. – СПб.: Издательство «Лань», 2003. – 928с.

Кармин, А.С. Культура социальных отношений. Серия «Мир культуры, истории и философии» /А.С. Кармин. – СПб.: Изд-во «Лань», 2000. – 128с.

Касимова, О.П. Позиционные свойства языковых единиц / О.П. Касимова. – М.: МГОУ, 2007. – 178с.

Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М.: Институт нац. модели экономики, 1994. – 367с.

Керимбаев, Е.А., Ергубекова, Ж.С. Когнитивные и лингвокультурологические аспекты исследования концептов эпического фольклора / Е.А. Керимбаев, Ж.С. Ергубекова // Филологические науки. – 2012. – №7. – С. 97-103.

Ким, Т.С. Антонимия и синонимия в передаче семантики противоположностей / Т.С. Ким // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – №33(287). – С. 139-142.

Ключевский, В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве/ В.О. Ключевский. – М.: Прометей Дизайн ТПО «Квадрат», 1991. – 334с.

Коваленко, К.В. Семантика окказиональной лексики языка произведений А. И. Солженицына и «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля/ К.В. Коваленко// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – №103. – С. 126-134.

Козырев, В.А., Черняк, В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 631с.

Козырев, В.А., Черняк, В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии / В.А. Козырев, В.Д. Черняк// Вопросы лексикографии. – 2014а. – №1(5). – С. 5-15.

Козырев, В.А., Черняк, В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014б. – 571с.

Козырев, В.А., Черняк, В.Д. Меняющийся мир в зеркале словарей/ В.А. Козырев, В.Д. Черняк // Universum Вестник Герценовского университета. – 2011. – №1. – С. 42-45.

Козырев, В.А., Черняк, В.Д. Русская лексикография / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – М.: Дрофа, 2004. – 288с.

Козырев, В.А., Черняк, В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – 356с.

Колесов, В.В. Ментальный словарь В. Даля/ В.В. Колесов // Ученые записки Казанского ун-та. – 2010. – №2 (том 152). – С. 223-229.

Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624с.

Колесов, В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002. – 444с.

Колесов, В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В.В. Колесов // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск: ПГУ, 1995. – С. 13-24.

Колесов, В.В. Культура речи – культура поведения / В.В. Колесов. – Л.: Лениздат, 1988. – 271с.

Колоколова, Л.П. Роль категории пространства в макроконцепте «жизнь человека» / Л.П. Колоколова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – №143. – С. 106-116.

Коногорова, А.В. Понятие «концепт»: в поисках универсального /А.В. Коногорова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – №10. – С. 47-50.

Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: МАЛП, 1999. – 341с.

Костомаров, П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики / П.И. Костомаров // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т.1. – №2(58). – С. 198-203.

Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284с.

Крысин, Л.П. Современный русский язык / Л.П. Крысин. – М.: Академия, 2007. – 240с.

Крюкова, Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия / Г.А. Крюкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №59. – С. 128-135.

Крючкова, О.Ю., Гольдин, В.Е., Сдобнова, А.П. Оппозиция «город-деревня» в сознании носителей традиционной сельской культуры/ О.Ю. Крючкова, В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова // У чистого источника родного языка. – Волгоград, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/gorod-derevnja.html>. (дата обращения: 24. 04.2013).

Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 555с.

Кубрякова, Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в русском языке) / Е.С. Кубрякова // ИРАН СЛЯ. – 1999. – Т. 58. – № 5-6. – С. 3-12.

Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)/Е.С. Кубрякова// Язык и наука XX века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144-238.

Кулешова, А.В. Категории контраста и оппозиции в лингвистическом анализе / А.В. Кулешова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – №2(87). – С. 4-7.

Курбатова, Е.П. Осуществление принципа интеграции в лингвокультурологии / Е.П. Курбатова // Интеграция образования. – 2013. – №3(72). – С. 104-106.

Кушнир, О.Н. Лексикографические источники в контексте задач лингвоконцептологии / О.Н. Кушнир // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – Т.2. – №1(5). – С. 120-123.

Кущева, О.Ю. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике / О.Ю. Кущева // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – 2006. – № 4. – С. 224-226.

Лазаренко, А.И. Русское «морс» и его этимологические связи / А.И. Лазаренко // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – №382. – С. 24-28.

Лаппо, Г.М. Города России. Взгляд географа / Г.М. Лаппо. – М.: Новый хронограф, 2012. – 504с.

Лапшина, М. Н. Семантическая эволюция английского слова / М.Н. Лапшина. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – 159с.

Лекант, П.А., Гольцова, Н.Г., Жуков, В.П. Современный русский литературный язык / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков. – М.: Высш. Школа, 1982. – 399с.

Левонтина, И.Б. Роднее родного / И.Б. Левонтина // Учительская газета. – 2009. – №11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ug.ru/archive/ug/2009/11> (дата обращения: 18.12.2016).

Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. – Москва: Гнозис, 2005. – 352с.

Леонтович, О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие / О.А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2003. – 399с.

Линч, К. Образ города / К. Линч. – М.: Стройиздат, 1982. – 328с.

Литвинова, Л.А. Номинативное поле как предмет лингвистического описания (на материале концепта «деревня» в русском языке) / Л.А. Литвинова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – №6. – С. 229-242.

Лихачев, Д.С. Раздумья о России / Д.С. Лихачев. – СПб.: Издательство «Logos», 2006. – 656с.

Лихачев, Д.С. Земля родная / Д.С. Лихачев. – М.: Просвещение, 1983. – 256с.

Лихачев, Д.С. Заметки о русском /Д.С. Лихачев. – М.: Советская Россия, 1981. – 70с.

Лихота, И.К. Город и деревня: как стираются различия / И.К. Лихота. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1969. – 80с.

Лосский, Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. – Frankfurt a/M., 1957. – Кн.2. – 152с.

Лукьянова, Н.А. Типология русских лингвистических словарей / Н.А. Лукьянова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2004. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 20-44.

Лурье, С.В. Русская община: причины гибели/ С.В. Лурье // Метаморфозы традиционного сознания. – СПб., 1994. – С. 194-195. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svlourie.narod.ru/metamorphoses/russ-obsh.htm> (дата обращения: 16.03.2016).

Мазур, Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – XXвв.) / Л.Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 472с.

Макарова, Е.А. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении / Е.А. Макарова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – №2(14). – С. 184-190.

Малова, Н.Е. Концептуальная картина мира как базовый когнитивный элемент ментальности / Н.Е. Малова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2011. – №4. – С. 1-6.

Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии 1848-1870гг. /К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. – Т.4.

Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 296с.

Маслова, В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256с.

Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208с.

Мелихов, С.В. Характеристика автора как фактор презентации концептов «город» и «деревня» / С.В. Мелихов // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2011. – №13. – С. 142-146.

Мерзлякова, А.Х., Руденко, Е.Н., Кожина, А.А., Железнова, Ю.В., Ивашина, Н.В. Культурные концепты: сопоставительный анализ: монография/отв. ред. А.Х. Мерзлякова. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – 302с.

Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер// Мир русского слова. – 2000. – №4. – С. 39-45.

Миронов, Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации/ Б.Н. Миронов// Отечественные записки. – 2012. – №2. – С. 259-276.

Миронов, Б.Н. Историческая социология России/ Б.Н. Миронов. – СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. – 535с.

Мокиенко, В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 464с.

Морковкин, В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрического подхода к лексикографированию / В.В. Морковкин //Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988.

Мочульский, К.В. Великие русские писатели XIXв. / К.В. Мочульский. – СПб.: Алетейя, 2000. – 160с.

Надёжкин, А.М. «Закат» концепта / А.М. Надёжкин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2001. – №6-2. – С. 452-454.

Николаев, Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы / Г.А. Николаев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 184с.

Нуртазина, М.Б. Лингвокультурологическая парадигма описания концептов / М.Б. Нуртазина // Россия и Запад: диалог культур: X юбилейная международная конференция. – М., 2003. – №12. – С. 52-61.

Озеров, И.Х. Большие города, их задачи и средства управления/ И.Х. Озеров. – М.: Типография И.Д. Сытина, 1906. – 135с.

Омельченко, С.Р. Возможности антропологического подхода в языкознании / С.Р. Омельченко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 198с.

Орешкина, М.В. Лингвокультурологические словари: задачи, жанры, содержание /М.В. Орешкина// Русский язык: исторические судьбы и современность: сборник тезисов. – М.: МГУ, 13-16 марта, 2001. – С. 181-182.

Орлова, Э.А. Современная городская культура и человек / Э.А. Орлова. – М.: Наука, 1987. – 192с.

Ощепкова, Е.С. Учебный ассоциативный словарь как средство формирования образов языкового сознания / Е.С. Ощепкова // Филологический класс. – 2013. №1(31) . – С. 51-54.

Парамонова, В.А. Город и деревня: критерии отличия / В.А. Парамонова // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2010. – Т.9. – №8. – С. 33-36.

Петроченко, Л.А. Аллюзия как компонент словарей ключевых концептов / Л.А. Петроченко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – №4. – С. 108-110.

Пименова, М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования/ М.В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – Т.2. – №2 (54). – С. 127-131.

Пименова, М.В., Кондратьева, О.Н. Концептуальные исследования /М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 176с.

Пищальникова, В.А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика / В.А. Пищальникова. – М: МГЛУ, 2007. – 228с.

Плотникова, А.М. Семантизация слова в современных толковых словарях и словарях концептов: новые тенденции / А.М. Плотникова // Филологический класс. – 2013. – №3. – С. 47-50.

Попова, З.Д., Стернин, И.А., Карасик, В.И. и др. Полевая модель концепта// Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие/ отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2009. – С. 12-43.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314с.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике/ З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 191с.

Попова, Л.В. Типологии и классификации словарей / Л.В. Попова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 67. – 2012. – №20(274). – С. 106-113.

Порядина, Р.Н. «Лики» чужого в народной культуре» / Р.Н. Порядина //Вестник Томского университета. – 2007. – №295. – С. 44-50.

Потанин, Г.Н. Города Сибири / Г.Н. Потанин // Сибирь, современное состояние и ее нужды. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1908. – С. 234-259.

Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике/ А.А. Потебня. – М.: 1958. – Т. 1-2.

Плотникова, А.М. Семантизация слова в современных толковых словарях и словарях концептов: новые тенденции / А.М. Плотникова // Филологический класс. – 2013. – №3. – С. 47-50.

Поцепня, Д.М. Образ мира в слове писателя /Д.М. Поцепня. – СПб: Изд-во С.-Петербург, ун-та, 1997. – 264с.

Протченко, И.Ф. Словари русского языка / И.Ф. Протченко: Краткий очерк. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во РОУ, 1996. – 128с.

Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2008. – 416с.

Режабек, Е. Я., Филатова, А. А. Когнитивная культурология: Учебное пособие / Е. Я. Режабек, А.А. Филатова. – СПб.: Алетейя, 2010. – 316с.

Резунова, М.В. Словарная статья: текст или дискурс? / М.В. Резунова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – №10. – С. 47-49.

Реформатский, А.А. Что такое структурализм? / А.А. Реформатский // Вопросы языкознания. – 1957. – №6. – С. 25-37.

Рожков, Н.А. Город и деревня в русской истории: Краткий очерк экономической истории России/ Н.А. Рожков. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1902. – 84с.

Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 212с.

Русские и «русскость»: Лингвокультурологические этюды / Сост. В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2006. – 336с.

Рябов, О.В. «Родина-Мать»: история образа / О.В. Рябов //Женщина в российском обществе. – 2006. – №3. – С. 2-12.

Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240с.

Семенов-Тянь-Шанский, П.П. Город и деревня в Европейской России / П.П. Семенов-Тянь-Шанский. – СПб: Типография В.Ф. Кишбума, 1910. – 212с.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э.Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656с.

Скляревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166с.

Скляревская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы / Г.Н. Скляревская // Исследование по славянским языкам. – 2001. – №6. – С. 177-202.

Скляревская, Г.Н. Функционально-стилистическая характеристика лексики в новом академическом словаре / Г.Н. Скляревская // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып. 2. – Новосибирск, 1998. – С. 27-33.

Скорнякова, Р.М. Лингвокультурологическое моделирование картины мира с позиции моделирующего субъекта / Р.М. Скорнякова// Вестник Томского гос. ун-та. – 2009. – №327. – С. 27-30.

Слесарева, И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики /И.П. Слесарева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 176с.

Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование/ Г.Г. Слышкин // Вестник Воронежского государственного университета. – 2004. – №1. – С. 29-34.

Смирнова, Г.В. Понятие концепта в лингвокультурологии / Г.В. Смирнова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – №603. – С. 87-93.

Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и изучения словарей. – М.: Русский язык, 1988. – 237с.

Сорокин, Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е годы XIX века / Ю.С.Сорокин. – Москва; Ленинград, 1965. – 565с.

Сороколетов, Ф.П. История русской лексикографии/ Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2001. – 614с.

Сороколетов, Ф.П. Методы семантического описания в диалектных словарях / Ф.П. Сороколетов // Вопросы семантики. – М., 1983. – С. 13-20.

Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры/ Ю.С. Степанов. – 2-е изд-е, испр. и доп. – М.: Акад. Проект, 2001. – 989с.

Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры /Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», – 1997. – 824с.

Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов; АН СССР. Институт языкознания. – М.: Наука, 1975. – 311с.

Степанов, Ю.С., Проскурин, С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия/ Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин. – М.: Наука, 1993. – 158с.

Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики /И.А. Стернин. – Воронеж, ВорГУ, 2001. – С. 58-64.

Стернин, И.А., Рудакова. А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2011. – 192с.

Стернин, И.А., Саломатина, М.С. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150с.

Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 368с.

Сулименко, Н.Е. Проблемы лексического «учения о слове»: системный и текстовый аспект / Н.Е. Сулименко, А.В. Хохлов. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – 222с.

Табанакова, В.Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.21/ Вера Дмитриевна Табанакова. – Тюмень, 2001. – 281с.

Табанакова, В.Д., Сивакова, Н.А. Типология словарей сегодня / В.Д. Табанакова, Н.А. Сивакова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2003. – № 4. – С. 114-120.

Телия, В.Н. Концептообразующая флуктуация константы «родная земля» в наименовании «родина» / В.Н. Телия // Язык и культуры: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 409-417.

Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия// Фразеология в контексте культуры. – СПб., 1999. – С. 14-24.

Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», – 1996. – 288с.

Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц /В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143с.

Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000 – 624с.

Топоров, В.Н. Исследования по этимологии и семантике / В.Н. Топоров. – М.: Языки славянской культуры. – 2004. – Т.1. – 816с.

Тубалова, И.В. Проблемы трансформации смысла «советского текста» в

речевой среде постсоветской деревни / И.В. Тубалова // Язык и культура. – 2011. – № 3. – С. 94-105.

Тубалова, И.В., Эмер, Ю.А. Язык фольклора. Учебно-методическое пособие / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер. – Томск, 2005. – 37с.

Тхорик, В.И., Фанян, Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учебное пособие / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. – М.: ГИС, 2006. – 260с.

Тютюнников, Н.Н. К вопросу типологии словарей / Н.Н. Тютюнников // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробации результатов исследований. – 2015. – №16. – С. 171-176.

Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 135-168.

Уфимцева, Н.В. Образ мира русских: системность и содержание / Н.В. Уфимцева // Язык и культура. – 2009. – №4. – С. 98-111.

Федосюк, Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю.А. Федосюк. – 7-е. изд. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 264с.

Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания. Избранные труды к 100-летию со дня рождения /Ф.П. Филин. – М.: Бослен, 2008. – 416с.

Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания / Ф.П. Филин. – М.: 1982. – 336с.

Филин, Ф.П. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Ф.П. Филин. – М.: Изд-во «Наука», 1981. – 360с.

Хохлина, М.Л. Онтология культурно-когнитивного анализа «Своего» и «Чужого» во фразеологической парадигме / М.Л. Хохлина. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – 141с.

Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие / А.Т. Хроленко; под ред. В.Д. Бондалетова. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 184с.

Цветов, Г.А. Тема деревни в современной советской прозе / Г.А. Цветов. – Л.: Знание, 1985. – 32с.

Цивьян, Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы /Т.В. Цивьян. – М.: УРСС, 2006. – 280с.

Чернобровов, А.А. Принципы формирования, содержание и типы лингвокультурологических словарей / А.А. Чернобровов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – №3(19). – С. 37-45.

Шведова, Н.Ю. Парадоксы словарной статьи / Н.Ю. Шведова // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сборник статей/ отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 6-11.

Шерстяных, И.В. Лексикографическое портретирование слова / И.В. Шерстяных// Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – Выпуск №2. – С. 62-67.

Шестакова, Л.Л. Авторская лексикография на рубеже веков / Л.Л. Шестакова // Вопросы языкознания. – 2007. – №6. – С. 116-129.

Шестакова, Л.Л. Авторский словарь в аспекте лексикографической типологии / Л.Л. Шестакова // Русский язык сегодня. – 1998. – №1-2. – С. 41-52.

Шимчук, Э.Г. Русская лексикография / Э.Г. Шимчук. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 336с.

Шингарев, А.И. Вымирающая деревня /А.И. Шингарев // Социс. – 2002. – №2. – С. 124-133.

Шипилов, А.В. Иное города. Крестьянский мир / А.В. Шипилов // Человек. – 2006. – №2. – С. 34-45.

Широкалова, Г. С. Горожане и селяне в результате реформ 90-х годов /Г.С. Широкалова // Социс. – 2002. – №2. – С. 71-82.

Шкуропацкая, М.Г. Словесные ассоциации как средство описания семантического расстояния между словами / М.Г. Шкуропацкая // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 22–24 сентября 2004 г.: в 2-х т. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. – Т. 2. – С. 189–196.

Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка/ Д.Н. Шмелев. – М.:

Изд-во ЛКИ, 2008. – 248с.

Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика /Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 335с.

Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии// Л.В. Щерба// Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 265-304.

Юрина, Е.В. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: опыт лексикографической презентации / Е.В. Юрина // Вопросы лексикографии. – 2013. – №1(3). – С. 63-80.

Юрков, С.Е. О синергетическом подходе к изучению ментальности / С.Е. Юрков // Известия Тульского государственного университета. – 2010. – №2. – С. 43-54.

Языковая картина мира и системная лексикография/ Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Санников, Е.В. Урысон. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912с.

Яхиел, Н. Город и деревня. Социологические аспекты /Н. Яхиел //перев. С болг. О.И. Попова. – М.: Издательство «Прогресс». – 1968. – 271с.

Список литературы на иностранных языках

Chomsky, N. On Nature and Language: With an Essay on «The Secular Priethood and the Perlis of Democracy»/ N. Chomsky, A. Belletti, L. Rizzi (ed). Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 206p.

Haiman, J. Dictionaries and Encyclopedias. – *Lingua*.1980. – № 50. – PP. 329-357.

Redfield, R. The Folk Society// *The American Journal of Sociology*. 1947. – Vol. LII.

Sapir, E. The psychology of culture: a course of lectures/ Ed/ Irvine J.T. – Berlin: Mouton de Cruyter, 1993. – 266p.

Интернет-ресурсы

Официальный сайт городов Российской Федерации. [Электронный ресурс].
Режим доступа: <http://www.официальные-сайты-городов.рф/0-opred.html>. (дата обращения: 02.02.2013).

Список словарей и справочников

Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов. – М.: Русский язык. Медиа, 2007. – 564с.

Андреева, И.В., Баско, Н.В. Русская деревня – XX век: культурологический словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 304с.

Байрамова, Т.Ф., Никишаева, В.П. Словарь языка рассказов В.М. Шукшина. – Бийск: Бийск. гос. пед. ун-т им. В.М. Шукшина, 2002-2004. – Вып. 1-3.

Большая Российская энциклопедия. Энциклопедический словарь / Председатель научн.-ред. совета Ю.С. Осипов; отв. ред. С.Л. Кравец. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2011. – 1519с.

Большая советская энциклопедия. В 30 т. /Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969-1978.

Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание, синонимы, антонимы / авт.-сост. Л.Г. Бабенко, Т.М. Воронина, М.В. Дудорова; под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2008. – 864с.

Большой толковый словарь русского языка /под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель», 2004. – 1268с.

Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь. / Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефронъ. – Т. IX (17). – СПб.: Типо-Литография Е.А. Ефрона, 1893. – 496с.

Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь. / Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефронъ. – Т. X (20). – СПб.: Типо-Литография Е.А. Ефрона, 1893. – 499с.

Введенская, Л.А. Словарь антонимов русского языка/отв. ред. Г.В. Валимова. – Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1982. – 176с.

Даль, В.И. Пословицы русского народа. – М.: ННН ЭКСМО-Пресс, 2002. – 612с.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – (Золотая коллекция).

Даль, В.И. Энциклопедия русского слова. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2002. – 575с.

Душенко, К.В. Большой словарь цитат и крылатых выражений. – М.: Эксмо: ИНИОН РАН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. 2011. – 1216с.

Елистратов, В.С. Словарь языка Василия Шукшина: ок. 1500 слов, 700 фразеологических единиц. – М.: Азбуковник: Русские словари, 2001. – 432с.

Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка в 3-х т. – М.: Астрель-АСТ, 2006. – 1168с.

Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – Т.1. – 1209с.

Жуков, А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка: около 1600 фразеологических единиц. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 703с.

Колесников, Н.П. Словарь антонимов русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1978. – 314с.

Колесов, В.В., Колесова, Д.В., Харитонова, А.А. Словарь русской ментальности. В 2-х т. – СПб: Златоуст, 2014. – Т.1. – 592с.

Колесов, В.В., Колесова, Д.В., Харитонова, А.А. Словарь русской ментальности. В 2-х т. – СПб: Златоуст, 2014. – Т.2. – 591с.

Комплексный словарь русского языка/ под общей редакцией А.Н. Тихонова. – М.: Рус. яз., Медиа, 2005. – 1228с.

Мейеров, В.Ф., Шкляров, В.Т. Русское слово в составе словообразовательного гнезда: методическое пособие для учителей русского языка. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 225с.

Мещеряков Б.Г., Зинченко, В.П. Большой психологический словарь. – СПб.: Прайм Еврознак, 2006. – 672с.

Михельсон, М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных мыслей и иносказаний: В 2-х т. – М.: Изд. Центр «Терра», 1997. – Т. 1. – 779с.

Михельсон, М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных мыслей и иносказаний: В 2-х т. – М.: Изд. Центр «Терра», 1997. – Т. 2. – 580с.

Мокиенко, В.М. Словарь сравнений русского языка. – СПб: Норинт, 2003. – 603с.

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. – 784с.

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Толковый словарь языка Совпедии: ок. 10000 слов и выражений. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 505с.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений /Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2007. – 944с.

Павлович, Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII-XX веков. В 2-х т. – М.: Эдиториал, УРСС, 1999, – Т.2. – 869с.

Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1985. – 399с.

Руднев, В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 2009. – 544с.

Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I / Ю.Н. Караулов, Ю.С. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: Поморский и партнеры, 1994. – 224с.

Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Часть I / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: ИРЯ РАН, 1995. – 358с.

Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1-11 классов. В 2-х т. / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартьянов. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2011. – Т.1: От стимула к реакции. – 500с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений /РАН Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; авт.-сост. Н.Ю. Шведова; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – Т.2: Имена существительные с конкретным значением. Все создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки дороги; вещественные продукты труда); организации и учреждения. Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению/ авт.-сост. М.С, Михайлова. – 2000. – 674с. – М.: Азбуковник, 2002. – 720с.

Русский словарь языкового расширения/ сост. А.И. Солженицын. – М.: Наука, 1990. – 272с.

Саяхова, Л.Г. Тематический словарь русского языка/ Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин; под ред. проф. В.В. Морковкина. – М.: Дрофа, 2007. – 556с.

Сводный словарь современной русской лексики/ под ред. Р.П. Рогожниковой. В 2-х т. – М.: Русский язык, 1991.

Сидоренко, М.И. Словарь языка и рифм поэзии Н. Рубцова. – Череповец: Порт-Апрель, 2005. – 440с.

Система лексических минимумов современного русского языка. 10 лексических списков: от 500 до 5000 самых важных русских слов / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; сост. В.В. Морковкин и др.; под ред. В.В. Морковкина. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 768с.

Словарь ассоциативных норм русского языка / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; авт. А.А. Леонтьев, А.П. Клименко, А.Е. Супрун; под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Издательство МГУ, 1977. – 192с.

Словарь русского языка/ под редакцией А.П. Евгеньевой. В 4-х т. – 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Русский язык, 1981-1984.

Словарь синонимов русского языка / сост. А.Ю. Мудрова. – М.: Центрполиграф, 2009. – 507с.

Словарь современного русского литературного языка/ гл. ред. К.С. Горбачевич в 20-ти т. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1991-1996.

Словарь сочетаемости слов русского языка: ок. 2500 слов/ под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: ООО Астрель: АСТ, 2002. – 811с.

Словарь сочетаемости слов русского языка: ок. 2500 словарных статей / под ред. Г.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1983. – 688с.

Словарь языка А.С. Грибоедова. / сост. А.Е. Поляков. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – Т.1. – 432с.

Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий / Рос. акад. наук, ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; гл. ред. Ю.Н. Караулов; авт.-сост. Е.Л. Гинзбург, М.М. Коробова, И.В. Ружицкий и др. – М.: Азбуковник, 2008-2012.

Словарь языка В.И. Ленина/ ответ. ред. П.Н. Денисов. – М.: Наука, 1987. – Ч. 1-2.

Словарь языка К.Г. Паустовского /сост. Л.В. Судавичене; отв. ред. И.И. Комаров. В 8 т. – М.: Изд-во Моск. лит. музея-центра К.Г. Паустовского, 2000. – Т.2. – 304с.

Словарь языка Пушкина/ Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. В.А. Плотникова. В 4-х т. – М.: Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук: Азбуковник, 2000. – Т. 1-4.

Словарь языка Михаила Шолохова / гл. ред. Е.И. Диброва. – М.: ООО ИЦ Азбуковник, 2005. – 964с.

Советский энциклопедический словарь/ под редакцией А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 1599с.

Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайжест, 2004. – 960с.

Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. – М.: Русский язык, 1990. – Т.1. – 856с.

Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. – М.:

ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Толковый словарь русского языка: около 7000 словарных статей: Свыше 35000 значений: Более 70000 иллюстративных примеров/ под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов/ отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: «Азбуковник», 2008. – 1164с.

Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика: Около 8500 слов и устойчивых словосочетаний; под редакцией Г.Н. Складчиковой. – М.: ЭКСМО, 2006. – 1131с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – Т.1. – 588с.

Функционально-когнитивный словарь русского языка: (языковая картина мира) / под общей ред. проф. Т.А. Кильдибековой. – М.: «Гнозис», 2013. – 662с.

Шанский, Н.М., Боброва, Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994. – 398с.

Шипулина, Г.И. Словарь языка Есенина: Имя существительное. – Баку: Мутарджим, 2013. – 588с.

Школьный словообразовательный словарь русского языка/ сост. В.И. Круковер – СПб.: ООО «Виктория плюс», 2008. – 608с.

Человек. Характер и поведение. Толковый словарь/ авт.-сост. С.А. Фридман. – М.: Мнемозина, 2003. – 428с.

Энциклопедический словарь/ под. ред. Б.А. Введенского. В 3-х т. – М.: Большая Советская Энциклопедия, 1953. – Т. 1. – 720с.

Этимологический словарь русского языка/ сост. Г.А. Крылов. – СПб.: ООО «Виктория плюс», 2008. – 432с.

Этимологический словарь современного русского языка/ сост. А.К. Шапошников: в 2-х т. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т.1. – 584с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

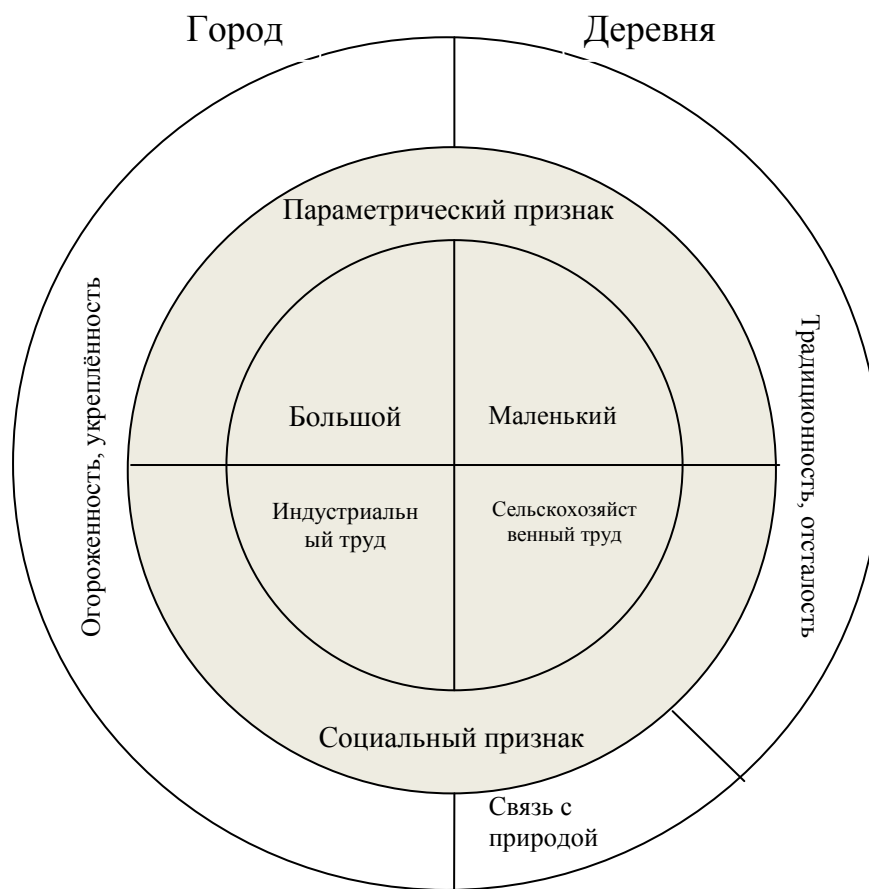
Таблица №1

Семантический объем лексемы *город* по данным толковых словарей русского языка

Словарь Ушакова	БАС	МАС	Словарь Ожегова	Словарь Кузнецова	Словарь Ефремовой	Словарь Дмитриева
1. Крупный населенный пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр. 2.1) Вычерченный на земле прямоугольник, в пределах которого расставляются городки, рюхи; 2) В различных подвижных играх в форме состязания между двумя партиями (например, в лапте) – место, лагерь каждой из партий.	1. Крупный населенный пункт, являющийся административным, промышленным, торговым, культурным центром района, области, округа. // разг. Центральная часть такого населенного пункта. // разг. О жителях такого населенного пункта. // устар. О привилегированных кругах такого населенного пункта. 2. Древнее поселение, огороженное, укрепленное стеной для защиты от неприятеля, как центр ремесла и торговли. // Центральная часть такого поселения; кремль, крепость. // Ограда, стена, окружающая такое поселение. 3. разг. В некоторых подвижных играх (в лапте, в городках); место, лагерь каждой из партий.	1. Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр. // разг. О жителях подобного населенного пункта. // разг. Центральная, главная часть этого населенного пункта, в отличие от окраин и пригородов. 2. истор. Населенное место, огороженное и укрепленное стеной; крепость. 3. В различных подвижных играх (например, в лапте, в городках): место, лагерь каждой из партий, обычно обозначенный на земле чертами.	1. Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр. 2. Центральная главная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородов. 3. В старину на Руси: огражденное стеной, валом поселение, крепость. 4. Городская местность в отличие от сельской, деревенской. 5. В игре в городки: площадка, на которой ставятся фигуры из городков.	1. Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр. // Центральная часть очень крупного населенного пункта (в отличие от окраин). // О городской местности; // разг. О жителях такого населенного пункта. 2. ист. Древнее поселение, огороженное укрепленной стеной, крепость. // Ограда, стена, окружающая такое поселение. 3. В различных подвижных играх (в лапте, в городках и т.п.): очерченное на земле место, являющееся лагерьем каждой из играющих партий, площадкой, из которой выбивают городки и т.п.	1.1) Крупный населенный пункт, являющийся административным, промышленным, торговым и культурным центром района, области, округа и т.п. // разг. Центральная часть такого населенного пункта (в отличие от удаленных его окраин) // разг. Район старой застройки такого населенного пункта; 2) перен. разг. Жители такого населенного пункта. // устар. Привилегированные слои такого населенного пункта. 3) устар. Древнее поселение, огороженное стеной для защиты от неприятеля // Центральная часть такого поселения; кремль, крепость. // Стена, окружающая такое поселение. 2. 1) Место, очерченное на земле и имеющее различное назначение; 2) Квадрат, из которого выбивают городки (в некоторых подвижных играх: в лапте, городках и т.п.).	1. Крупный населенный пункт, большая часть жителей которого работает на промышленных предприятиях, а также занята в сфере бизнеса, образования, науки (В России город должен насчитывать не менее 12000 жителей). 2. Город-спутник. 3. Город-миллионер. 4. Вечный город. 5. Часть какого-либо крупного населенного пункта, отличающаяся от других его частей по времени, типу застройки, национальной принадлежности и жителей.

Семантический объем лексики *деревня* по данным толковых словарей русского языка

Словарь Даля	Словарь Ушакова	БАС	МАС	Словарь Ожегова и Шведовой	Словарь Кузнецова	Словарь Ефремовой	Словарь Дмитриева
Крестьянское селенье, в котором нет церкви.	1. Небольшое крестьянское селение. 2. собир. Жители, население деревни//Сельское население, крестьянство. 3. То же, что деревенщина (простор., пренебреж.).	1. Крестьянское, сельское поселение, обычно небольшое// В доревол. России – помещичье крепостное имение с усадьбой. 2. В знач. собир. Жители такого поселения. //Сельское население, крестьянство. 3. Сельская местность (в отличие от города). 4. прост. бранно. О простоватом, глупом человеке.	1. Крестьянское селение. 2. Сельская местность. 3. собир. Сельские жители, сельское население.	1. Крестьянское селение. 2. То же, что село. 3. Сельские жители, сельское население.	1. Крестьянское селение. 2. Сельская местность. 3. Сельское население, крестьяне. 4. В названиях некоторых специфических поселений.	1.1) Сельское - обычно небольшое поселение// разг. Жители такого поселения. 2) Сельское в отличие от города – местность//разг. Население такой местности, крестьянство. 3) Помещичье крепостное имение с усадьбой (в Российском государстве до 1917г.). 2. разг. – сниж. Простоватый человек.	1. Небольшое крестьянское селение, которое обычно располагается в отдалении от города и окружено лесами, полями и т.п. 2. Сельская местность с присущим ей укладом жизни (в отличие от города). 3. Человек, который плохо разбирается в чем-л. 4. Олимпийская деревня.

Основные направления ассоциирования на стимул *город*

	САНРЯ			РАС			РАСШ		
	Частот ные	Единиц ные	Отсутст вуют	Частот ные	Единиц ные	Отсутст вуют	Частот ные	Единиц ные	Отсутст вуют
Размер	+			+			+		
Характер труда		+			+			+	
Огорожен ность, защищенн ость			+			+			+
Рост, развитие		+		+					+
Шумное пространс тво		+		+				+	
Плохая экология		+		+			+		
Перспекти вы работы и учебы		+		+					+
Связь с ВО войной	+			+					+
Любовь к родным местам	+			+				+	

Основные направления ассоциирования на стимул *деревня*

	САНРЯ			РАС			РАСШ		
	Частотные	Единичные	Отсутствуют	Частотные	Единичные	Отсутствуют	Частотные	Единичные	Отсутствуют
Размер	+			+				+	
Характер труда	+			+				+	
Удаленность от центра	+			+			+		
Связь с природой	+			+			+		
Связь с Россией	+			+					+
Разруха		+		+				+	
Любовь к родным местам	+			+				+	
Отсталость		+		+				+	
Рост, развитие	+					+			+
Перспективы	+				+				+
Связь с семьей	+			+			+		
Деревенский быт	+			+				+	
Связь с ВО войной	+					+			+
Тип застройки		+			+			+	
Советская эпоха	+			+					+

Лексемы *город* и *деревня* по данным САНРЯ

Стимул	Частотные реакции
<i>Город</i>	большой 29, деревня 27, село 21, красивый, родной 11, Алма-Ата, Москва 10, дома, любимый 7, шумный 6, новый, столица 5, Ленинград, поселок, страна 4, наш 3, весенний, герой, год, горы, зеленый, молодой, место, мой, на Неве, поселение, Рига, сад 2, балаган, в зелени, веселый, вечерний, вузы, где?, Горький, голод, горный, град, день, Джембул, дом, жилище, жить, здание, куча народа, маленький, много, Минск, на Северном полюсе, населенный пункт, на реке, необжитый, нравится, огромный, приморский, промышленный, прекрасный, приятный, пыльный, разруха, растущий, русский, светлый, сквер, солнце, спит, спутник, старый, театр, тесный, Томск, улицы, учеба, центр, центральный 1.
<i>Деревня</i>	город 113, село 55, глухая 46, большая 27, маленькая 23, моя, родная 21, дом 14, забытая, красивая 12, лес, старая 10, Калуга-Соловьевка, колхоз 9, корова, отдых, природа 8, черти 7, лето, школа 6, Ветрица, глушь, дома, наша, новая, озеро, поселок 5, близкая, грязь, далекая, деревня, зеленая, картошка, небольшая, тихая 4, бабушка, зелень, крестьяне, луг, милая, советская, уголок, хата 3, близко, будущая, будущее, в будущем, гора, гумно, гуси, дальняя, два двора, дедушка, домик, дорога, дыра, ждет, забитая, за городом, Золотая Сопка, изба, колонка, Лужки, люблю ее, матушка, могила, на отшибе, недалеко, огромная, пакость, периферия, плохо, поехать, поле, прелестная, провинция, Пушки, работа, сад, скоро, современная, строения, тихо, тишина, тучи, ужас, учитель, Хатынь, целина, я 2, бабушкина, богатый край, будущее место, будущее место работы, в Англии, весна, в лесу, воздух, вот моя, вот моя деревня, где скучал Евгений, где скучал Онегин, где я росла, глупая, глухомань, город детства, гриб, далеко, дедушке, домишки, дороги, ехать, заброшенная, захолустная, захудалая, зеленый луг, знакомая, избышки, избы, испытание, клуб, колхозника, Красные маки, культура, Лермонтов, леса, лесная, луна, любимая, маленький домик под соломой, меньше людей, мечта, милая моя, молодые, на окраине, не город, не хочу, Николаевский, ночь, отсталая, петухи, поля, прелестный уголок, прекрасная, простор, пыль, пыльная дорога, 500

	км., райский уголок, речка, Родина, рожь, Романовка, рос, русская, рябина, сады, сено, скот, снежная, совхоз, сок, соседняя, строится, судьбы, существование, так и осталась деревня, так хорошо, темнота, темный, Терновка, тишь, трава, трубы, у леса, улица, у реки, утро, ученик, уют, Ходорово, хорошая, хутор, цветы, чертятник, чудесная, чудесно, ягоды 1.
--	--

Таблица №6

Лексемы *город* и *деревня* по данным РАС

Стимул	Частотные реакции
<i>Город</i>	большой 55, деревня 36, герой 24, родной 22, село 20, Москва 17, дома 15, Челябинск 14, красивый 10, мой, спит 9, Саратов 8, детство 7, Горький, дом, принял, шум 6, грязный, Зеро, любимый, люди, Пермь 5, будущего, грязь, древний, дым, Ленинград, населенный пункт, огромный, светлый 4, Курск, наш, невест, родина, солнца, старый, южный 3, Владимир, голод, душный, Калинин, крупный, Лондон, маленький, небольшой, незнакомый, новый, ночной, огни, огород, поселок, пригород, провинция, река, сад, серый, спал, страна, странный, строится, тихий, улица 2, автобус, автомобильный, агломерат, Альдопардо, банк, бардак, Батуми, башня, безлюдный, безымянный, белый, берег, большая деревня, будет, Бухара, в дыму, великий, великолепный, вечерний, вечером, вид сверху, в Крыму, в небе, в огнях, вольный, вперед идущий, в пыли, врунов, в тумане, в шинеле, высотный, газ, город, Градов, грандиозный, Гродно, далекий, далеко, деревянный, детство, домой, дураков, дымный, жизни, жил, жить, завод, замок, затих, задние, зеленый, зеркал, Златоуст, золотой, Иерусалим, изба, из зеркал, индустриальный, как город, каменный, квартира, Клифорд, конгломерат, коробка, круг, лгунов, лес, Мастеров, машина, метро, мечты, миллионный, мираж, много домов, много огней, многоэтажные здания, молод, молодой, мор, муравейник, мясо, на Волге, надежды, над Невой, надоед, Назрань, на карте, на море, на Неве, народ, неважный, не нравится, не спит, Новгород, ночь, Нью-Йорк, областной, обреченный, площадь, помойка, прекрасен, проспект, просыпающийся, пустой, пыль, пыльный, пыль от машин, радости, разрушить, район, Рига, родней, самолет, светло, селение,

	сказок, скопление пороков, скучно, славный, смерти, солнечный, спелый, спрут, стена, стоит, столица, столичный, страж, строения, строится, строят, суматоха, существовать, счастья, Таллин, тих, толпа, Торжок, трамвай, трубы, трущобы, удачи, улица с фонарями, умер, урбанизация, цивилизация, чистый, чужой, шумный, юности 1.
<i>Деревня</i>	село 40, город 34, моя 31, родная 29, глухая 26, старая 21, дом 12, большая, заброшенная 14, корова 13, русская 12, маленькая 10, бабушка, природа 9, лес 7, грязь, поселок 6, далекая, дальняя, колхоз, поле 5, далеко, захолустная, огород, отдых, Простоквашино, пустая 4, бабушкина, в лесу, воздух, забитая, захудалая, колодец, красивая, лето, на отшибе, небольшая, нищая, новая, отсталая, родина, свежий воздух, тихая, хутор 3, ветхая, вымерла, где скучал Евгений, дедушки, деревня, деревья, дома, забытая, земля, и город, картина, коровы, крестьяне, летом, любимая, милая, молоко, наша, неперспективная, осень, простор, речка, сарай, сено, тишь, улица, хорошая, чистый воздух 2, Афанасово, бабушки, башкирская, бедная, без конца, без крестьян, Беляево, блаженство, ближняя, Босово, бревенчатая хижина, бревно, в глуши, вдалеке, в запустении, в огне, вольность, Вороново, в сельской местности, вымирает, вымирающая, глубинка, глухой, глухомань, глухость, глушь, Госагропром, Гребенщиков, грязища (в смысле дороги плохие), грязно, дача, Двойни, деда, дедушка, делать, дерево, деревянная, деревянный дом, дискотека, дискотека у коровника, домики, река, деревья, домишки, дом родной, дорога, древняя, дряхлая, Дулево, душиста, Ельня, железный, желтая, житье, забор, заброшена, завод, за городом, запах, запах трав, захолустье, здорово, зеленые, знаменитая, Иваново, и грязь, изба, и лето, коза, кол, коlea, колхозная, колхозник, колхозница, «Кому на Руси жить хорошо», комья земли, крайняя, крестьянин, Крюково, Кулогоры, лагерь, летний отдых, ливни, лихо, лошадь, луг, Лукаши, малая, маленькое селение, Мамешиха, Марьино, матушка, местность, место жительства, много домов, мой дом родной, молодая, Москва, моя дорогая колхозница, на горке, на деревню дедушке, на жительство, на Урале, на холме, не город, недалеко, нейрожайка, низкие дома, никого, овощи, околица, окраина, Ольховка, опилки, отмирающая, отсталость, пастух, пахарей, пейзажная, пень, перестраивается, периферия, песня, петух, печка,

	печь, плохо, покинутая, покой, поселение, Потемкинская, практика, Пушкина, пыльная, работа, раздолье, разорена, разорилась, распределение, река, родной, родня, Россия, рядом, сад, садовый участок, сапожная, светлая, светло, своя, с дедушкой, с деревом, сельпо, сельское хозяйство, сказка, снег, солнце, Солнцево, спокойствие, стоит, стонет, строится, таежная, теплая, тихий уголок, тишина, только в мечтах, тополь, тоска, трава, три дома, трущобы, убогость, уголок родной, ужас, умерла, умирающий, у реки, утка, хата, хлебное поле, холм, Хохловка, Чебаркуль, Челябинск, чужая, экзотическая, этнос, яблоня, ягоды 1.
--	--

Таблица №7

Лексемы *город* и *деревня* по данным РАСШ

Стимул	Частотные реакции
<i>Город</i>	Саратов 18, село, Энгельс 10, Москва 8, большой 6, деревня 5, дом, дома 4, красивый, страна 3, брат, грязный, грязь, люди, Париж, Питер, суeta 2, Анапа, Балаково, вечер, герой-Москва, грязно, дороги, достопримечательность, жизнь, житель, зверосовхоз, канал, кафе, Киев, Ленка, мегаполис, место жительства, место обитания, метрополитен, мир, много, многоэтажный, мой родной, музыка, народ, нет, ночь, область, помойка, пробки, промышленный, пустой, район, родные, рукав, села, серый, станица, столица, Украина, урбанизация, фильм, Шадринск, школа, штат, шум, шумно 1.
<i>Деревня</i>	село 28, корова 23, бабушка 17, молоко 8, домик 6, дураков, отдых 5, коровы 4, город, колхоз, лето, люди 3, баня, глухая, дача, дед, деревья, дом, дома, изба, Милая, Мила, огород, поле, поселение, речка, улица, хутор 2, алкаши, аул, бабуля, бабушкина, большая, водка, воздух, г. Шиханы, где живу, глухомань, глушь, грибы, грязь, двор, дерево, деревянный дом, дети, домик деревянный, домики, друиды, живописная, захолустье, избы, имение, к бабушке, козы, колодец, край родной, лепешка, лес, Луговое, малое, место, место жительства, миграция, моей бабушки, мой дом родной, мостик, моя, народ, не люблю, не хочу, отсталость, очень, прикольно, очень хорошо, пейзаж, первобытность, пожар, поля, поселок, природа, Простоквашино, простор, Пушкин, пьянка, родина,

	родная, Савиново, сад, свинья, свобода, сгорела, сельское хозяйство, сено, сортир, спать, спокойствие, старая, старина, стог, тишина, трава, трущоба, у бабушки, у бабушки дома, хата, цветы, чистый воздух, я, ясный 1.
--	--